

Центр по правам человека при факультете международных
отношений Белорусского государственного университета

ГЕНДЕРНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ

Под редакцией А.Э. Набатовой, Т.П. Афонченко

Минск
«Экоперспектива»
2020

УДК 343.9:316.346.2

ББК 67.51

Г34

А в т о р ы:

Т.П. Афонченко (пункт 1.1, глава 4, приложения: Е, Ж, И), А.Э. Набатова
(введение, пункт 1.3, глава 2, заключение, приложения: А, Б, В, Г),
Е.Ю. Пасовец (глава 3, приложение Д), И.М. Синица (пункты: 1.1, 1.2)

Р е ц е н з е н т ы:

профессор кафедры уголовно-исполнительного права
уголовно-исполнительного факультета Академии МВД
Республики Беларусь, доктор исторических наук, кандидат
юридических наук, профессор *В.А. Ананич*
заведующая кафедрой гуманитарных наук Брестского
государственного технического университета,
кандидат исторических наук, доцент *Т.В. Лисовская*

Гендерная криминология : понятие, структура, содержание /
Г34 Т.П. Афонченко [и др.] ; под ред.: А.Э. Набатовой, Т.П. Афонченко. — Минск :
Экоперспектива, 2020. — 144 с.

ISBN 978-985-469-725-3.

Настоящая монография посвящена разработке теоретических и прикладных основ гендерной криминологии. Представленная работа позволяет сформировать комплексное представление о самостоятельном научном направлении — гендерной криминологии, и оценить включенность гендерных измерений в изучение, профилактику и предупреждение преступности. В монографии представлены исторический и международно-правовой анализ гендерно-криминологических проблем, сформулированы понятие, структура, содержание, цели, задачи гендерной криминологии. Обоснованность выводов подтверждается обширными эмпирическими данными.

Монография предназначена для студентов, магистрантов, изучающих криминологию, а также аспирантов, докторантов, научных работников, правоохранительных органов и всех тех, кто интересуется гендерной теорией, социологией, криминологией.

УДК 343.9:316.346.2

ББК 67.51

ISBN 978-985-469-725-3

© Оформление. УП «Экоперспектива», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Перечень сокращений и условных обозначений	4
Введение	5
Глава 1. Эпистемологические подходы к изучению преступности в контексте обеспечения прав человека и методология исследования	8
1.1. Философско-исторические предпосылки и криминологические подходы к изучению преступности	8
1.2. Аксиологическая составляющая изучения преступности в контексте обеспечения прав человека	28
1.3. Методология исследования	31
Глава 2. Теоретические основы гендерной криминологии и ее роль в системе науки криминологии	38
2.1. Понятие и роль гендерной криминологии в системе науки криминологии	38
2.2. Цели, задачи и функции гендерной криминологии	52
2.3. Структура и содержание гендерной криминологии	54
Глава 3. Прикладные аспекты гендерной криминологии: модели изучения преступности в контексте теории интерсекциональности	66
Глава 4. Имплементация результатов изучения преступности в рамках гендерной модели в процесс профилактики противоправных проявлений и ресоциализации осужденных	73
Заключение	102
Список использованных источников	104
Приложения	116

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ДИН — Департамент исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь

ИУ — исправительное учреждение

МВД — Министерство внутренних дел Республики Беларусь

ОВД — орган внутренних дел

ПТУ — профессионально-техническое училище

УИК — Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь

УК — Уголовный кодекс Республики Беларусь

УНИД — Управление надзорно-исполнительной деятельности Министерства внутренних дел Республики Беларусь

ст. — статья, статьи

ВВЕДЕНИЕ

Противодействие и предупреждение преступности как реакция общества и государства на противозаконные деяния отдельных индивидов, причины и порождающие преступность факторы на теоретико-правовом и практико-эмпирическом уровнях в той или иной степени являлись предметом исследования и разрешения на всех исторических этапах развития государственности. В настоящее время весьма важной представляется адекватная научно обоснованная постановка задач в области реагирования на преступность в плоскости совершенствования уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства в направлении интенсификации внедрения поощрительных мер, направленных на стимулирование законопослушного поведения и его осознанный, неформализованный выбор. Прикладным результатом современных юридических и научно-социологических изысканий должна выступать детальная легальная регламентация не столько репрессивных, контрольно-надзорных мер уголовно-правового воздействия, но в первую очередь так называемых восстановительных мер контроля над преступником. При разработке подобных мер большое значение приобретает учет гендерных факторов. Определяя гендерную криминологию в контексте криминологической науки, следует отметить, что исследование заявленной проблематики позволяет констатировать отсутствие единства подходов и некоторую разрозненность научных взглядов среди ученых и практиков. В то же время ученые-криминологи не оставляют в стороне изучение преступности в контексте отдельных гендерных групп, в том числе на протяжении последнего десятилетия. Диссертационные исследования, научные публикации внесли существенный вклад в развитие криминологии современного периода, занимают видное место среди других исследований и создают предпосылки для проведения комплексной теоретической работы по формированию гендерной криминологии.

Представленное исследование содержит новое научно-теоретическое и прикладное разрешение проблемы изучения преступности при помощи гендерных моделей с учетом теории интерсекциональности. Оно предпринято впервые как в Республике Беларусь, так и в государствах — членах СНГ.

Методологически значимой для исследования представляется теория преступности социальных подсистем (сформулирована и обоснована Д.А. Шестковым), а также модели преступности, сконструированные на основе изучения комплекса криминологически существенных признаков в рамках научной школы В.А. Ананича. Основу методологии также составляет системный подход, на базе которого используются традиционные общенаучные и частнонаучные методы.

Эмпирическую базу исследования составили акты международного характера и действующее национальное законодательство Республики

Беларусь, исторические правовые документы; статистические данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь за период 1990—2017 гг.

Теоретические положения гендерной криминологии находят свое подтверждение во мнениях и оценках специалистов, а также получили отзыв от гражданского общества. Изучение общественного мнения осуществлялось по специально разработанным анкетам-интервью методами массового и экспертного опросов. Всего опрошено 565 респондентов в г. Гомеле, Гомельской области, г. Могилеве. Из них взрослого населения — 523 чел., учащейся молодежи — 42 чел. Среди представленных групп процент опрошенных женщин составляет 56% (315 чел.), мужчин — 44% (250 чел.).

Опросы населения осуществлялись в следующих группах: студенты, учащиеся колледжей — 42 чел. (7,4%); взрослое население — 250 чел. (44,2%); женщины, осужденные к лишению свободы и отбывающие наказание — 49 чел. (19,6% от взрослого населения), в опросе приняли участие только женщины (в связи со спецификой учреждения — 100%); специалисты из числа работников правоохранительных органов (следователи управления Следственного комитета Республики Беларусь по Гомельской области) — 273 чел. (48,4%) от общего числа опрошенных. Из них 99 чел. (36,2%) женщины и 174 чел. (63,8%) мужчины (см. приложения: А, Б, В, Г, И).

Исследование по своему содержанию обладает всеми признаками междисциплинарности. В частности, на основе анализа научных изысканий в области криминологии, социологии, гендерной теории, руководствуясь общими методологическими подходами, Рекомендациями по повышению качества юридических исследований по правам человека и интеграции гендерного измерения в юридические исследования применялась двухуровневая модель междисциплинарности.

На первом уровне:

- сформирована междисциплинарная методология исследования, представленная общенаучными и частными методами исследования, которая позволила определить *научную проблему, гендерно-криминологическую проблему, гендерно-криминологические вопросы, гендерно-чувствительные индикаторы*, сформировать *объект, предмет, цель и задачи*;

- проведен исторический анализ криминологических подходов к изучению преступности, который позволил констатировать следующее: криминология — междисциплинарная наука, изучающая преступность с позиций социолого-правовых, психологических, политических, биологических, гендерных факторов, что является подтверждением ее междисциплинарности.

В исследовании применен подход, основанный на правах человека. Исследование международно-правовой базы по изучению преступности в контексте обеспечения прав человека и теории о гендерном равенстве показал включенность гендерного измерения в основные международные документы, что является подтверждением обоснованности избранного нами междисциплинарного подхода при формировании гендерной криминологии.

На втором уровне:

– сформирована теоретическая основа гендерной криминологии, определено ее системное окружение. На общем уровне системного окружения — науки социально-гуманитарного цикла: социология, гендерная теория, демография, культурология, психология, экономика, педагогика, психиатрия, история, биология, этнография, политология, философия, религиоведение. Специальный уровень системного окружения — науки правовые: международное право, криминология, уголовное право, уголовно-процессуальное право, уголовно-исполнительное право. Отраслевой уровень системного окружения: криминокультурология, криминофамилистика, криминотеология, ювенология, наркокриминология, этнокриминология и т. д.;

– предложен авторский подход к применению моделирования, интерсекциональности в формировании прикладных основ гендерной криминологии, применению гендерного измерения в профилактике преступлений и социальной адаптации осужденных.

Рекомендации по повышению качества юридических исследований по правам человека¹ и Рекомендации по интеграции гендерного измерения в юридические исследования² применялись в ходе всего исследования: при составлении плана, формировании методологии, объекта и предмета исследования, целей, задач, определении плана эмпирического исследования и разработки анкет и т. д. Представленное исследование позволяет заключить, что есть все основания для расширения сферы применения Рекомендаций не только в юридических исследованиях по правам человека, но и в широком спектре теоретических и прикладных исследований, посвященных изучению преступности, социальной адаптации осужденных, профилактике преступлений и других значимых направлений.

¹Рекомендации по повышению качества юридических исследований по правам человека [Электронный ресурс] / Центр по правам человека при факультете международных отношений Белорус. гос. ун-та. — Минск, 2018. — Режим доступа: <https://fir.bsu.by/ru/faculty/centres/human-rights/hr%D1%81-docs>. — Дата доступа: 01.02.2019.

²Краснобаева, Л.А. Рекомендации по интеграции гендерного измерения в юридические исследования / Л.А. Краснобаева [и др.]; под общ. ред. Т.В. Лисовской. — Минск: Юнипак, 2018. — 44 с.

ГЛАВА 1. ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРЕСТУПНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Философско-исторические предпосылки и криминологические подходы к изучению преступности

Произвести адекватную оценку состояния научных исследований в той или иной области научного знания, в том числе криминологического, а также сформулировать прогнозы его дальнейшего развития и совершенствования представляется возможным исключительно на основе исторического (ретроспективного) анализа. Противодействие и предупреждение преступности как реакция общества и государства на противозаконные деяния отдельных индивидов, причины и порождающие преступность факторы на теоретико-правовом и практико-эмпирическом уровнях в той или иной степени являлись предметом исследования и разрешения на всех исторических этапах развития государственности. Представляется возможным ретроспективно проследить постепенное расширение круга субъектов, наделяемых основными правами и признаваемых равными в своих правах: малоимущих, инвалидов, лиц некоренных национальностей или рас, лиц с ментальными особенностями и т. д. Это отражалось как собственно на жизни конкретных людей, так и на восприятии их во многих аспектах, в том числе научном. Несомненным шагом вперед в этом смысле были признание прав женщин, женская эмансипация и нормативное закрепление юридического равноправия полов. Однако все перечисленное не было достигнуто одномоментно, а заняло длительное время, более того, мы не можем, бесспорно, говорить о том, что всеобщее равенство уже есть свершившийся факт, в том числе указанное касается гендерной проблематики. Современное общество формировалось в условиях патриархальной культуры, характерной чертой которой является исключение женщин из политической и общественной жизни, отстранение от решения вопросов, определяющих, в том числе, их собственную жизнь.

В настоящее время, конечно, легендарный вопрос церковного собора о том, является ли женщина человеком (имеет ли полноценную человеческую душу), не актуален, но нельзя отрицать, что проблемы, касающиеся статуса женщин в обществе и реализации нормативно закрепленного равенства, сохраняются. Несмотря на предпринимаемые усилия, в каждом обществе в разной степени продолжают существовать многочисленные гендерные стереотипы, влияющие на положение

женщин, что ведет к их большей уязвимости в экономическом и социальном плане, в том числе к домашнему насилию и трудовой эксплуатации. Особое место занимает роль женщины как объекта и субъекта совершения преступлений.

В криминологической науке (как и в других научных областях) глобальные изменения, происходившие в обществе, находили свое непосредственное отражение. Новые теории, кардинально меняющие точку зрения на преступность как явление, причины ее возникновения и способы противодействия, возникали на протяжении всего XX в. Данный процесс активно продолжается и сегодня. В то же время контроль преступных проявлений на основе глубоко изучения их детерминант, в том числе как проблема соотношения свободы личности и возможности ее ограничения, то есть соотношения границ свободы и необходимости, является предметом полемики представителей философской и правовой мысли уже достаточно длительный период. Традиционно с общепhilosophических позиций указанные категории выражали взаимоотношение между деятельностью людей и объективными законами природы и общества³. Идеалисты (Платон, Г.В. Лейбниц, Дж. Беркли) рассматривают свободу и необходимость как взаимоисключающие понятия и понимают свободу как возможность поступать согласно волеизъявлению, которое не детерминировано внешними условиями. Идея детерминизма, устанавливающая необходимость человеческих поступков, полностью снимает ответственность с человека и делает невозможным нравственную оценку его поступков, а следовательно, и какое-либо их ограничение. Только ничем не ограниченная и безусловная свобода выступает с точки зрения идеализма единственной основой ответственности⁴. Крайний субъективизм допускают в объяснении свободы приверженцы экзистенциализма. Так, Ж.-П. Сартр представляет свободу как нечто абсолютное, раз и навсегда данное («человек осужден быть свободным»), предшествующее сущности человека. Сартр понимает свободу не как свободу духа, ведущую к бездействию, а как свободу выбора, которую никто не может отнять у человека. Концепция свободы воли разворачивается у Ж.-П. Сартра в теории «проекта», согласно которой индивид не задан самому себе, а проектирует, «собирает» себя в качестве такового. Тем самым он полностью отвечает за себя и за свои

³Философский словарь; под ред. И.Т. Фролова. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1986. — С. 323—324.

⁴Платон. Собрание сочинений: в 4 т.; под общ. ред.: А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Примеч. А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи; Ин-т философии РАН. — Т. 2. — М.: Мысль, 1993. — 527 с.; Гуманистическая наука по Лейбницу и назначению академий; под ред.: В. Кальтенбахера, А.А. Россиуса; пер. А.А. Россиуса. — Москва—Неаполь: Сесом, 2010. — 114 с.; Богомолов, А.С. Критика субъективно-идеалистической философии Д. Беркли: Лекция / А.С. Богомолов. — М.: Изд-во Московск. ун-та, 1959. — 54 с.

поступки⁵. Диаметрально противоположного взгляда придерживаются сторонники механистического детерминизма, отрицая свободу воли и мотивируя это тем, что поступки человека во всех случаях определены внешними, не зависящими от него обстоятельствами. Подобная метафизическая концепция означает абсолютизацию объективной необходимости и приводит к фатализму⁶. Системное объяснение соотношения свободы и необходимости основано на признании их органической взаимосвязи. Первая попытка обоснования этой точки зрения принадлежит Б. Спинозе, который определял свободу как осознанную необходимость⁷. Развернутая концепция диалектического единства свободы и необходимости с идеалистических позиций была сформулирована Г. Гегелем⁸. Диалектико-материалистическое решение проблемы соотношения свободы и необходимости исходит из признания объективной необходимости как первичного, а воли и сознания человека как вторичного, производного. Необходимость существует в форме объективных законов, познание которых происходит поступательно с развитием общества. Чем более глубоко человек постигает объективные законы, тем более осознанной и свободной становится его деятельность. Происходит скачок из «царства необходимости в царство свободы»⁹, что дает индивидам возможность сознательно использовать объективные законы в своей практической деятельности, целесообразно и планомерно направлять развитие общества, создавать необходимые материальные и духовные предпосылки для всестороннего развития общества и отдельной личности, то есть для осуществления подлинной свободы.

Развитие криминологии в рамках национального научного знания, с учетом ряда влияющих на нее философских идей и общественно-политических факторов, с известной долей условности можно разделить на несколько однородных периодов: 1) начальный этап формирования криминологических идей и взглядов (XIX — начало XX в.); 2) криминология в период становления социалистической государственности; 3) этап тоталитарной государственности и отрицания криминологии как научного знания; 4) советский период развития криминологии в

⁵ Андреев, Л.Г. Жан-Поль Сартр. Свободное сознание и XX век / Л.Г. Андреев. — М.: Гелеос, 2004. — 416 с.

⁶ Казютинский, В.В. Спонтанность и детерминизм / В.В. Казютинский, Е.А. Мамчур, Ю.В. Сачков [и др.]. — Ин-т философии РАН. — М.: Наука, 2006. — 323 с.

⁷ Спиноза, Б. Сочинения. В 2 т. / Б. Спиноза; вступ. ст. К.А. Сергеева. — 2-е изд. — Т. 1. — СПб.: Наука, 1999. — 489 с.

⁸ Гегель, Г. Феноменология духа / Г. Гегель; пер. с нем. Г.Г. Шпета; коммент. Ю.Р. Селиванова. — М.: Академический Проект, 2008. — 767 с. — (Философские технологии: философия).

⁹ Marx, K. *Über die Liebe* / K. Marx, F. Engels. — Berlin: Dietz, 1986. — 243 p.

рамках исследований, проводимых в СССР (середина и вторая половина XX в.). Следует согласиться с Я.И. Гилинским, отмечающим, что советская криминология, развивавшаяся в условиях изоляционизма и фактически запрещенная в СССР с начала 30-х до середины 60-х годов, а также наследующая ей постсоветская отстают от зарубежной криминологической науки¹⁰; 5) развитие отечественной криминологической школы в период становления и развития национального суверенитета Республики Беларусь.

Становление национальной криминологии происходило в рамках трех основных направлений позитивистского криминологического учения: биологического (антропологического), психологического, социологического. В плоскости доминирования социального детерминизма А.Ж. Кетле возникла идея многофакторного криминологического направления. Как указывает Б.Н. Селин, социологические идеи оказались более действенными в силу того, что именно они легли в основу современной прикладной криминологии¹¹. Коснемся некоторых значимых постулатов, сформулированных на протяжении развития криминологического знания и выступающих базисом формирования современной гендерной криминологии.

Биологическое (антропологическое) учение характерно для раннего периода криминологической теории (XIX — начало XX в.), однако его основоположник Ч. Ломброзо изначально дифференцировал свои исследования по признаку пола (не гендера), что современниками ученого рассматривалось в качестве исключительно инновационного подхода и вызвало значительный общественный резонанс (одно из самых известных произведений автора — «Женщина-преступница и проститутка» и в настоящее время пользуется популярностью и продолжает издаваться, в том числе на русском языке)¹². Исследуя соотношение биологического и социального в преступнике, Д.А. Дриль предлагал введение системы «...целесообразных мер для успешной борьбы с преступностью... направленными... на отказ от репрессий, рассчитанных на причинение боли и страданий»¹³. В своих трудах Э. Ферри, также отмечая ограниченность влияния наказания на процесс борьбы с пре-

¹⁰Гилинский, Я.И. Современные тенденции мировой криминологии / Я.И. Гилинский // Всерос. криминолог. журнал. — 2012. — № 3(21). — С. 5.

¹¹Селин, Б.Н. Генезис теоретических оснований прикладной криминологии за рубежом / Б.Н. Селин // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2014. — № 3. — С. 79.

¹²Ломброзо, Ч. Женщина преступница и проститутка. Любовь у помешанных / Ч. Ломброзо. — М.: Азбука, 2017. — 352 с.

¹³Дриль, Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с ней / Д.А. Дриль; сост. и предисл. В.С. Овчинского. — М.: ИНФРА-М, 2009. — С. 587—588.

ступностью, последовательно развивал идею эквивалента наказания (ит. *sostitutivi penali* — средства, заменяющие наказания), полагая, что они станут противоядием против социальных факторов преступности¹⁴.

С профессиональной, сугубо юридической точки зрения вопрос о переходе от репрессивного к восстановительному правосудию был поставлен только в рамках позитивной школы уголовного права, уникальный опыт и прогрессивные идеи которой не утратили актуальности и в настоящее время. В этой связи еще в XIX в. Н.Д. Сергиевский считал несовершенной теорию общего предупреждения («устрашение всех и каждого от совершения преступных деяний фактом выполнения наказания») и предлагал совершенствовать теорию и практику специального предупреждения путем «устрашения преступника фактом наказания на основе формирования в нем устойчивого мотива к воздержанию от повторения преступного деяния»¹⁵. В настоящее время все настойчивее высказываются предложения по формированию альтернативной «восстановительной» юстиции, действующей вне рамок государственного уголовного правосудия¹⁶. На наш взгляд, подобные альтернативные механизмы особенно актуальны применительно к построению механизма эффективного воздействия на различные социальные страты в зависимости от определенных гендерных и иных характеристик (возраста, пола, физиологически или психологически ограниченных возможностей индивида). По мнению С.М. Свило, имеются основания для дополнения национальной судебной системы семейными судами, рассматривающими комплекс правовых вопросов, касающихся семьи¹⁷. Кроме того, ряд авторов небезосновательно утверждают, что именно суд, осуществляя в правопорядке коммуникативную функцию, транслирует тем самым правообразование¹⁸ и, на наш взгляд, более чем способен воздействовать на широкий круг индивидов в актуальном на данный момент направлении, в том числе с точки зрения учета гендерной социализации объекта

¹⁴Ферри, Э. Уголовная социология / Э. Ферри; сост. и предисл. В.С. Овчинского. — М.: ИНФРА-М, 2009. — С. 273.

¹⁵Сергиевский, Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая: Пособие к лекциям / Н.Д. Сергиевский. — 3-е изд. — СПб.: тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1896. — С. 210—222.

¹⁶Гилинский, Я.И. Что же делать с преступностью? / Я.И. Гилинский // Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна: сб. ст. — СПб.: Алетейя, 2017. — С. 74.

¹⁷Свило, С.М. Общесоциальное предупреждение преступности женщин в Республике Беларусь: проблемы и пути решения / С.М. Свило // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. — 2014. — № 3(27). — С. 155.

¹⁸Лазарев, В.В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда / В.В. Лазарев // Журн. российского права. — 2017. — № 7. — С. 8.

воздействия. В невско-волжской криминологической школе (школе преступных подсистем) криминофамилистика предстает в качестве самостоятельной отрасли криминологического знания¹⁹, а в перспективе — и законодательства, позволяющей на системных началах учесть гендерные особенности различных групп индивидов. Отметим также, что Д.А. Шестаков применительно к развитию криминологической теории в рамках СССР отмечает следующие значимые этапы: 1) детерминистический этап (60-е — первая половина 70-х гг.), характеризующийся формированием диалектической школы, итогом деятельности которой стало рассмотрение противоречий общественной жизни, относящихся к сферам бытия и сознания, в качестве причин массового преступного поведения²⁰. Подобные идеи высказывали в своих трудах П.С. Дагель²¹, П.П. Осипов²²; 2) плюралистический этап (вторая половина 70-х — 80-е гг.), связанный с отходом от принципа «единства мнений» по ключевым вопросам криминологии, появлением разнообразных несовпадающих подходов к определению преступности и перечня ее детерминант, формированием новых отраслей криминологического знания (Н.Ф. Кузнецова, Д.А. Шестаков, Ю.М. Антонян, Я.И. Гилинский, С.У. Дикаев); 3) либеральный этап (80—90-е гг.) ознаменовался утверждением приоритета прав личности, провозглашением индивида главной ценностью общества и рассмотрением государства в качестве гаранта свобод личности (В.В. Лунеев, В.Н. Кудрявцев, Д.А. Шестаков); 4) постлиберальный этап (2000-е гг. — настоящее время) большое внимание уделяет международной составляющей преступности (С.У. Дикаев, А.П. Данилов, Д.А. Шестаков). Невско-волжская криминологическая школа, развивая различные отрасли криминологического знания (криминофамилистику, политическую криминологию, военную криминологию, криминологию сфер науки и образования, криминологию религии), гендерную криминологию, как уже отмечалось выше, рассматривает в качестве частной научной проблемы.

В рамках национальной белорусской криминологической доктрины большое внимание уделяется вопросам профилактики преступлений и эффективной ресоциализации осужденных как одной из ее составляющих (В.М. Хомич, А.В. Шарков, В.Б. Шабанов, Н.Ф. Ахра-

¹⁹Шестаков, Д.А. Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс / Д.А. Шестаков. — СПб.: Изд-во «Лань» Санкт-Петербургск. ун-та, 2001. — С. 15—24.

²⁰Шестаков, Д.А. Преступность политики. Размышления криминолога / Д.А. Шестаков. — СПб.: Алеф-Пресс, 2013. — С. 12—13.

²¹Дагель, П.С. Избранные труды / П.С. Дагель; науч. ред. А.И. Коробеева. — Владивосток: Изд-во Дальневосточн. ун-та, 2009. — С. 147—157.

²²Осипов, П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций: Аксиологические аспекты / П.П. Осипов. — Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1976. — С. 9—34.

менка). Проблемы уголовно-правового воздействия налицо, пределы его осуществления, в том числе с точки зрения реализации гарантий прав человека, затронуты в трудах Д.В. Шаблинской, Э.А. Саркисовой, Т.Г. Хатеневич.

Концептуальные основы криминологической школы, формирующей криминологические модели преступности с учетом гендерно-чувствительных индикаторов (преступность женщин, несовершеннолетних) заложены и развиваются под руководством профессора В.А. Ананича.

В целом, анализируя глобальный временной срез с точки зрения исторических этапов становления и развития криминологических подходов к изучению преступности, нельзя не констатировать факт постепенной, не всегда последовательной гуманизации законодательства. Развитие и совершенствование социального контроля над преступностью также характеризуется определенной либерализацией и сегодня, прежде всего, связано с пониманием ограниченности влияния уголовного наказания на процессы и характеристики (качественные и количественные) преступности как массового социального явления, внедрением таких конструкций реагирования на преступные проявления, которые связаны с социальной, бытовой, организационной, психологической и иной помощью лицам, совершившим преступление. В то же время в литературе отмечается общемировая тенденция «отставания» социального контроля над преступностью. Так, М.А. Сутурин отмечает, что «в силу того, что защита прав личности является первоочередной и главенствующей над всем остальным задачей, по мере процесса демократизации контроль общества над преступностью повсеместно и постепенно отстает от ее неблагоприятной динамики, а преступность обладает признаком самодетерминации»²³. Прикладным результатом современных юридических и научно-социологических изысканий должна выступать детальная легальная регламентация не только репрессивных, контрольно-надзорных мер уголовно-правового воздействия, но и так называемых восстановительных мер контроля над преступником. Весьма важной представляется адекватная научно обоснованная постановка задач в области реагирования на преступность в плоскости совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в направлении более широкого внедрения поощрительных мер, направленных на стимулирование законопослушного поведения и его осознанный, неформализованный выбор. Важное значение при разработке подобных мер приобретает учет гендерных факторов. В условиях глобализации потенциальных вызовов развитию человечества и сверхдинамичного

²³ Сутурин, М.А. Преступность и социальный контроль / М.А. Сутурин // Сибирск. юрид. вестн. — 2002. — № 4. — С. 57—59.

развития социума, отмеченных также положениями Декларации тысячелетия ООН 2000 г., проблема профилактики правонарушений на основе их детального социолого-юридического изучения является одной из наиболее актуальных на современном этапе развития любого, в том числе белорусского, государства.

Криминологические исследования, признавая за преступностью характер искусственно созданной социальной конструкции, констатируют «кризис наказания» — неэффективность традиционных форм социальной корректировки преступного (и вообще девиантного) поведения²⁴. Я.И. Гилинский указывает, что в подобных условиях все большее значение приобретает выработка стратегии и тактики социального контроля над преступностью, под которым названный автор в самом широком смысле понимает механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в данном обществе нормативного порядка и устранения, нейтрализации, минимизации нормонарушающего — девиантного поведения, призывая отказаться от термина «борьба с преступностью» как от архаичного и порождающего ситуацию противостояния между государством, обществом и отдельной личностью²⁵. А.Б. Венгеров утверждает, что за дисциплину не надо бороться, дисциплиной надо научиться управлять²⁶. В настоящее время именно термины «социальный контроль» «контроль преступности», близкие по смыслу к термину «управление преступностью» (последний употребляется в рамках семантической концепции преступности Д.А. Шестакова)²⁷ получают более широкое распространение применительно к проблемам профилактики и противодействия преступности, воздействия на преступность и преступника со стороны различных институтов общества. М.А. Сутурин указывает, что данный термин является наиболее широким по своему содержанию, включая как борьбу, так и профилактику столь сложного явления, как преступность²⁸. Признавая преступность функциональной системой, автор

²⁴Лунеев, В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — С. 870.

²⁵Гилинский, Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. Гилинский. — 3-е изд. — СПб.: Алеф-Пресс, 2013. — С. 506—521.

²⁶Венгеров, А.Б. Синергетика, юридические науки, право / А.Б. Венгеров // Советское государство и право. — 1986. — № 10. — С. 42.

²⁷Шестаков, Д.А. Об управлении преступностью / Д.А. Шестаков // Проблемы совершенствования использования уголовных наказаний; под ред. А.И. Васильева. — Рязань: Ряз. высш. шк. МВД, 1992. — С. 12—13.

²⁸Сутурин, М.А. Профилактика преступности: модель региональной программы / М.А. Сутурин // Сибирск. юрид. вестн. — 2004. — № 1. — С. 38.

также делает вывод об управляемости подобной системы, т. е. подверженности воздействию как объективных (внешних), так и субъективных (внутренних) факторов, что, в свою очередь, с точки зрения теории управления говорит о присутствии в рассматриваемой системе, как и в любой управляемой системе, контроля (в рассматриваемом случае — социального контроля над преступностью)²⁹. Д.З. Зиядова полагает, что профилактика преступлений невозможна без социального контроля, выполняющего регулятивную и стабилизирующую функции, в силу чего, по мнению автора, «...человек, с одной стороны, а общество и государство — с другой, должны рассматриваться как исходные взаимодействующие элементы системы обеспечения безопасности граждан»³⁰. Н.Б. Бараева небезосновательно утверждает, что механизмы социального контроля могут реализовываться либо в рамках внешних мер воздействия, опирающихся на институционализированный аппарат средств, либо благодаря внутренним (этическим) нормам. При этом более вероятно, что отклоняться индивид будет от тех программ, которые установлены для него другими (иными словами, от внешнего воздействия), а не от тех, которые он сам для себя устанавливает³¹. Отметим, что и сегодня нет единого взгляда на то, применимо ли, например, понятие «профилактика» к предупреждению преступности вообще. С криминологической точки зрения предупреждение преступности (англ. *crime prevention*) представляет собой сложный комплекс разнообразных мер упреждающего воздействия³², систему государственных и общественных мер, направленных на устранение и нейтрализацию, ослабление причин и условий преступности, удержание от совершения преступлений и коррекцию поведения правонарушителей³³. В авторских разработках В.Н. Кудрявцева высказывается позиция о возможности предупреждения конкретных преступлений или их видов, которые могут быть совершены отдельными лицами или группами лиц, но

²⁹Сутурин, М.А. К вопросу о прогнозе преступности (по материалам некоторых регионов Восточной Сибири) / М.А. Сутурин // Вестн. Читинск. гос. ун-та. — 2009. — № 1(52). — С. 185.

³⁰Зиядова, Д.З. Социальный контроль и профилактика преступлений / Д.З. Зиядова // Российский следователь. — 2008. — № 5. — С. 28–30.

³¹Бараева, Н.Б. Организованная преступность как социальный институт: дис. ... канд. социологич. наук: 22.00.04 / Н.Б. Бараева. — СПб.: Социологич. ин-т Рос. Акад. наук, 2002. — С. 10–22.

³²Криминология: учебник для юрид. вузов; под общ. ред. А.И. Долговой. — Изд. 4-е, перераб. и доп. — М.: НОРМА, 2010. — С. 338–345.

³³Тихомирова, Л.В. Юридическая энциклопедия / Л.В. Тихомирова; под ред. М.Ю. Тихомирова. — Изд. 5-е, доп. и перераб. — М., 2006. — С. 686.

не преступности в целом³⁴. Напротив, Ю.Д. Блувштейн, М.И. Зырин, В.В. Романов используют термин «профилактика» в смысле предупредительного воздействия на девиантное поведение как негативное социальное явление в целом, а не в отношении его эпизодических проявлений³⁵.

Как отмечает Я.И. Гилинский, история криминологической мысли богата утверждениями зависимости состояния, структуры и динамики преступности от социальной структуры общества³⁶. Однако, несмотря на наличие в действующем уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве дифференцированных положений применительно к назначению и отбыванию различных видов наказаний, а также уже традиционных сегодня разделов криминологии, посвященных особенностям женской преступности, преступности несовершеннолетних, подавляющее большинство доктринальных идей гендерной тематики сформулированы и разработаны в рамках социологии, а не юриспруденции, а Б.Н. Хачак отмечает наличие ряда уголовно-правовых (и уголовно-исполнительных) положений, «...устаревших и морально, и юридически и ущемляющих права одних субъектов по сравнению с другими по гендерному признаку», приводя в качестве примера презумпцию приоритета материнства перед отцовством³⁷.

Подробную характеристику современных криминологических школ и основные тенденции современной мировой криминологии можно найти в соответствующих источниках. В рамках представленного исследования делаем акцент на тех направлениях развития криминологии, которые непосредственно связаны с изучением преступности в контексте обеспечения прав человека и теории о гендерном равенстве.

Гендерный подход как методологический подход научных исследований, в первую очередь в сфере психологии и педагогики, появляется на рубеже XIX—XX вв. В трудах С.А. Соколинской, Г. Тарда (изданных

³⁴Кудрявцев, В.Н. Социальные деформации: (причины, механизмы и пути преодоления) / В.Н. Кудрявцев. — М.: Изд-во ИГиП РАН, 1992. — 133 с.; Кудрявцев, В.Н. Стратегии борьбы с преступностью / В.Н. Кудрявцев. — М.: Юристь, 2003. — 349 с.

³⁵Блувштейн, Ю.Д. Профилактика преступлений / Ю.Д. Блувштейн, М.И. Зырин, В.В. Романов. — Минск: Университетское, 1986. — 287 с.

³⁶Гилинский, Я.И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций / Я.И. Гилинский // Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна: сб. ст. — СПб.: Алетейя, 2017. — С. 22.

³⁷Хачак, Б.Н. Совершенствование теории и практики борьбы с преступностью путем применения гендерного подхода / Б.Н. Хачак // Общ-во и право. — 2007. — № 4(18) — С. 210.

в России), П.Н. Тарновской затрагиваются проблемы предупреждения отклоняющегося и преступного поведения в зависимости от принадлежности к соответствующему полу³⁸. Масштабное историографическое исследование изучения проблемы женской преступности в Российской империи второй половины XIX — начала XX в. и влияния данного социального явления на процессы модернизации осуществлено С.Г. Куликовой³⁹. Прикладные мероприятия и их теоретическая основа в отношении криминологических прогнозов развития преступности лиц женского пола и несовершеннолетних была заложена отечественными учеными и практикам в 60–80-е гг. XX в. При этом традиционным выступал подход, в соответствии с которым преступные проявления названных поло-возрастных групп считались не обладающими высокой степенью общественной опасности. В этот же период в советской криминологии в целом и в национальных криминологических исследованиях намечаются направления, освещающие взаимосвязь преступности с отдельными функциональными общественными системами (например, криминология девиантного поведения в семье)⁴⁰. В то же время, по мнению Л.А. Шевченко, стереотипные модели поведения мужчин и женщин в криминальной среде меняются параллельно с эволюцией общества, поэтому изучение гендерной составляющей преступности является своевременным и важным⁴¹. В целом в конце XX — начале XXI в. на постсоветском пространстве возрос исследовательский интерес к гендерным аспектам гуманитарных наук. Однако очевиден разрыв с мировой наукой: социологическую постановку проблемы половых различий можно отнести к 1950-м гг., когда американский социолог Толкотт Парсонс впервые сформулировал, что роли мужчин и женщин подчиняются определенным социальным ожи-

³⁸Соколинская, С.А. Распределение детской преступности по возрастам в Москве / С.А. Соколинская // Дети-преступники: сб. ст. с предисл.; под ред. М.Н. Гернета. — М.: Книгоиздательство «В.И. Знаменский и К°», 1912. — С. 287; Тард, Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы: сб. / Г. Тард. — М.: Инфра-М, 2004. — С. 20; Тарновская, П.Н. Женщины-убийцы: антропологическое исследование / Т.Н. Тарновская. — СПб.: Т-во худож. печати, 1902. — С. 490—510.

³⁹Куликова, С.Г. Женская преступность как социальный фактор российской модернизации (вторая половина XIX — начало XX веков) / С.Г. Куликова. — Гагарин: Типография «Полимир», 2011. — С. 3—170.

⁴⁰Аббасов, Ф.Н. Семья и корыстная преступность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ф.Н. Аббасов. — СПб.: Санкт-Петербургск. юрид. ин-т. — 1996. — С. 2—20.

⁴¹Шевченко, Л.А. Личность преступника в гендерном измерении / Л.А. Шевченко // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по материалам LXXI междунар. науч.-практ. конф. — Новосибирск: СибАК, 2016. — С. 33.

даниям и формируются в процессе социализации, а не буквальным образом вытекают из биологии⁴². Дифференциация понятий пола и гендера предопределила выход проводимых исследований на новый теоретический уровень.

Непосредственно на гендерные различия и необходимость их учета при изучении преступности как социального явления ученые-криминологи обратили внимание сравнительно недавно, в период так называемого постмодернистского развития общества (с 1980-х гг. XX в. по настоящее время), хотя уже в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. в американских университетах появляются исследования, проводившиеся женщинами и впервые включившие призму женского опыта и положения в сфере научного познания. В дальнейшем они получили название «женских исследований» (women's studies). Собственно, «женские исследования» возникли, когда стало очевидным, что, в сущности, социальные и гуманитарные науки под видом изучения человека вообще, т. е. homo sapiens, изучают исключительно мужчин»⁴³.

Впервые различие понятий «пол» и «гендер» было обозначено психологом Р. Столлером в 1968 г.⁴⁴. Гендер, являясь базисным понятием, до сих пор остается предметом дискуссий, но в целом суть его сводится к идее социального моделирования пола. Гендерные роли более не рассматриваются как простая надстройка над биологическим полом индивида, зависят не от биологических половых различий, а от социальной организации общества⁴⁵. А.В. Куприянова отмечает важность различия понятий «пол» и «гендер», понимая под последним социальные, культурные, психологические особенности того или иного индивида⁴⁶. С.М. Свило небезосновательно утверждает, что дифференцированное изучение преступности с участием представителей обоих полов повышает аргументированность выводов, позволяет выявить отличительные особенности преступности в зависимости от различных фак-

⁴²Темкина, А. Гендер, секс и феминизм: взгляд социолога [Электронный ресурс] / А. Темкина. — Режим доступа: <https://arzas.academy/materials/959>. — Дата доступа: 01.09.2018.

⁴³Воронина, О.А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе / О.А. Воронина // Общественные науки и современность. — 2000. — № 4. — С. 11.

⁴⁴Там же. С. 10.

⁴⁵Кашина, М. О политических следствиях амбивалентности в определении предмета и методологии гендерных исследований / М. Кашина // Власть. — 2011. — № 4. — С. 101.

⁴⁶Куприянова, А.В. Женская преступность несовершеннолетних как объект исследования гендерной криминологии / А.В. Куприянова // Изв. Иркутск. гос. экон. акад. — 2007. — № 1(51). — С. 58—59.

торов влияния на нее⁴⁷. На социально-психологические детерминанты преступного поведения в зависимости от гендера обращает внимание Н.М. Романова⁴⁸.

Современное представление о гендере и сфокусированные на его понятии и роли исследования возникают на фоне активного женского движения (второй волны феминизма) в западных обществах в 1970—1980-е гг. Феминизм, появление которого было обусловлено социальными, экономическими, технологическими переменами в мире, сыграл решающую роль в появлении гендерной теории. «Академизация» феминизма не только привела к внедрению курсов по женским исследованиям. Она, как указано в процитированном тезисе, «в принципе изменила общественные представления о содержании демократии, заставила увидеть многогранность, многоликость, «пестроту» социального пространства»⁴⁹.

В гендерных исследованиях, прежде всего социологических, появились темы, которые ранее не поднимались, например, насилие в семье, вопросы контрацепции, забота о детях. Тема преступности женщин, как и их виктимизации, занимает свое место в научной проблематике, и это направление в криминологии получает название феминистского. Среди имен исследователей, выдвинувших на первый план тему женщин и преступности, можно назвать R. Simon, F. Adler, C. Smart, P. Carlen и др.

Собственно данное направление в криминологии возникло как ответ на пренебрежение вопросами, касающимися женской преступности, в традиционной криминологии и их одностороннее рассмотрение. Конечно, объяснение такой сосредоточенности на преступности как на мужской проблеме объяснимо двумя факторами. Первое — в области криминологии исторически доминировали мужчины, что привело к разработке криминологических теорий, ориентированных на мужской опыт. Второе — женщины совершали и совершают значительно меньшее число преступлений, нежели мужчины. Можно процитировать F. Heidensohn, заметившего, что «the most significant fact about crime is that it is almost always committed by men» (*«наиболее показательный*

⁴⁷Свило, С.М. Совершенствование правовых основ предупреждения преступности женщин / С.М. Свило // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. — 2016. — № 2 (40). — С. 42.

⁴⁸Романова, Н.М. Социально-психологические детерминанты преступного поведения: субъект криминального деликта и гендер / Н.М. Романова // Изв. Саратовск. ун-та. — 2009. — № 3. — С. 64.

⁴⁹Вершинина, Д.Б. Политическая культура и идеология в странах Запада: гендерный аспект. Программа спецкурса / Д.Б. Вершинина // Вестн. Пермск. ун-та. — 2009. — № 4(11). — С. 149.

факт о преступлении заключается в том, что оно почти всегда совершается мужчинами»⁵⁰.

Именно в рамках феминистской школы криминологии формулируется положение о том, что именно мужчины являются доминирующей группой и стандартом нормальности и они же сохраняют такое неравенство посредством контроля определения девиации и институтов социального контроля. Действительно, как бы не были разнообразны теоретические подходы к изучению преступности, насколько не была бы богата история ее теоретических и практических исследований, как правило, все эти теории были направлены на объяснение причин и характеристику мужской преступности. Это и было констатировано в новых исследованиях: *«as feminist criminologists arrived on the scene in the late 60s and early 70s, they noted the paucity of information on women and what information did exist seemed to coalesce around stereotypes of these errant women» («когда феминистские криминологи вышли на сцену в конце 60-х и начале 70-х годов, они отметили скудность информации о женщинах и то, что имевшаяся информация, казалось, концентрировалась вокруг стереотипов об этих заблудших женщинах»⁵¹.*

В феминистской школе криминологии подчеркивается, что социальные роли женщин отличаются от роли мужчин, предопределяя разницу путей, ведущих к девиантному поведению, преступности и виктимизации, которые игнорируются другими криминологическими теориями. Интересно отметить, что еще один вопрос, который был поднят в результате разработки этого направления, — сексизм и дискриминация в сфере науки и уголовной политики.

О гендерной предвзятости в криминологии пишут Meda Chesney-Lind и Nicholas Chagnon, указывая при этом, что *«yet, spurred by feminist efforts, criminology has become more gender-inclusive recently» («однако, подталкиваемая усилиями феминисток, криминология в последнее время стала более гендерной»⁵².* Целью феминистского направления в криминологии стало изучение влияния гендера на преступность и ее определение, на уровень преступности, причины и способствующие факторы.

Таким образом, как отмечается в литературе, начиная с конца 80-х гг. XX в. вторая волна феминистской криминологии поставила

⁵⁰Heidensohn Frances Gender and crime [Electronic resource]. — Access of mode: <https://www.crimeandjustice.org.uk/sites/crimeandjustice.org.uk/files/09627259508552614.pdf>. — Access of date: 01.09.2018.

⁵¹Там же.

⁵²Meda Chesney-Lind и Nicholas Chagnon. Criminology, Gender, and Race: A Case Study of Privilege in the Academy [Electronic resource]. — Access of mode: http://users.soc.umn.edu/~uggen/ChesneyLind_Chagnon_16_FemCrim.pdf. — Access of date: 01.09.2018.

под вопрос границы криминологии как дисциплины, задачей этого направления стало не только включение женщины в объект криминологического исследования, использующего уже существующие концепции, но и оспаривание теоретических и методологических предпосылок, лежащих в основе криминологических теорий маскулинной направленности»⁵³.

Различают такие направления криминологического феминизма, как либеральный, радикальный, марксистский, социалистический (они соотносятся с соответствующими направлениями феминистического движения). Различие между ними обусловлено политической позицией, которой придерживались авторы, и радикальностью их взглядов. Марксистское направление синтезировало марксистские и феминистские взгляды, вычленив из общей идеи о несправедливости капитализма и классовой структуры общества, становившегося предпосылкой преступности, проблемы такого общества, связанные непосредственно с женщинами. Социалистическое направление расширяет понимание негативной роли капиталистических отношений, указывая на экономическую зависимость женщин от мужчин как фактор дискриминации, обуславливающий, в том числе, причины женской преступности и виктимности.

Диапазон точек зрения — от либерального феминизма, рассматривающего особенности социализации мужчин и женщин как фактор, определяющий причины и уровень соответственно мужской и женской преступности, до феминизма радикального, сводящего преступность к биологически обусловленной мужской агрессии, — строится на общей идеологии, свойственной феминистскому движению в целом. Рассматривая феминистский подход в криминологии, А.Л. Сморгунова говорит о том, что «...анализ подходов к проблемам женской преступности с точки зрения этих направлений позволяет сделать вывод о том, что эти теории объединяет позиция, согласно которой проблемы женщин, включая женскую преступность, возникают в связи с существованием в обществе института патриархальности (контроля мужчин над женским трудом и сексуальностью)»⁵⁴. Она же выделяет недостатки феминистского подхода в криминологии, указывая, что «прежде всего, эти направления игнорируют существенные исторические и культурные вариации взаимоотношений между полами; кроме того, патриархальность, описанная социалистическим феминизмом, свойственна западному индустриальному обществу, однако она зачастую изображается как универсальная, тотальная, неизменная система до-

⁵³ Сморгунова, А.Л. Критическое направление в современной англо-американской криминологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Л. Сморгунова; науч. рук. Я. И. Гилинский. — СПб., 2004. — С. 19.

⁵⁴ Там же.

минирования мужчин над женщинами»⁵⁵. Но нельзя забывать, что «in many ways, feminist criminologists continue to be the only ones who make women visible in the study of criminality, criminal justice professionals, and victimization» (*«во многих отношениях феминистские криминалисты по-прежнему остаются единственными, кто делает женщин видимыми при изучении преступности, профессиональной деятельности в области уголовного правосудия и виктимизации»*)⁵⁶.

Отметим, что феминистская криминология не ограничивается теоретическими исследованиями, а представляет собой и активную деятельность, связанную с защитой прав женщин (прежде всего, вовлеченных в сферу уголовного и административного правосудия в качестве правонарушительниц и жертв). Феминистическое направление криминологии продолжает развиваться в западных странах, прочно заняв свое место в науке. В настоящее время, как пишет Frances Heidensohn, «there are journals such as Women and Criminal Justice wholly devoted to such topics... Later this year the second edition of Women and Crime, first published in 1985, is due out» (*«существуют такие журналы, как «Женщины и уголовное правосудие», полностью посвященные таким темам... Позже в этом году выходит второе издание «Женщины и преступность», впервые опубликованное в 1985 г.»*)⁵⁷. Но сами исследователи, придерживающиеся феминистического направления в криминологии, отмечают: «... as has been the case for many disciplines, however, the feminist revolution in criminology is still incomplete» (*«как и в случае многих дисциплин, тем не менее, феминистская революция в криминологии все еще не завершена»*)⁵⁸.

Таким образом, по мере того, как в науке утверждалось новое отношение к понятиям пола и гендера, они уже не могли рассматриваться как некое очевидное явление, не требующее объяснения своей природы и особого подхода в научных исследованиях. Практически все общественные дисциплины стали проводить разграничение между полом и гендером⁵⁹.

⁵⁵Сморгунова, А.Л. Критическое направление в современной англо-американской криминологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Л. Сморгунова; науч. рук. Я. И. Гилинский. — СПб., 2004. — С. 19.

⁵⁶Heidensohn Frances Gender and crime [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.crimeandjustice.org.uk/sites/crimeandjustice.org.uk/files/09627259508552614.pdf>. — Date of access: 01.09.2018.

⁵⁷Там же.

⁵⁸Britton, D.M. Feminism in Criminology: Engendering the Outlaw [Electronic resource]. — Mode of access: <http://jthomasniu.org/class/781/Assigs/fem-crim.pdf>. — Date of access: 10.09.2018.

⁵⁹Дядюн, К.В. Гендерный подход в уголовном праве: история и современность спецкурса / К.В. Дядюн // Вестн. Пермск. ун-та. — 2011. — № 1(15). — С. 28.

Гендерный подход открыл новые возможности для переосмысления всех предыдущих криминологических теорий. В криминологии это позволило: 1) выявить проблемы, которые ранее игнорировались либо считались индивидуальными, а не социальными такие, как актуальные сейчас темы семейного насилия и харрасмента. Оговоримся, что речь идет не только о специфически женских проблемах, но и о специфически мужских, поскольку гендер как социальный конструкт относится ко всем представителям человечества; 2) вывести проблему рассмотрения личности преступника на новый уровень; 3) отразить в результатах исследований гендерно-чувствительный субъективный опыт, заполняя тем самым лакуны в понимании и объяснении тех или иных явлений; 4) в ином свете рассматривать социальные и межличностные связи, поскольку «использование этого понятия переносит акцент на взаимодействия между полами с учетом всей сложности их биологических, социальных и культурных особенностей»⁶⁰; 5) выделить и изучить гендерный аспект подростковой преступности во взаимосвязи с социальными и культурными условиями; 6) повлиять на практику работы правоохранительных органов некоторых стран, особенно в сфере противодействия семейному насилию.

На сегодняшний день очевидно, что именно гендерный подход необходим для раскрытия закономерностей не только женской преступности. Использование этого подхода и самого понятия «гендер» позволяет рассматривать дуалистическую природу человека, учитывая как его особенности, связанные с биологическим полом, так и социально детерминированные атрибуты, связанные с принадлежностью к мужчинам или женщинам. Отношения между гендером и преступностью глубоки, стойки и парадоксальны. Гендер — один из тех факторов, которые играют важнейшую роль в противодействии различным видам преступлений в системах уголовного правосудия. Мы считаем важным применение гендерного подхода именно в криминологии, поскольку «как показывает мировой и отечественный опыт, уголовная политика, средства и методы социального контроля над преступностью, пенитенциарная политика и практика существенно зависят от криминологических воззрений, распространенных в обществе и разделяемых властными структурами»⁶¹.

В целом, «теория социального конструирования гендера и понимание его как стратификационной категории, взаимосвязанной с катего-

⁶⁰Шоткинов, С.А. Криминальная культурология. Ч. 2. Теория гендера / А.С. Шоткинов // Сибирск. юрид. вестн. — 2003. — № 3. — С. 68.

⁶¹Гилинский, Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я.И. Гилинский. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — СПб.: Алф-Пресс, 2014. — С. 8.

риями расы, класса и возраста, больше используются в социальных науках — социологии, психологии, экономике и демографии»⁶². Криминология не может являться исключением. Мы согласны со следующим тезисом: «...in the post-modern and multicultural worlds of criminology and criminal justice characterized by post-structuralism, post-Marxism, post-affirmative action, and post-feminism, the variables of class, race, and gender remain fundamental to both theory and practice. By the turn of the 21st century, however, a growing number of criminologists from several orientations, including but not limited to critical, feminist, Marxist, positivist, and integrative, had come to appreciate, in different yet related ways, that class, race, and gender matter» («в постмодернистских и поликультурных мирах криминологии и уголовного правосудия, характеризующихся постструктурализмом, постмарксизмом, постпозитивистскими действиями и постфеминизмом, «переменные» класса, расы и пола остаются фундаментальными как для теории, так и для практики. Однако к началу XXI в. все большее число криминологов из нескольких направлений, в том числе, но не ограничиваясь критическими, феминистскими, марксистскими, позитивистскими и интегративными, стали с разных, но взаимосвязанных позиций считать, что класс, раса и гендер имеют значение»)⁶³.

Однако проблема влияния гендера как социального пола на характеристики преступности в отечественной криминологии рассмотрена крайне мало. Приведем цитату Б. Хачак, которая говорит, что «...в плане изучения гендерного подхода и, в целом, гендерного анализа законодательства, мы столкнулись с немалыми трудностями в плане отсутствия репрезентативных эмпирических данных и в целом юридической литературы по данному вопросу. Фактически, все доктринальные источники, посвященные вопросам гендерной тематики, существуют лишь в рамках социологии. Между тем, в любом из учебников по уголовному праву, уголовно-исполнительному праву, криминологии обязательно несколько разделов или тем посвящено вопросам дифференцирования субъектов преступлений исходя из гендерных особенностей (признаков). Например, в уголовном и уголовно-исполнительном праве специфика уголовной ответственности и, в особенности, наказания женщин, совершивших преступления и осужденных, существует раздел, посвященный криминологической характеристике женской

⁶²Воронина, О.А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе / О.А. Воронина // Общественные науки и современность. — 2000. — № 4. — С. 14.

⁶³Barak Gregg Class, Race, and Gender in Criminology and Criminal Justice: Ways of Seeing Difference [Electronic resource]. — Mode of access: <http://critcrim.org/barak.htm>. — Date of access: 01.09.2018.

преступности»⁶⁴. Эту проблему отмечает и Р.А. Гюльалиева: «В учебной и научно-практической литературе никогда не рассматривались и не подвергались глубокому анализу те причины и особенности, на основе которых законодатель предоставляет лицам различного пола соответствующие привилегии, полностью освобождающие либо смягчающие уголовную ответственность и наказание»⁶⁵.

В этом смысле мировая криминологическая наука, давно и плотно занимающаяся изучением женской преступности, активно использующая гендерный подход в исследованиях преступности в целом, располагает большим опытом и достижениями.

Как уже отмечалось, прослеживается вполне отчетливая связь между развитием общественного движения за права женщин и активности социологических, экономических, правовых наук, изучающих общество. Это не могло не отразиться на нормативно-правовом регулировании общественных отношений, в том числе основополагающих принципов, на которых строится жизнедеятельность всего человечества.

Подытоживая главу, позволим себе сформулировать выводы прогностического содержания:

1. На протяжении многовековой истории криминологии назывались и исследовались десятки криминогенных факторов: экономические, политические, демографические, этнические, религиозные. В то же время философия и генезис противоправных проявлений с точки зрения гендерной специфики практически не разрабатывались и не разрабатываются с современных концептуальных позиций. Гендерная криминология рассматривается не как самостоятельная отрасль криминологического знания, а скорее как частнонаучная проблема. Вместе с тем отечественная теория преступности и национальное законодательство криминального цикла уже находится на том рубеже, когда реально эффективное продвижение в практике противодействия преступности возможно только при надлежащем использовании элементов изучения преступности и механизмов социально-адаптационного характера с учетом гендерной идентичности лица. Проходя определенные цивилизационные этапы развития общества, мобильность отдельных социальных групп, в том числе формирующихся на основе гендерных характеристик, растет, однако зависимость от социальной, гендерной принадлежности также остается весьма существенной. С учетом складывающихся столетиями гендерных стереотипов старто-

⁶⁴Хачак, Б.Н. Особенности гендерного подхода и его значение при разработке мер борьбы с преступностью / Б.Н. Хачак // Вестн. Адыгейск. гос. ун-та. Сер. 1 «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». — 2008. — № 2(30). — С. 193.

⁶⁵Гюльалиева, Р.А. Понятие гендерного подхода в уголовном праве / Р.А. Гюльалиева // Юрид. науки и образование. — 2017. — № 52. — С. 135.

вые возможности, связанные с некриминальными вариантами самореализации, в различных социальных группах неодинаковы, исходя из этого и научно-теоретические концепции противодействия преступности должны строиться на основе оценок гендерных факторов.

2. Прикладным результатом изучения особенностей преступности различных групп населения в зависимости от гендерной идентичности должны стать концептуальные направления их профилактики и социальной адаптации указанных групп, поскольку в настоящее время действующие концепции и государственные программы не содержат подобных положений в систематизированном виде на уровне замкнутой системы профилактики и ресоциализации, закладывающих основы формирования комплекса специализированных норм и учитывающих современные требования обеспечения высоких стандартов прав человека и гендерной терпимости.

3. Целесообразным представляется замена в научном обороте, правотворческой и правоприменительной практике термина «борьба с преступностью» терминами «противодействие преступности», «социальный контроль преступности», «управление преступностью» как наиболее соответствующих принципу интеграции прав человека и признания индивида наивысшей ценностью общества и государства.

4. На наш взгляд, в рамках процедур восстановительного (реституционного) правосудия и медиации как формы компромисса между государственными и общественными интересами представляется актуальным введение в уголовно-правовой сфере альтернативной «восстановительной» юстиции, действующей вне рамок государственного уголовного правосудия в зависимости от гендера с учетом теории интерсекциональности (возраст, этническая принадлежность, пол, физиологически или психически ограниченные возможности, конфессиональные предпочтения).

5. Процессы профилактики и социальной адаптации лиц, совершивших преступления, должны осуществляться на планово-программной основе, с учетом криминологической модели, учитывающей фактор гендера указанного контингента лиц, с включением соответствующих мероприятий в основные стратегии, концепции, доктрины и иные правовые акты, определяющие направления развития Республики Беларусь, и принятые на их основе государственные программы.

6. В рамках формирования новой отрасли — права противодействия преступности (криминологического права) — представляется целесообразным принятие Закона «О социальной реабилитации лиц, освобожденных от отбывания наказания», закладывающего основы формирования комплекса специализированных норм и учитывающего современные требования обеспечения высоких стандартов прав человека и гендерного измерения.

1.2. Аксиологическая составляющая изучения преступности в контексте обеспечения прав человека

Определяя аксиологическую составляющую гендерной криминологии с позиций прав человека и гендерного равенства, нельзя не отметить основополагающую роль международных стандартов в данной области. В настоящее время равное положение мужчин и женщин, являющееся базой для социально-экономического, политического, культурного и научного развития мира, относится к фундаментальным ценностям. Международное сообщество признало, что права женщин являются неотъемлемой частью прав человека. И в связи с тем, что не во всех странах мира идея равенства мужчин и женщин законодательно оформлена, международно-правовые нормы (принимаемые в рамках таких международных организаций, как ООН, МОТ и др.) имеют особое значение. Глобальный сдвиг в осознании статуса женщины как равного мужчине субъекта был закреплён на международном уровне с принятием таких универсальных актов, как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. и др. Среди международных актов, целью которых является защита прав женщин, к основным можно отнести Конвенцию о политических правах женщин (Нью-Йорк, 31 марта 1953 г.), Конвенцию о гражданстве замужней женщины (Нью-Йорк, 20 февраля 1957 г.), Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Нью-Йорк, 18 декабря 1979 г.), Конвенцию Международной Организации Труда № 156 о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями (Женева, 3 июня 1981 г.). В Пекине в 1995 г. были подписаны Декларация и Платформа действий IV Всемирной конференции ООН по положению женщин, где подчеркивается необходимость соблюдения гендерного равенства. Отдельно можно отметить акты, регламентирующие и защищающие права трудящихся женщин (наряду с упомянутой выше, приняты Конвенция о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности, Конвенция о дискриминации в области труда и занятий, Конвенция об охране материнства и др.).

Одной из глобальных целей Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. является обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек. Региональные международно-правовые акты также последовательно закрепляли стандарты современного общества в вопросе гендерного равенства. Соответствующие положения были закреплены в Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека, Европейской социальной хартии, пересмотренной Европейской социальной хартии, Американской Конвенции о правах человека, Африканской Хартии прав человека и народов, Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека и др.

Все вышеперечисленные акты рассматривают права женщин как равноправных членов гражданского общества, фокусируясь, главным образом, на политической, семейной, экономической и трудовой сферах человеческой жизнедеятельности. Вопросы, которые могли бы быть отнесены к сфере уголовного правосудия (в широком смысле), если и затрагиваются, то не имеют достаточного раскрытия. На наш взгляд, на данный момент в международном праве им уделяется недостаточное внимание как в отношении защиты прав женщин — жертв преступлений, так и правового положения женщин-преступниц.

Среди специальных актов, направленных на защиту женщин и детей как наиболее уязвимых категорий населения, можно назвать Декларацию о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов, принятую в 1974 г. Но только в последние десятилетия насилие в отношении женщин стало рассматриваться как одна из форм дискриминации и нарушения прав человека. «Создание всеобъемлющей правовой и политической основы для решения проблемы насилия в отношении женщин и принятие законов по вопросам насилия в отношении женщин являются в настоящее время главными направлениями деятельности на международном и региональном уровнях»⁶⁶.

Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, Типовые стратегии и практические меры по искоренению насилия в отношении женщин в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее (Палермский протокол) и Римский статут Международного уголовного суда (Римский статут) стали теми актами, которые подняли проблему женщин-жертв преступных посягательств на новый уровень.

Подавляющее большинство важнейших универсальных международных документов, регулирующих обращение с лицами, вовлеченными в сферу уголовного правосудия, — это разработанные в рамках и под эгидой Организации Объединенных Наций договоры (пакты, конвенции) о защите прав и свобод человека, уже упоминавшиеся нами. Кроме того, отдельно были приняты Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), Правила ООН

⁶⁶Пособие для разработки законодательства по вопросам насилия в отношении женщин. — Нью-Йорк: ООН, 2010. — С. 5.

по защите несовершеннолетних, лишенных свободы, Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы). При этом гендерные признаки субъекта, совершившего преступления, отдельно в них не рассматриваются.

В Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными (Правилах Нельсона Манделы), Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правилах) женщина уже упоминается как субъект, имеющий особые, отличные от мужчин нужды и, соответственно, права. Однако долгое время отсутствовал отдельный международный документ в отношении женщин-правонарушителей, каковым в 2010 г. стали Правила ООН, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила). Данный документ признал, что особой защите подлежат женщины (совершившие преступления, потерпевшие, осужденные и т. д.) уже в силу своих физиологических, эмоционально-психологических и иных особенностей, отличающих их от мужчин. Это, на наш взгляд, является одним из ярких свидетельств признания гендерного аспекта преступности как фактора, требующего внимания, и отхода от позиции, когда преступность, ее причины и способы противодействия ей ассоциировались почти исключительно с мужчинами. Такое признание на международном уровне подчеркивает необходимость вовлечения гендерного измерения в исследование преступности и соответствующей работы в каждом конкретном государстве.

Я.И. Гилинский цитирует исследователя Пола Рока (Paul Rock), писавшего, что «...преступления носят выраженный гендерный характер. А интеллектуальный урожай анализа связей между полом и преступлением еще не был полностью исследован, и женщины «входят в тело социологической криминологии» в больших количествах». Именно с этим связана существующая, на наш взгляд, необходимость разработки основ гендерной криминологии⁶⁷.

Таким образом, преступность (различные формы девиантного поведения) как непреходящее явление сопровождает развитие общества во всем его многообразии на протяжении обозримого прошлого человечества и, можно утверждать, его будущего. Однако, в той мере, в которой менялось общество, менялись и подходы к пониманию и изучению преступности, в том числе на основе стандартов, закладываемых на международно-правовом уровне. Коренные изменения в этом связаны, в пер-

⁶⁷Гилинский, Я.И. Некоторые тенденции мировой криминологии / Я.И. Гилинский // Российский Ежегодник уголовного права. Санкт-Петербургск. гос. ун-та. — 2013. — № 6. — С. 19.

вую очередь, с признанием фундаментальных прав человека ключевым фактором, определяющим жизнь современных государств и обществ.

1.3. Методология исследования

Существует множество подходов к определению методологии криминологической науки. По мнению С.М. Иншакова, под методологией в криминологии понимается совокупность приемов, способов, путей и средств, используемых для выявления, сбора, анализа, оценки и применения определенной информации о преступности в целом и отдельных ее компонентах, конкретно о личности преступника с целью создания эффективных мер предупреждения преступлений и профилактики преступности⁶⁸. Г.А. Аванесов предлагает более обобщенное понятие и считает методологию совокупностью методов, приемов, способов исследования соответствующих явлений или процессов⁶⁹. Белорусские ученые определяют методологию криминологии как систему принципов и совокупность приемов и способов (методов) изучения преступности, ее причин и условий, личности преступника и разработки мер борьбы с преступностью, а также организационно-технических средств сбора, обработки и анализа криминологически значимой информации⁷⁰. Бытует мнение некоторых ученых, что в криминологии собственная методологическая база еще не сложилась⁷¹.

Приведенные точки зрения свидетельствуют о том, что теоретически крайне сложно сформировать методологию, обладающую универсальностью. Тем не менее, многообразие подходов позволяет сделать вывод, что методология — это учение о путях исследования, методика — это совокупность методов исследования, а метод — это способ исследования⁷².

⁶⁸Криминология: учеб. пособие для студентов вузов / А.В. Боков [и др.]; под ред. проф. С.М. Иншакова. — М.: ЮНИТА-ДАНА, 2005. — С. 8.

⁶⁹Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов [и др.]. — Изд. 5-е, перераб. и доп. — М.: ЮНИТА-ДАНА, 2010. — С. 109.

⁷⁰Криминология: Конспект лекций / Э.Ф. Мичулис, Д.В. Шаблинская, А.А. Примаченок; под ред. Э.Ф. Мичулиса. — Минск: Изд-во Минск. ин-та управления, 2005. — С. 9.

⁷¹Жмуров, Д.В. Некоторые проблемы современной криминологии / Д.В. Жмуров // Преступность в России: проблемы реализации закона и правоприменения: сб. науч. тр. / БГУЭП. — Иркутск, 2015. — С. 112.

⁷²Евсеев, А.В. Теоретико-методологические и методические предпосылки организации криминологического обеспечения предупреждения преступности / А.В. Евсеев, Н.Е. Лошаков // Вестн. Всерос. ин-та повыш. квалиф. сотрудников МВД России. — 2014. — № 2(30) — С. 58—63.

В свете изложенного нельзя не согласиться с мнением А.И. Долговой, которая отмечает, что методология и методика любой науки имеют важное значение, ибо они всегда привязываются к предмету исследования и определяют надежность, достоверность его результатов⁷³.

Синтезируя вышеизложенное, можно утверждать, что наблюдается единство теоретических подходов к определению методологии в криминологической науке. На наш взгляд, указанные положения являются базисом для формирования частной научной методологии в рамках конкретного криминологического исследования — *гендерной криминологии*.

Ставя во главу угла тезис о том, что универсальной методологии в науке быть не может, поскольку она не является заданной статичной субстанцией и подвержена изменениям под воздействием объективной действительности, можно говорить о целесообразности определения методов исследования для познания объекта и предмета гендерной криминологии.

При определении методов исследования, модели междисциплинарности в рамках гендерной криминологии необходимо учитывать следующие положения:

1. Криминология представляет собой систему однородных и разнородных по своей предметной сути знаний и методик, образующих специфическую целостность, систему особой междисциплинарной научно-исследовательской деятельности, направленной на изучение преступности⁷⁴.

2. Гендерная криминология — это часть криминологии, и ее место в науке предстоит определить в рамках настоящего исследования.

3. Гендерная криминология представляет собой синтез криминологии и гендерной теории, результатом которого станет изучение преступности через призму гендерного подхода.

4. Гендерная криминология представляет собой междисциплинарную систему, основанную на социолого-правовых науках.

5. Формирование понятия, содержания, целей и задач гендерной криминологии основывается на аксиологических подходах к изучению преступности в контексте обеспечения прав человека и теории о гендерном равенстве.

Центральное место в формировании методологии исследования отводится постановке научной проблемы⁷⁵. На основе анализа научных изысканий в области криминологии, социологии, гендерной теории, руководствуясь общими методологическими подходами, Рекомендациями

⁷³Криминология: учебник для юрид. вузов; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Долговой. — М.: ИНФРА-М — НОРМА, 1997. — С. 10.

⁷⁴Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов [и др.]. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТА-ДАНА, 2010. — С. 47.

⁷⁵Рузавин, Г.И. Методы научного исследования / Г.И. Рузавин. — М.: Мысль, 1975. — С. 34–48.

по повышению качества юридических исследований по правам человека⁷⁶ и Рекомендациями по интеграции гендерного измерения в юридические исследования,⁷⁷ представляется целесообразным сформировать *научную проблему, гендерно-криминологическую проблему, гендерно-криминологические вопросы, определить гендерно-чувствительные индикаторы, определить объект, предмет, цель и задачи исследования.*

Постановка научной проблемы. Определяя гендерную криминологию в контексте криминологической науки, следует отметить, что исследование заявленной проблематики позволяет констатировать отсутствие единства подходов и некоторую разрозненность научных взглядов среди ученых и практиков. Отталкиваясь от изысканий зарубежных криминологов, следует отметить зарождение гендерного подхода в изучении преступности в рамках социологического направления в криминологии (А. Герри, Ш. Глюк, Э. Глюк, Э. Дюркгейм, А. Кетле, Р. Кларк, А. Коэн, Д. Кресси, Э. Сатерленд, Э. Шур). К основным криминологическим (социологическим) теориям в США и странах Западной Европы относятся теории: «социальной дезорганизации»; «конфликта культур»; «дифференциальной ассоциации»; «множественности факторов»; «научно-технической революции»; «критической криминологии».

Социологические теории причин преступности США и стран Западной Европы объединяют два основных момента: объяснение существования причин преступности социальными процессами, происходящими в обществе; постановка вопроса о необходимости улучшения условий жизнедеятельности людей как основы предупреждения преступности⁷⁸.

В Республике Беларусь под руководством доктора исторических наук, профессора В.А. Ананича защищен ряд кандидатских диссертаций, посвященных гендерным аспектам в изучении и предупреждении преступности: С.М. Свило (Минск, 2007 г.), О.В. Русецкий (2010 г.), Ю.И. Селятыцкий (Минск, 2014 г.), Е.А. Шаркова (2016 г.). Обращаясь к исследованиям российских ученых, можно говорить о наметившихся перспективах по разработке положений гендерной криминологии. Это обусловлено тенденциями отхода большинства исследований от поиска причин преступности и перехода к изучению корреляционных зависимостей между преступностью и такими факторами, как пол, возраст, класс, раса. По мнению Я.И. Гилинского, важным «криминогенным» (вообще — «деликтогенным») фактором служит фундаментальное противоречие между относительно равномерно распределенными

⁷⁶Рекомендации по повышению качества юридических исследований по правам человека. — Минск: БГУ, 2016.

⁷⁷Краснобаева, Л.А. Рекомендации по интеграции гендерного измерения в юридические исследования / Л.А. Краснобаева [и др.]; под общ. ред. Т.В. Лисовской. — Минск: Юнипак, 2018. — 44 с.

⁷⁸Криминология в США и странах Западной Европы: учеб. пособие. — Томск: Томск. фил. Рос. ин-та повыш. квалиф. сотрудников МВД РФ, 1997. — С. 9—17.

потребностями людей и принципиально неравными возможностями (шансами) их удовлетворения, зависящими от места индивида (социальной группы) в социальной структуре общества. Чем значительней этот разрыв, чем ниже респонсивность общества, выражающаяся в способности удовлетворять потребности людей, тем выше уровень девиаций, включая преступность⁷⁹. Изучению преступности с позиций гендерных групп посвящены публикации и диссертационные работы С.Г. Гавшиной, О.Ю. Ильченко, А.А. Хорошиловой, О.В. Карповой, С.Г. Куликовой, А.В. Куприяновой, Т.Н. Радочиной, Д.В. Синькова, Б.Н. Хачак. Исследователи рассматривают различные аспекты преступности, фрагментарно оперируя терминологией «гендерная проблема», «гендерное неравенство», «гендерный подход».

Перечисленные исследования позволяют сделать вывод о наметившихся тенденциях изучения преступности через призму гендерных групп. Однако следует отметить, что традиционно исследователи используют устоявшийся подход и рассматривают женскую преступность и преступность несовершеннолетних. Как видится, данный подход не в полной мере отражает современные тенденции в динамике преступности.

Интересной представляется точка зрения А.В. Куприяновой. Автор рассматривает гендерную криминологию в качестве частной криминологической теории и предлагает включить в содержание ее предмета гендерные различия преступности: особенности женской и мужской преступности, закономерности развития и формы проявления; основные качественно-количественные характеристики; специфику личности мужчин-преступников и женщин-преступниц; виктимологическую характеристику женской и мужской преступности; особенности отношений и взаимодействия между представителями гендерных групп в ситуации совершения преступления; разработку мер по предупреждению женской и мужской преступности на общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном уровнях⁸⁰.

Заслуживает внимания позиция казахских исследователей, работавших над проблемой преступного поведения в семейных отношениях. Б.Г. Тугельбаева и А.Д. Хамзаева считают, что фактором, детерминирующим преступное поведение в семье, выступает гендерное неравенство, под которым понимается ситуация, когда мужчины и женщины, выполняя в обществе одинаковые социальные функции,

⁷⁹Гилинский, Я.И. Понятие преступности в современной криминологии / Я.И. Гилинский // Предупреждение преступности. — Криминологический журн. — 2003. — № 1. — С. 61.

⁸⁰Куприянова, А.В. Гендерная криминология: создание частной криминологической теории / А.В. Куприянова // Вестн. Читинск. гос. ун-та. — 2008. — № 6. — С. 191.

имеют неодинаковый доступ к ресурсам и благам, предоставляемым этим обществом⁸¹.

Анализ содержания авторитетного периодического издания «Криминология: вчера, сегодня, завтра» за период с 2001 по 2017 г. (Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба) показал существование отдельных криминологических отраслей: «Политическая криминология», «Семейная криминология», «Религиозная криминология» и т. д. Гендерной криминологии, преступности несовершеннолетних отводится роль частных криминологических проблем. Причем в контексте гендерной криминологии рассматривается исключительно женская преступность⁸².

Таким образом, проанализировав содержание приведенных выше исследований, можно определить следующее. Во-первых, ученые-криминологи не оставляют в стороне изучение преступности в контексте отдельных гендерных групп на протяжении последнего десятилетия. Во-вторых, диссертационные исследования, научные публикации внесли существенный вклад в развитие криминологии современного периода и занимают видное место среди других исследований. В-третьих, указанные работы создают предпосылки для проведения комплексного теоретического исследования по формированию гендерной криминологии.

Наряду с указанными положительными тенденциями есть все основания определить компоненты *научной проблемы*, которую предстоит решить в ходе исследования: гендерная криминология рассматривается в отрыве от предмета криминологии; не находит своего отражения позиция исследователей относительно гендерной криминологии и необходимости ее теоретического обоснования; изучение преступности, ее причин и условий, разработка мер профилактики осуществляется в отрыве от гендерной теории и гендерного подхода; формирование гендерной криминологии невозможно без учета положений гендерной теории, что обуславливает ее междисциплинарный характер; рассмотрение гендерной криминологии через призму женской преступности и преступности несовершеннолетних представляется недостаточным; требует существенной доработки позиция ученых относительно предмета гендерной криминологии. К сожалению, на сегодняшний день последний до конца не определен; аккомодация исследований, посвященных гендерной криминологии, показала отсутствие единства взглядов на ее содержание, не сформированы ее цель и задачи, не определено системное окружение; не

⁸¹Тугельбаева, Б.Г. Учебное пособие для преподавания курса «Криминология. Проблемы предупреждения домашнего (семейного) насилия» / Б.Г. Тугельбаева, А.Д. Хамзаева. — Бишкек, 2010. — С. 102.

⁸²Криминология: вчера, сегодня, завтра // Журн. Санкт-Петербургск. междунар. криминологического клуба [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.criminologyclub.ru/criminologyesterdaytodaytomorrow.html>. — Дата доступа: 06.05.2018.

учтены аксиологические подходы к изучению преступности в контексте обеспечения прав человека и теории о гендерном равенстве.

Из изложенной выше научной проблемы вытекает **гендерно-криминологическая проблема**, заключающаяся в недостаточной разработанности комплексного подхода к изучению преступности с позиций гендерных групп, что существенно влияет на процессы ее изучения и разработку мер профилактики и предупреждения.

В пользу дальнейшей разработки заявленных проблем говорят данные эмпирического исследования. Из 150 следователей, опрошенных в рамках исследования о необходимости учета гендерно-чувствительных индикаторов в правоохранительной деятельности, 30,2% ответили, что им не знакомы понятия «гендер» и «гендерно-чувствительный индикатор», 53% знакомы с данными понятиями, но не могут точно охарактеризовать их содержание, и только 16,8% точно знают, о чем идет речь. Опрос населения (147 чел.) показал, что 36,1% опрошенных точно знают содержание понятий «гендер» и «гендерно-чувствительный индикатор», 45,6% знакомы, но не могут точно охарактеризовать их содержание, 17,7% не знакомы с данными понятиями. Опрос осужденных к лишению свободы женщин (49 чел.) по заявленной проблематике показал следующее: 53,1% не знакомы с понятиями «гендер» и «гендерно-чувствительный индикатор»; 26,5% знакомы, но не могут точно охарактеризовать их содержание; 16,3% точно знают, о чем идет речь.

Таким образом, в контексте гендерно-криминологической проблемы есть все основания для формирования **гендерно-криминологических вопросов**, на которые предстоит ответить в ходе исследования: Есть ли основания для формирования научной области «Гендерная криминология»? Есть ли основания для выделения женской и мужской преступности? Есть ли основания для выделения иных гендерных групп в динамике преступности? Какие признаки учитываются при изучении преступности в настоящее время? Учитываются ли при изучении преступности такие признаки, как этническая принадлежность, национальность, отношение к религии, психические аномалии, алкоголизм, сексуальная идентичность и т. д.? Могут ли гендерные различия являться основанием для разработки мер профилактики преступности и социальной адаптации осужденных?

В качестве **гендерно-чувствительных индикаторов** при разработке гендерной криминологии представляется целесообразным определить данные официальной статистики о динамике преступности, ее качественные и количественные показатели (см. приложения: Е, Ж).

Таким образом, *объектом исследования* выступает гендерная криминология: понятие, структура, содержание, *предметом* — теоретические и прикладные основы гендерной криминологии как самостоятельной области научного знания.

Цель исследования заключается в разработке теоретических и прикладных основ гендерной криминологии, ее понятия, структуры и содержания.

Для достижения цели необходимо решить следующие *задачи*: показать исторические предпосылки и криминологические подходы к изучению преступности; проанализировать аксиологические основы борьбы с преступностью в контексте обеспечения прав человека; сформировать понятие и определить роль гендерной криминологии в системе науки криминологии; определить цели, задачи и функции гендерной криминологии; сформировать структуру и содержание гендерной криминологии; разработать понятие, содержание, структуру и порядок формирования моделей изучения преступности; определить пути использования гендерного измерения в профилактике преступлений и социальной адаптации осужденных.

В качестве парадигм исследования можно определить общую теорию криминологии, гендерную теорию, теорию уголовного и уголовно-процессуального права, теорию социологии, теорию информации, теорию систем, теорию рационального выбора. Методологию гендерной криминологии есть все основания представить в виде двух уровней: первый уровень — общенаучные методы исследования; второй — частные методы исследования.

Общенаучные методы исследования. Зафиксировать эмпирический факт в рамках формирования гендерной криминологии для последующего использования в качестве аргумента в пользу гипотезы научного исследования позволит *метод наблюдения* как основной источник информации о таком явлении, как преступность. Сопоставить различные элементы такой системы, как преступность, и выявить гендерные признаки сделает возможным *метод сравнения*. Разработать теоретические положения гендерной криминологии, определить ее место в предмете криминологии, сформировать гендерные модели изучения преступности позволят общенаучные методы исследования: *анализ, синтез, дедукция, индукция, моделирование*. На теоретическом уровне для изучения выявленных проблем используется системный, информационный, деятельностный подходы, научные теории рационального выбора и принятия решений. Они помогут рассматривать объект и предмет исследования в качестве многофункциональных построений, учитывать закономерные связи составляющих их элементов.

Частные методы исследования. Определить основные вехи формирования представлений и криминологических подходов к изучению преступности через призму гендерных групп на различных исторических этапах позволит *историко-генетический метод*. Учитывая тот факт, что гендерная криминология представляет собой междисциплинарное образование, в основе которого лежат социолого-правовые науки, возникает необходимость применения *социологических и статистических* методов исследования: *анкетирование, изучение документов, статистическое наблюдение, сводка, группировка*.

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГЕНДЕРНОЙ КРИМИНОЛОГИИ И ЕЕ РОЛЬ В СИСТЕМЕ НАУКИ КРИМИНОЛОГИИ

2.1. Понятие и роль гендерной криминологии в системе науки криминологии

Подходя вплотную к формированию понятия гендерной криминологии, есть все основания для дальнейшей консолидации теоретических положений различных социолого-правовых наук в рамках проводимого исследования. Предлагаемая теоретическая концепция состоит из двух взаимно дополняющих друг друга компонентов: «гендерная теория» и «криминология». Оба компонента представляют собой самостоятельные области научного знания. Их взаимное проникновение друг в друга сулит интересные научные перспективы изучения преступности, предупреждения и профилактики преступлений. Таким образом, гендерная теория и криминология выступают научной базой для формирования теоретических положений гендерной криминологии и позволяют ответить на вопрос «есть ли основания для ее существования?».

Как и любая теоретическая концепция, гендерная криминология должна располагать научным аппаратом, включающим понятие, объект и предмет. Успешное формирование указанных категорий невозможно без интеграции научных положений гендерной теории и криминологии. Анализ научной литературы позволяет констатировать следующее: понятия «гендер», «гендерные роли» в последнее время все чаще попадают в предметное поле исследований большинства социальных и гуманитарных наук, что ведет к необходимости их осмысления в рамках проводимого исследования.

Как отмечалось выше, у истоков гендерной теории и разработки ее понятийно-категориального аппарата стояли такие ученые, как П. Бергер и Т. Лукман, С. Бэм, И. Гофман, Э. Дюргейм, Е. Здравомыслова и А. Темкина, Ч. Ломброзо, К. Уэст и Д. Зиммерман, З. Фрейд.

Гендерный подход как теоретический базис используется в социологии, психологии, педагогике, лингвистике, истории, праве. К вопросам гендерной теории обращается ряд современных исследователей (М.М. Акулич, И.А. Левенских, С.А. Баязитова, И.Б. Васильева, Г.Н. Гахараманова, М. Даймонд, Т.П. Дежина, Л.А. Краснобаева, А. Кронселл, В.Э. Семенова и Л.Э. Семенова, Э.К. Скиб, Ю.С. Тукачева, Е.Б. Хитрук, А.Ю. Чукурова, Н.Б. Шипулина, Е.Ю. Сафонова и др.). Не вдаваясь в дискуссию, остановимся на некоторых теоретических положениях гендерного подхода, представляющих интерес для формирования объекта и предмета гендерной криминологии.

Традиционно объектом гендерной теории выступают различные формы социального взаимодействия мужчин и женщин в обществе или различные формы социального взаимодействия с их участием. Предметом являются механизмы формирования разнообразных представлений, переживаний, чувств участников этого взаимодействия, понимания ими условий своей жизнедеятельности, взаимопонимания мужчин и женщин⁸³.

Под гендером следует понимать социальное проявление принадлежности к полу, или «социальный пол». Предложенная концепция основывалась на разделении «биологического» и «социального», в связи с чем были переосмыслены мужские и женские роли в обществе. В процессе критики представлений классической социологии о природе отношений между полами оформляется гендерный подход. В его рамках статус пола перестает быть приписанным. Гендерные роли рассматриваются через социально организованные отношения власти и неравенства⁸⁴.

Схожих взглядов придерживалась Р. Унгер. По мнению автора, термином «пол» следует обозначать биологические, природные механизмы проявления пола, а термином «гендер» — социальные, культурные и психологические проявления маскулинного и феминного. Р. Унгер полагала, что гендер — это социально-культурный конструкт, формирующийся в социуме, пол человека никак не зависит от его гендера⁸⁵.

В понимании сущности гендера важна позиция Е. Здравомысловой и А. Темкиной. Исследователи считают, что «...гендер — это социальный статус, который определяет индивидуальные возможности». Они утверждают, что основой методологии современных гендерных исследований является не только описание разницы в статусах, ролях, чертах характера, нормах жизни мужчин и женщин, но и анализ власти и доминирования, утверждаемых в обществе через гендерные роли. Таким образом, «гендерная роль» — динамический аспект гендера, модель поведения в соответствии с позицией или статусом, закреплённая общественными нормами и обычаями, и т. д.⁸⁶ Иными словами, гендер — это одна из важнейших и фундаментальных социальных категорий, кото-

⁸³Досина, Н.В. Гендерные исследования в социологии / Н.В. Досина. — Ярославль: Ярославск. гос. ун-т, 2010. — С. 16.

⁸⁴Акулич, М.М. Гендерные роли в классических и постклассических социологических теориях / М.М. Акулич, И.А. Левенских // Вестн. Тюменск. гос. ун-та. — 2010. — № 4. — С. 16.

⁸⁵Unger, R. Toward a redefinition of sex and gender / R. Unger // *American Psychologist*. — 1979. — No. 3. — Pp. 224–225.

⁸⁶Здравомыслова, Е. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России / Е. Здравомыслова, А. Темкина // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период: сб. науч. ст.; под ред.: Е. Здравомысловой, А. Темкиной. — Труды. Вып. 4. — СПб.: ЦНСИ, 1996. — С. 116.

рая определяет структурированность социума и не может существовать вне общества. Сам термин произошел от латинского *genus*, что означает «вид, род»⁸⁷. Анализ литературы показал, что наряду с общепринятым понятием «пол» исследователями используются понятия «социокультурный пол», «гендер», «психологический пол личности», «гендерная идентичность», а категории «мужское» и «женское» дополнились представлениями о «маскулинности» и «фемининности»⁸⁸.

В свою очередь, формирование гендера, гендерных отношений осуществляется посредством гендерных дисплеев (индексов) — характеристик, сигнализирующих о принадлежности индивида к определенному полу. К ним относятся внешность, одежда, манеры, вербальное и невербальное поведение человека. Эти индексы имеют культурную и историческую специфику. Общество институализирует гендер, то есть вводит в социальное обращение через такие важнейшие общественные институты, как семья, система образования, законодательство, религия, те роли и характеристики, которые отводятся мужчинам и женщинам и считаются, с точки зрения общества, присущими представителям каждого пола⁸⁹. В результате «...гендерные роли и идеологии создают для мужчин и женщин различный опыт в жизни, культуре и обществе», — замечает по этому поводу П. Эекерт⁹⁰.

Гендерное самосознание, гендерная идентичность и гендерные роли традиционно рассматриваются в контексте психологического пола личности. Иными словами, гендерное самосознание — это разновидность социального самосознания, а феминность и маскулинность — две основные формы гендерного самосознания, состоящие в осмыслении принадлежности к определенному гендерному типу, в конструировании гендерной идеологии и в презентации ее в многообразных видах социальной деятельности⁹¹.

Говоря о структуре гендерной идентичности, наиболее важным является то, как человек себя категоризирует — устанавливает психоло-

⁸⁷Васильева, И.Б. Гендер как социальная категория и ее характеристики / И.Б. Васильева // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. — 2007. — Вып. 2. — Философские науки. — С. 72.

⁸⁸Севелова, М.А. Маскулинность и фемининность как ключевые категории гендерной теории / М.А. Севелова // Вестн. Костромск. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. — 2011. — № 5—6. — С. 43.

⁸⁹Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. — М., 1999. — С. 12.

⁹⁰Eckert, P. The whole woman: sex and gender differences in variation / P. Eckert // Sociolinguistics / N. Coupland, A. Jaworski. Eds. Macmillan Press. — 1997. — P. 214.

⁹¹Чекалина, А.А. Гендерное самосознание личности: на примере учителя начальных классов: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / А.А. Чекалина. — М., 2013. — 48 с.

гическое тождество себя с мужским или женским началом. Гендерная идентичность, являясь частью социальной идентичности, характеризует человека с точки зрения его принадлежности к мужскому или женскому полу и как эмоциональная составляющая, выражает эмоционально-ценностное отношение человека к своему полу/гендеру. Она не дается человеку при рождении, автоматически, а вырабатывается в процессе социализации как результат взаимодействия его природных задатков и существующих в обществе гендерных схем. Гендерная идентичность предполагает наличие у человека эмоциональных и мотивационных выборов, обусловленных определенным гендером⁹². В обществе сложилась устойчивая система норм ролевого поведения мужчин и женщин, соответствующая их позициям и статусам в социуме. Поэтому наиболее ярким компонентом психологического пола выступает гендерное поведение лица, в том числе и противоправное⁹³.

Подводя итог научному дискурсу о гендере, следует согласиться с мнением И.Б. Васильевой⁹⁴, изложенные ниже.

В современном мире господствует бинарная гендерная система — разделение людей на две противоположные группы: мужчин и женщин.

Гендер — это социально-психологическая категория, которая учитывает фактор биологического пола, но выходит за его рамки и охватывает поведение человека и все социальные конструкты, постоянно и целенаправленно создаваемые и поддерживаемые обществом в связи с наличием в нем групп мужчин и женщин: роли, образы, внешность, стиль поведения, систему ценностей.

Результатом гендерно-ориентированной деятельности общества являются различные роли, предписываемые женщинам и мужчинам, выполняя которые они приобретают разный жизненный опыт и являются носителями разных систем моральных ценностей.

Процесс создания гендера динамичен: гендерно-специфическое поведение приобретается в процессе усвоения знаний об обществе и разворачивается в зависимости от контекста, исторической эпохи и культуры и во взаимодействии с другими социальными параметрами.

В системе представлений о гендерной криминологии особое значение приобретают гендерные роли. Именно они определяют гендерное поведение, в том числе противоправное.

⁹²Шевченко, Л.А. Личность преступника в гендерном измерении / Л.А. Шевченко // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. LXXI междунар. науч.-практ. конф. — № 12(69). — Новосибирск: СибАК, 2016. — С. 36.

⁹³Там же. С. 37.

⁹⁴Васильева, И.Б. Указ. соч. — С. 76.

Ядром гендерной теории является человек, его социально-культурный конструкт, создаваемый социумом. Именно он выступит системообразующим фактором в формировании гендерной криминологии.

Далее перенесем акцент на второй компонент исследования — криминологию. Определению ее понятия и предмета посвящено большое количество статей, монографий, учебной литературы в Республике Беларусь, Российской Федерации, Украине и других странах мира. В отечественных и зарубежных периодических изданиях ведется перманентная дискуссия о методологическом и содержательном контекстах криминологии как науки, ее системе, частных теориях и частных криминологических проблемах.

Традиционно понятие и предмет криминологии рассматриваются в учебной и монографической литературе (Г.А. Аванесов, В.А. Аналич, С.Л. Алексеев, Р.Р. Салимзянова, Т.О. Бозиев, М.Н. Сипягина, А.И. Долгова, С.М. Иншаков, Н.А. Крайнова, С.В. Максимов, Э.Ф. Мичулис, Р.А. Семенюк, И.Л. Честнов, Дж.Ф. Шели, В.Н. Шутова и др.).

Существует множество взглядов на понятие и содержание криминологии. В одних источниках ее определяют как науку о преступности⁹⁵, в других — о преступности, личности преступника, преступлении, преступном поведении, путях и способах противодействия преступности⁹⁶. В Китае криминология — это наука и учебная дисциплина, которая изучает возникновение, развитие преступности, ее причины и реагирование на нее государства⁹⁷. В Японии криминологические исследования смещены в социальную область, где активно задействуются традиции японского общества, социального контроля в изучении преступности и воздействии на нее⁹⁸. Американские криминологи считают, что криминология — это научное исследование преступности как социального феномена. По их мнению, преступность является предметом социологического интереса, поскольку она определена внутри социальной сферы, нарушает социальные нормы и вызывает социальный отклик⁹⁹. В Великобритании в рамках криминологии исследуются криминальное

⁹⁵Криминология: учеб. пособие / С.В. Максимов [и др.]; под ред. А.В. Павлинова. — Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. — М., 2014. — С. 10.

⁹⁶Антонян, Ю.М. О предмете криминологии / Ю.М. Антонян // Вестн. МГОУ. Сер. «Юриспруденция». — 2016. — № 2 — С. 68; Криминология: учеб. пособие для бакалавров / С.Л. Алексеев, Р.Р. Салимзянова; под ред. А.Ю. Епихина. — Казань: ЧОУ ВПО «Академия социального образования», 2013. — С. 7; Эминов, В.Е. История науки криминологии / В.Е. Эминов // Lex Russica. — 2009. — № 1. — С. 78.

⁹⁷Клейменов, И.М. Криминология в Китае и Японии / И.М. Клейменов // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Право». — 2012. — № 3(32). — С. 234.

⁹⁸Там же. С. 236.

⁹⁹Криминология: пер. с англ.; под ред. Дж.Ф. Шели. — СПб.: Питер, 2003. — С. 44.

поведение, установление причин и коррелянтов преступной деятельности, личность деликвента¹⁰⁰. В Австралии, Германии, странах Восточной Европы (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия) и Южной (Сербия, Словения, Хорватия) в рамках криминологии также изучается преступность в различных ее проявлениях¹⁰¹.

Украинские ученые полагают, что криминология является самостоятельной теоретико-прикладной общественной наукой о преступности, а еще шире — о ее природе, сущности, закономерностях возникновения, общественного проявления и ее предупреждения¹⁰². Молдавские исследователи определяют криминологию как общественно-юридическую и теоретико-прикладную науку, которая изучает закономерности и признаки, особенности преступности как социального явления, видов и конкретных преступлений, их детерминации и причинности, закономерности и особенности процессов криминализации и виктимизации личности, а также влияние на преступность социальных факторов в целях предупреждения и борьбы с преступностью¹⁰³. Аналогичный подход в понимании криминологии как науки используют казахские ученые¹⁰⁴.

Инвентаризация и систематизация взглядов, сложившихся в различных странах на понятие криминологии, позволяют констатировать единодушие криминологов в понимании содержания науки. Центральное место в нем отводится преступности и ее исследованию. Таким образом, криминология — это общетеоретическая наука о преступности, ее причинах, закономерностях и мерах ее предупреждения¹⁰⁵. Одни авторы в предмет криминологии включают: преступность; отдельные преступления как проявления преступности; детерминанты преступности; типологию лиц, совершивших преступ-

¹⁰⁰Клейменов, И.М. Криминология в Великобритании и США / И.М. Клейменов // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Право». — 2011. — № 4(29). — С. 147.

¹⁰¹Шестак, В.А. Теория предупреждения преступности в России и за рубежом: история и современность / В.А. Шестак // Lex Russica. — 2008. — № 2. — С. 411—422.

¹⁰²Оболонцев, В.Ф. Новые криминологические теории и перспективы развития криминологии в Украине / В.Ф. Оболонцев // Проблемы законности. — 2012. — № 120. — С. 203—215; Закалюк, А.П. Курс сучасної української кримінології: теорія і практика. У 3 кн. Кн. 1 / А.П. Закалюк. — Киев: Издательский дом «И Юре», 2007. — С. 20—21.

¹⁰³Флория, В. Наука криминология в Республике Молдова / В. Флория // Закон и жизнь. — 2010. — № 4. — С. 30.

¹⁰⁴Алауханов, Е.О. Развитие казахской криминологии / Е.О. Алауханов // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. — 2008. — С. 71—72.

¹⁰⁵Генрих, Н.В. Проблема предмета в современной криминологии / Н.В. Генрих // Виктимология. — 2018. — № 1(15). — С. 26.

ления; причины и условия отдельных преступлений¹⁰⁶; предупреждение преступности и отдельных преступлений¹⁰⁷; жертву преступного поведения¹⁰⁸. Другие считают, что предметом криминологии выступает система знаний (теоретических представлений) о вероятностных и условных (контекстуально обусловленных) закономерностях преступности и ее предупреждения в их взаимосвязи с другими социальными явлениями и обществом как целым¹⁰⁹.

Наиболее полно представлен предмет криминологии Г.А. Аванесовым. По мнению ученого, последний образуют: преступность как общественно опасное социально-правовое явление, ее тенденции и закономерности, оцениваемые с точки зрения прошлого, настоящего и будущего; причины и условия преступности как явления, пути их нейтрализации; причины и условия конкретных преступлений, пути их нейтрализации в конкретных исторических условиях развития общества; личность преступника как определенного социального типа, формирование и реализация преступного поведения, механизма совершения конкретного преступления; предупреждение конкретных преступлений; закономерности функционирования и развития криминологической науки, определение ее места и роли в жизни общества, участие в формировании общественных отношений, влияние на политику государства в сфере социально-правового контроля над преступностью¹¹⁰.

Из определения понятия и предмета криминологии мы видим тесную взаимосвязь данной науки с жизнью общества¹¹¹. По мнению В.А. Ананича, объектом криминологического познания в широком смысле слова выступают общество и такой его феномен, как преступ-

¹⁰⁶Гомонов, Н.Д. О предмете современной криминологической науки / Н.Д. Гомонов // Вестн. МГТУ. — 2014. — Т. 7. — № 1. — С. 118.

¹⁰⁷Антонян, Ю.М. О предмете криминологии / Ю.М. Антонян // Вестн. МГОУ. Сер. «Юриспруденция». — 2016. — № 2 — С. 67; Криминология: учеб. пособие для бакалавров / С.Л. Алексеев, Р.Р. Салимзянова; под ред. А.Ю. Епихина. — Казань: ЧОУ ВПО «Академия соц. образования», 2013. — С. 8; Криминология: учеб. пособие / С.В. Максимов [и др.]; под ред. А.В. Павлинова. — Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. — М., 2014. — С. 10.

¹⁰⁸Антонян, Ю.М. Предмет и сфера интересов криминологии / Ю.М. Антонян // Общ-во и право. — 2016. — № 2(56). — С. 185.

¹⁰⁹Криминология: учебник для вузов; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Долговой. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Норма, 2005. — С. 20; Честнов, И.Л. Теоретико-методологическое введение в криминологию: учеб. пособие / И.Л. Честнов. — СПб., 2004. — С. 32.

¹¹⁰Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов [и др.]. — Изд. 5-е, перераб. и доп. — М.: ЮНИТА-ДАНА, 2010. — С. 19.

¹¹¹Антонян, Ю.М. Указ. соч. — С. 185—188.

ность, правовые отношения, связанные с совершением преступлений, а также деятельность и взаимодействие социальных институтов, направленные на их предупреждение, уголовное преследование¹¹². Такое познание невозможно без междисциплинарного подхода, включающего различные отрасли знания. Наука о современной преступности по праву считается междисциплинарной, «стыковой», упрочив свой полипарадигмальный статус; в ее методологическом арсенале все чаще используются поликонцептуальность и методологическое разнообразие: статистические, количественные и качественные социологические методы¹¹³.

Помимо юридических наук для криминолога особенно важны социология, демография, культурология, психология, экономика, педагогика, психиатрия, этнология, история, биология, политология, философия. Этот перечень можно продолжать в зависимости от конкретных задач, стоящих перед исследователями. Все это — свидетельство возможностей криминологического знания изучать и обрабатывать сведения различного характера, что дает основание отнести его по содержанию не к правовому, а к социолого-правовому знанию, о чем мы уже писали ранее¹¹⁴.

Многоаспектность предмета криминологии обуславливает проведение научных изысканий по каждому из его компонентов, что способствует разработке частных криминологических теорий, учений, отраслей и, как следствие, совершенствование предмета науки. В контексте

¹¹²Ананич, В.А. О методологии криминологической классификации преступлений / В.А. Ананич // Актуальные вопросы уголовно-исполнительного права и криминологии: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 мая 2017 г.) / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь; редкол.: В.А. Ананич (отв. ред.) [и др.]. — Минск: Академия МВД, 2017. — С. 189.

¹¹³Антонян, Ю.М. О предмете криминологии / Ю.М. Антонян // Вестн. МГОУ. Сер. «Юриспруденция». — 2016. — № 2. — С. 63—69; Антонян, Ю.М. Предмет и сфера интересов криминологии / Ю.М. Антонян // Общ-во и право. — 2016. — № 2(56). — С. 185—188; Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов [и др.]. — Изд. 5-е, перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. — С. 45—60; Антонян, Ю.М. Криминология будущего: междисциплинарные научные связи / Ю.М. Антонян // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2014. — № 4(30). — С. 67—75; Качалов, В.В. Терминология криминологии: проблемы и перспективы развития / В.В. Качалов // Вестн. Моск. ун-та МВД России. — 2014. — № 10. — С. 82; Старков, О.В. Проблема создания новых направлений современной криминологии / О.В. Старков // Актуальные проблемы экономики и права. — 2007. — № 3. — С. 176; Щербакова, Л.М. Некоторые методологические вопросы криминологического исследования преступности / Л.М. Щербакова, Д.Р. Губжокова, А.С. Панченко // Общ-во и право. — 2016. — № 3(57). — С. 70.

¹¹⁴Ананич, В.А. Указ. соч. — С. 189.

заявленного исследования личность преступника как элемент предмета криминологии вызывает особый интерес. По мнению Ю.М. Антоняна, криминология изучает человека «плохого», преступного, аморального¹¹⁵. Возникает логическая цепочка: криминология исследует преступность, преступность состоит из преступлений, преступления совершает человек. Вследствие этого есть все основания определить человека объектом познания криминологии.

Экстраполируя полученные данные о понятии и предмете гендерной теории, криминологии на гендерную криминологию, можно констатировать следующее.

Общим для гендерной теории и криминологии является объект исследования (человек/гендер/мужчина и женщина/личность преступника).

Совпадение объекта исследования создает предпосылки для формирования самостоятельной области научного знания — гендерной криминологии.

Как представляется, в рамках гендерной криминологии объект смещается в область гендер/мужчина и женщина/личность преступника, что и обуславливает ее название.

Гендерная криминология совершенствует предмет криминологии в части: познания личности преступника как социального типа; процессов формирования и реализации преступного поведения через гендерные роли и гендерное поведение; механизма совершения преступления и влияния на него гендера.

На наш взгляд, требует уточнения следующая позиция. Можем ли мы говорить о гендерной роли и гендерном поведении в привычном понимании, когда речь идет о гендерной криминологии? Итак, гендерная роль — вид социальной роли, представляющий собой поведение, нормативно ожидаемое от индивидов мужского и женского пола. Это поведение, которое традиционно рассматривается как подобающее мужчинам и женщинам. Отсюда вытекает, что социальная роль — социально нормированное поведение человека, занимающего определенное положение в обществе и имеющего в связи с этим определенные права и обязанности. Таким образом, гендерная роль мужчины и женщины — это формы гендерного поведения, ожидаемые социумом. Они социально нормированы, а значит, правомерны. Однако такое поведение и роли не могут выступать предметом изучения криминологии/гендерной криминологии. В плане содержательной интерпретации предмета исследования нас интересуют поведенче-

¹¹⁵ Антонян, Ю.М. Криминология будущего: междисциплинарные научные связи / Ю.М. Антонян // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2014. — № 4(30). — С. 68—69.

ские акты, приводящие к совершению преступления — **девиации, девиантное поведение**.

Девиантное поведение (лат. *deviatio* — отклонение) — это устойчивое поведение личности, отклоняющееся от общепринятых, наиболее распространенных и устоявшихся общественных норм. По мнению Я.И. Гилинского, девиантное, или отклоняющееся, поведение всегда связано с каким-либо несоответствием человеческих поступков, действий, видов деятельности распространенным в обществе или его группах ценностям, правилам (нормам) и стереотипам поведения, ожиданиям, установкам. Это может быть не только нарушение формальных (правовых) или неформальных (мораль, обычаи, традиции, мода) норм, но и «девиантный» образ жизни, «девиантный» стиль поведения, не соответствующие принятым в данном обществе, среде, группе¹¹⁶.

Поскольку девиации, девиантное поведение во многих случаях влияют на криминализацию личности и предшествуют противоправному поведению, можно говорить о наличии междисциплинарных связей между рассматриваемыми категориями и гендерной криминологией. В связи с этим в предмет ее изучения есть все основания включить такие конструкты как **девиантная роль, девиантное поведение**.

В пользу научной обоснованности избранного подхода можно привести мнения и оценки опрошенных следователей и населения о влиянии на девиантные проявления таких гендерно-чувствительных характеристик, как: мигрант, этническая принадлежность; национальность; расовая принадлежность; культурный уровень индивида, приверженность к субкультуре (например, интернет-сообщества, преступного сообщества); отношение к религии; вероисповедание; инвалидизация I, II, III группы; психические аномалии; наркотическая зависимость; алкоголизм; токсикомания; роль в совершении преступления, принадлежность к преступной группе; нахождение в преступной среде; сексуальная идентичность. Так, 56,8% опрошенных следователей отметили, что в зависимости от ситуации указанные факторы могут влиять на наличие девиантных проявлений; 6,8% отметили, что перечисленные факторы влияют на девиации всегда; 55,5% опрошенного населения считает, что указанные факторы могут влиять на девиантные проявления в зависимости от конкретной ситуации; 15,8% отметили, что перечисленные факторы влияют на девиации всегда. Осужденные женщины, отбывающие наказание в виде лишения свободы, отметили влияние на их девиантное поведение таких признаков, как вероисповедание (2%), психические аномалии (8,2%), алкоголизм (16,3%).

¹¹⁶Гилинский, Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. Гилинский. — 3-е изд. — СПб.: Алеф-Пресс, 2013. — С. 6.

Бесспорным является совпадение предметных областей гендерной теории и криминологии, на основании чего возникают междисциплинарные связи и необходимость выявления и дальнейшего исследования стыковых проблем в рамках гендерной криминологии (человек/гендер/криминализация личности — гендерная роль/девиантная роль — гендерное поведение/девиантное поведение/противоправное поведение — личность преступника (мужчина/женщина) — преступность — профилактика и предупреждение преступности).

Можно говорить, что *объектом гендерной криминологии* выступает человек/гендер/мужчина и женщина/личность преступника, девиантная роль и девиантное поведение, повлекшие криминализацию личности и совершение преступления.

Предлагаемая авторами концепция не лишена дискуссионности, однако имеет все основания для существования. Представление человека как объекта криминологического познания прослеживается в научных публикациях современного периода. В.А. Ананич, определяя перспективы развития криминологии, отметил, что объяснения преступности, ее причин и условий на уровне общества, социальных групп и в индивидуальном порядке представляется весьма востребованными. По мнению автора, нуждаются в уточнении методологические, методические подходы в изучении личности преступника с выделением двух этапов в процессе ее становления — собственно формирования и криминализации¹¹⁷.

Как нам представляется, использование гендерного подхода в изучении личности преступника будет способствовать разрешению указанных выше теоретических проблем. Как мы писали ранее, идея гендерной криминологии не нова. Ряд исследователей обращались к проблемам изучения, предупреждения и профилактики преступлений с позиций гендерного подхода. Среди них: Г.М. Асланова, Ахмедханова Сам.Т. и Ахмедханова Саб.Т., Е.В. Керрин, Е. Белл, О.А. Идобаева, О.Ю. Ильченко и А.А. Хорошилова, М.А. Кашина, О.В. Карпова, А.В. Куприянова, Х. Поттер, О.В. Русецкий, Н.В. Сарычева, С.М. Свило, Ю.И. Селятыцкий, Д. Стеффенсмайер, Д.В. Синькова, О.В. Стасенко, Б.Н. Хачак, Е.А. Шаркова, Дж.Ф. Шели.

Общеизвестным фактом является наличие «гендерного разрыва» в структуре преступности. Он заключается в следующем: показатели женской преступности всегда и везде меньше, чем мужской; этот разрыв сохраняется на протяжении длительного времени и не зависит от социальных условий. Исследования показывают, что женская преступность имеет качественное и количественное своеобразие и специфику

¹¹⁷ Ананич, В.А. Организация криминологических исследований преступности в Республике Беларусь / В.А. Ананич // Академическая мысль. — 2017. — № 1. — С. 21–25.

по сравнению с мужской¹¹⁸. С другой стороны, женская преступность является частью общей преступности и органически с ней взаимосвязана¹¹⁹. Наличие «гендерного разрыва» подтверждается в оценках опрошенного населения. Абсолютное большинство отметило, что преступления чаще всего совершают мужчины (63,4%), в меньшей степени женщины (10,6%), несовершеннолетние мужского пола (20,4%), в меньшей степени несовершеннолетние женского пола (5,6%). По мнению опрошенных, женщины совершают преступления под влиянием следующих условий: женщин совершать преступления вынуждают жизненные обстоятельства и зависимое положение от мужчин (36%); как правило, женщины совершают преступления, защищаясь (26,6%); женщины совершают преступления в связи с тем, что в современном обществе права женщин и мужчин не равны (18,7%).

Принимая во внимание «гендерный разрыв» многие исследователи используют гендерно-чувствительные характеристики для изучения женской преступности¹²⁰, преступности несовершеннолет-

¹¹⁸Свило, С.М. К вопросу о формировании гендерной криминологии / С.М. Свило // Борьба с преступностью: теория и практика: тез. док. Междунар. науч.-практ. конф. (Могилев, 2 апреля 2018 г.). — Могилев: Могилевск. ин-т МВД, 2018. — С. 207.

¹¹⁹Романова, Н.М. Социально-психологические детерминанты преступного поведения: субъект криминального деликта и гендер / Н.М. Романова // Вестн. Саратовск. ун-та. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». — 2009. — Вып. 3. — Т. 9. — С. 65.

¹²⁰Асланова, Г.М. Криминологическая и психологическая характеристика женской преступности / Г.М. Асланова // Вектор науки ТГУ. Сер. «Педагогика, психология». — 2014. — № 1(16). — С. 23–27; Ахмедханова, Сам.Т. Основные направления предупреждения преступлений, совершаемых женщинами в обществе / Сам.Т. Ахмедханова, Саб.Т. Ахмедханова // Вестн. СПб. ун-та МВД России. — 2017. — № 3 (75). — С. 71–73; Ильченко, О.Ю. Криминологическая характеристика женской преступности / О.Ю. Ильченко, А.А. Хорошилова // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2012. — 3(26). — С. 67–70; Кашина, М.А. Женщина в российской пенитенциарной системе: к вопросу о необходимости гендерной юстиции / М.А. Кашина // Управленческое консультирование. — 2007. — № 4. — С. 99–111; Карпова, О.В. Причины и условия рецидивной преступности женщин: особенности региональной характеристики / О.В. Карпова // Актуальные проблемы экономики и права. — 2014. — № 1. — С. 261–266; Куприянова, А.В. Криминологическая характеристика женской преступности несовершеннолетних в Восточно-Сибирском регионе и ее предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Куприянова. — Иркутск, 2008. — 237 л.; Радочина, Т.Н. О женской пенитенциарной преступности / Т.Н. Радочина // Человек: преступление и наказание. — 2009. — № 4(67). — С. 87–91; Сарычева, Н.В. Особенности социально-экономических детерминант преступного поведения женщин / Н.В. Сарычева // Общ-во и право. — 2009. — № 4(26). — С. 222–224; Свило, С.М. Преступность среди женщин в Республике Беларусь: характеристика, причины, предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Свило. — Минск: Акад. МВД РБ, 2007. — 21 с.

них¹²¹ и молодежи¹²², ограничивая научный поиск такими признаками, как, например, наркотическая зависимость.

Однако, по мнению М.А. Кашиной, гендерные исследования, направленные на «добавление женщин в историю, литературу, культуру», со временем обязательно сменяются исследованиями, которые предполагают анализ не только женщин, но и мужчин, не только различий между ними, но и сходства, позволяют учитывать в социальном исследовании оба пола, их взаимодействие и взаимосвязь¹²³. Следуя логике автора, можно утверждать, что изучение преступности в заявленном контексте не является исключением.

В подтверждение обозначенному тезису приведем позицию Д.В. Синькова. Автор считает, что изучение преступности мужчин и женщин должно проводиться с позиций гендерного подхода и быть обусловлено конкретными историческими условиями, а также с пониманием биологических, социально-психологических и иных особенностей изучаемой проблемы, что, несомненно, важно для более эффективного предупреждения преступности¹²⁴.

Американские криминологи придерживаются точки зрения, согласно которой гендерная теория может существенно расширить знания не только о женской, но и о мужской преступности. Их можно более детально исследовать, если принять во внимание то, как глубинные различия между жизнью мужчин и женщин формируют различный характер мужской и женской преступности. Традиционные подходы недостаточно освещают, как именно различия в типах, частоте и кон-

¹²¹ Демидова-Петрова, Е.В. Исследование преступности несовершеннолетних в истории российской криминологической науки / Е.В. Демидова-Петрова // Мониторинг правоприменения. — 2016. — № 1(18). — С. 31–34; Дзюман, Е.М. Особенности гендерной идентичности несовершеннолетних, обвиняемых в совершении сексуальных деликтов / Е.М. Дзюман // Сев.-Кавказ. психол. вестн. — 2011. — № 9/4. — С. 50–54; Идобаева, О.А. Методологические принципы развития системы профилактики правонарушений несовершеннолетних / О.А. Идобаева // Образование личности. — 2014. — № 4. — С. 8–14; Русецкий, О.В. Профилактика потребления наркотиков в системе предупреждения преступности несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.В. Русецкий; Акад. МВД РБ. — Минск, 2010. — 25 с.

¹²² Селятыцкий, Ю.И. Предупреждение преступности среди молодежи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ю.И. Селятыцкий; Акад. МВД Респ. Беларусь. — Минск, 2014. — 23 с.

¹²³ Кашина, М.А. Указ. соч. — С. 99.

¹²⁴ Синьков, Д.В. Преступность женщин: современные тенденции развития и практика назначения наказания / Д.В. Синьков // Общество & человек. — 2011. — № 1(2). — С. 89.

тексте криминального поведения представителей обоих полов влияют на динамику преступности¹²⁵.

А.В. Куприянова предлагает тщательно изучать гендерные различия преступности в рамках гендерной криминологии. Автор рассматривает ее в качестве частной криминологической теории и включает в ее содержание вопросы изучения женской и мужской преступности, ограничиваясь формулировкой ее предмета¹²⁶.

Таким образом, включение в содержание и структуру гендерной криминологии женской преступности, преступности несовершеннолетних и молодежи представляется недостаточным, хотя и вполне оправданным. Разделяя позицию вышеназванных ученых, считаем необходимым при определении понятийного и содержательного контекста гендерной криминологии использовать избранный нами бинарный подход.

Подводя итог вышеизложенному, отметим:

Определяя **роль гендерной криминологии**, есть все основания согласиться с мнением А.В. Куприяновой, Д. Стеффенсмайер и представить ее как частную криминологическую теорию, претендующую впоследствии на самостоятельную криминологическую отрасль в системе Особенной части криминологии.

Объектом гендерной криминологии является человек (с учетом гендерных характеристик), реализующий в процессе жизнедеятельности девиантную роль и допускающий девиантное поведение, влекущее криминализацию личности и совершение преступления.

Девиантная роль — вид социальной роли, представляющей собой поведение, отклоняющееся от установленной для мужчин и женщин нормы, реализация которой приводит к криминализации личности и совершению преступления.

Девиантное поведение — это устойчивое поведение мужчины/женщины, отклоняющееся от общепринятых, наиболее распространенных и устоявшихся общественных норм, приводящее к криминализации личности и совершению преступлений.

Гендерная криминология — это частная криминологическая теория, изучающая гендерные различия в преступности мужчин/женщин, их тенденции и закономерности, оцениваемые с точки зрения прошлого, настоящего и будущего; причины и условия преступности мужчин/женщин, а также совершаемых ими конкретных преступлений; человек (с учетом гендерных характеристик)/личность преступника как соци-

¹²⁵Криминология: пер. с англ.; под ред. Дж.Ф. Шели. — СПб.: Питер, 2003. — С. 150.

¹²⁶Куприянова, А.В. Указ. соч.; Куприянова, А.В. Гендерная криминология: создание частной криминологической теории / А.В. Куприянова // Вестн. Читинск. гос. ун-та. — 2008. — № 6. — С. 187.

альный тип и процессы формирования преступного поведения через реализацию девиантных ролей и девиантное поведение и разрабатывающая меры по предупреждению и профилактике преступлений на основании гендерного подхода.

Предметом гендерной криминологии являются: преступность мужчин/женщин как общественно опасное социально-правовое явление, ее тенденции и закономерности, оцениваемые с точки зрения прошлого, настоящего и будущего; гендерные различия в преступности мужчин/женщин; причины и условия преступности мужчин/женщин, а также совершаемых ими конкретных преступлений; человек (с учетом гендерных характеристик)/личность преступника, процессы криминализации личности и формирования преступного поведения через реализацию девиантных ролей и девиантное поведение; меры по предупреждению преступлений на основании гендерного подхода.

2.2. Цели, задачи и функции гендерной криминологии

В системе целей гендерной криминологии целесообразно выделить общую, конечную, ближайшие и перспективные. Как представляется, разработка положений гендерной криминологии преследует **общую цель** — повышение качества мер по предупреждению и профилактике преступлений среди мужчин и женщин на основании гендерного подхода.

Конечная цель напрямую связана с целями государственной политики в области контроля над преступностью. Целью данной политики, как известно, является «удержание» преступности в социально приемлемых рамках. Предупреждение преступности как раз выступает гарантией подобного «удержания», ведь именно предупреждая преступления, мы не даем новым преступлениям пополнять объем преступности. Отсюда вытекает **конечная цель** гендерной криминологии: сокращение женской и мужской преступности.

Стратегические цели гендерной криминологии сводятся к дальнейшей разработке ее теоретических и прикладных основ, созданию на их основе многоуровневой системы предупреждения мужской и женской преступности, выступающей гарантией ее сокращения.

Тактические цели заключаются в создании теоретических, организационных, технических и иных ресурсов путем каждодневной научной и практической работы для достижения общей, конечной и перспективной цели гендерной криминологии.

Задачи гендерной криминологии имеют огромное мобилизующее значение. В их системе есть все основания выделить общие, теоретические и прикладные задачи. **Общие** задачи совпадают с задачами криминологии, и среди них следует назвать: анализ тенденций и законо-

мерностей преступности, выявление ее состояния, познание и научное объяснение причин и условий преступности, выявление лиц, способных совершать преступления, изучение таких лиц с целью оказания на них воспитательно-профилактического воздействия.

К **теоретическим задачам** гендерной криминологии следует отнести: проведение дальнейших научных исследований по проблемам гендерной криминологии; использование уже разработанных теоретических положений в профилактике и предупреждении преступности; изучение передового зарубежного и отечественного опыта по разработке проблем гендера в контексте криминологических исследований.

В качестве **прикладных задач** можно рассматривать: повышение эффективности предупредительных мер по «удержанию» мужской и женской преступности в социально приемлемых рамках; использование теоретических положений гендерной криминологии для разработки критериев уголовной статистики через призму гендерных групп, совершенствование информационных систем и банков данных; проведение эмпирических исследований в рамках гендерной криминологии, направленных на разработки предупредительных и профилактических мер мужской и женской преступности.

Среди **функций гендерной криминологии** выделим **прикладную**. Она способствует использованию и реализации научных положений в практической деятельности по профилактике и предупреждению преступности. **Объяснительная функция** имеет своей целью не только описание, но и объяснение всех характерных признаков отражаемого и исследуемого объекта гендерной криминологии, с учетом всех взаимосвязей и взаимообусловленностей. **Эвристическая функция** позволяет обобщать новое научное знание в виде оригинальных идей, концепций, подходов, принципов, методов, решений и пополнять содержание гендерной криминологии. **Прогностическая (предсказательная) функция** способствует определению перспектив в развитии научного знания и использованию его для нужд развивающейся криминологической теории и практики. Она напрямую связана с профилактикой и предупреждением преступности.

К **базовым источникам** гендерной криминологии относятся: международные договоры по обеспечению прав человека и противодействию преступности; основной закон государства — Конституция Республики Беларусь; законы и подзаконные акты в сфере реализации прав человека, гендерного равенства, противодействия преступности.

На **теоретическом уровне** в качестве источников можно рассматривать: общую теорию криминологии, гендерную теорию, теорию уголовного и уголовно-процессуального права, теорию социологии, теорию информации, теорию систем, теорию рационального выбора.

На **прикладном уровне** источниками гендерной криминологии выступают: данные официальной статистики о динамике преступности, ее качественные и количественные показатели; результаты эмпирических исследований; деятельность правоохранительных органов.

2.3. Структура и содержание гендерной криминологии

Традиционным в криминологии является определение ее системы исходя из содержания предмета науки¹²⁷. Полагаем, что такой подход приемлем для нашего исследования, поскольку криминология и гендерная криминология связаны между собой с теоретических и методологических позиций. В связи с изложенным, предмет гендерной криминологии выступит в качестве основополагающего системного компонента при определении ее структуры.

К структуре предмета криминологии в нашей стране относят: преступность, ее причины, личность преступника и предупреждение преступлений. Эти вопросы теории образуют Общую часть криминологии. Криминологический анализ отдельных видов преступлений и их профилактики составляет содержание Особенной части криминологии. К Особенной части представляется возможным отнести и так называемые частные криминологические теории, которые на основе общей криминологической теории изучают специфику преступности и ее предупреждения в семейной сфере, в области политики, в сфере законотворчества (прежде всего уголовного закона), в области средств массовой информации, в сфере религиозной деятельности, в процессе исполнения уголовных наказаний и др.¹²⁸

Таким образом, гендерная криминология относится к Особенной части криминологии. Однако это не исключает наличие в ее содержании собственной структуры. Руководствуясь общими подходами, предлагаем для нее трехзвенную систему, состоящую из общей, особенной и специальной частей.

В **Общую часть** гендерной криминологии предлагаем включить ее теоретические основы: исторические предпосылки и криминологические подходы к изучению преступности с использованием гендерного подхода; аксиологические основы изучения преступности в контексте обеспечения прав человека и теории о гендерном равенстве; методологию и методики гендерных исследований преступности; понятие гендерной криминологии и ее место в системе наук; цели, задачи, функции, структуру и содержание гендерной криминологии.

Как представляется, **Особенная часть** гендерной криминологии должна учитывать теоретические положения ее Общей части и включать

¹²⁷Честнов, И.Л. Теоретико-методологическое введение в криминологию: учеб. пособие / И.Л. Честнов. — СПб., 2004. — С. 33.

¹²⁸Там же. — С. 33—34.

в себя разработанные на основании изучения общественных, социальных явлений, результатов эмпирических исследований, данных уголовной статистики, правоприменительной практики положения о: преступности мужчин/женщин как общественно опасном социально-правовом явлении, ее тенденциях и закономерностях, оцениваемых с точки зрения прошлого, настоящего и будущего; гендерных различиях в преступности мужчин/женщин; причинах и условиях преступности мужчин/женщин, а также совершаемых ими конкретных преступлений; человеке (с учетом гендерных характеристик)/личности преступника, процессах криминализации личности и формирования преступного поведения через реализацию девиантных ролей и девиантное поведение; мерах по предупреждению и профилактике преступлений на основании гендерного подхода.

В **Специальную часть** гендерной криминологии целесообразно включить разработку программных документов по использованию гендерного измерения в профилактике преступлений и социальной адаптации осужденных в конкретных условиях развития и жизнедеятельности общества.

Общая часть гендерной криминологии в рамках настоящего исследования содержательно наполнена. Безусловно, предлагаемые нами положения не исключают научной дискуссии и по мере развития частной криминологической теории будут дополнены, конкретизированы, усовершенствованы. Перспективной является разработка методологии и методик гендерных исследований преступности.

Особенную часть гендерной криминологии предстоит разработать в теоретическом и прикладном контексте. Тем не менее, есть все основания кратко охарактеризовать те положения, которые должны быть учтены исследователями.

I. Преступность мужчин/женщин как общественно опасное социально-правовое явление. При наполнении данного компонента необходимо учитывать количественные показатели (состояние — уровень — динамика) и качественные (структура — характер — гендерные различия). Причем гендерные различия приобретают в Особенной части гендерной криминологии интегрирующий характер и должны включаться в исследование всех компонентов этой части гендерной криминологии.

II. Человек (с учетом гендерных характеристик)/личность преступника, процессы криминализации личности и формирования преступного поведения через реализацию девиантных ролей и девиантного поведения. В качестве теоретической основы для содержательной разработки криминологической характеристики человека личности преступника есть все основания использовать интерсекциональный подход, активно применяемый в гендерных исследованиях. Идея его использования в криминологии не нова. Известна монография Х. Поттер «Интерсекциональная криминология». По мнению автора, интерсекциональная

криминология — это теоретический подход, который позволяет критически рассмотреть влияние взаимодействующих личностных статусов на социальный контроль преступности и другие проблемы в этой сфере. Интерсекциональный подход был применен Х. Поттер к изучению тюремного насилия и позволил глубже изучить последнее в контексте расы, национальности, пола¹²⁹. Керрин Е. Белл также использует данный подход в своих исследованиях насилия в местах лишения свободы¹³⁰.

Интерсекциональный подход — один из наиболее интересных в современной социальной теории, поскольку представляет собой аналитический инструмент, позволяющий обозначить множество взаимосвязанных и комплексно действующих осей власти, пронизывающих многомерное социальное пространство. Этот объемный взгляд помогает уйти от плоских генерализаций, заставляет мыслить конкретно и ставить исследовательские вопросы по поводу сложного опыта субъектов современного социального мира. Как расовая позиция в конкретном обществе становится гендерной или как гендерные различия обретают расовые формы? Как категории возраста и гендера связаны с производством классовой позиции? Как этнические мигранты адаптируются к гендерному порядку, отличному от того, в рамках которого происходила их социализация? Таких вопросов может быть бесчисленное множество, учитывая разнообразие возможных контекстов исследования — и все это вопросы о том, как работают механизмы власти (и знания), определяя ту или иную социальную локацию, наполненную идентифицируемыми практиками. При этом внимание исследователей преимущественно обращено к тем социальным контекстам, которые характеризуются подчинением, угнетением и исключением¹³¹. Интерсекциональный подход является развитием феминистского анализа множественности и понимания гендерных различий и иерархий. Объектом изучения, как правило, становится конкретная негативно привилегированная группа, переживающая опыт бесправия, угнетения, эксплуатации, дискриминации¹³².

Человек при этом понимается как поле пересечения этих дискриминаций, поскольку одновременно обладает целым рядом таких идентичностей, как: класс, раса, возраст, трудоспособность, пол, сексуальная

¹²⁹Поттер, Х. Интерсекциональная криминология / Х. Поттер [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://books.google.by/books?id=b5RhCQAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false. — Дата доступа: 18.07.2018.

¹³⁰Белл, Керрин Е. Насилие в местах лишения свободы и интерсекциональность факторов расы/национальности и пола // Керрин Е. Белл // Актуальные проблемы экономики и права. — 2018. — Т. 12. — № 1. — С. 132–148.

¹³¹Темкина, А.А. Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях / А.А. Темкина, Е.А. Здравомыслова // Журн. социологии и социальной антропологии. — 2017. — № 20(5). — С. 19.

¹³²Там же. — С. 20–25.

идентичность, гражданский статус и др. Все эти идентичности могут стать поводом для угнетения в случае, если они не полностью совпадают с императивной нормативностью существующего социально-политического дискурса¹³³.

Понятие сексуальной идентичности как внутреннего ощущения личности о ее принадлежности к тому или иному гендеру, и особенно небинарной (выходящей за рамки традиционной гендерно-бинарной системы — ощущения мужского или женского гендера) гендерной идентичности, в уголовно-правовых и криминологических исследованиях фактически не используется, оставаясь термином медицинским, психологическим или даже социологическим, но неприменимым в контексте изучения преступности и выстраивания эффективной системы противодействия преступным проявлениям, несмотря на разнообразие форм проявления как в исторической ретроспективе, так и в современном обществе¹³⁴. Отдельные аспекты вопроса затрагиваются специфической отраслью научного криминологического знания — криминофамилистикой, однако имеющиеся исследования не отражают в полной мере сути проблемы, не предлагают конструктивных путей ее разрешения¹³⁵, а отдельные авторы, придерживаясь консервативных позиций и отрицая альтернативные формы брака, не признают актуальности легального закрепления прав трансгендерного сообщества в уголовно-правовой сфере¹³⁶.

В то же время современные исследования констатируют, что трансгендерность как стремление изменить параметры своего пола или гендера исходя из внутреннего ощущения гендерной идентичности повсе-

¹³³Рахманинова, М.Д. Генезис интерсекционального подхода к анализу власти и дискриминаций: между гендером и классом // Исторические, философские, юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 2(52). — Ч. 1. — С. 158.

¹³⁴Herdt, G. Third Sex/Third Gender: Beyond Sexual Dimorphism In Culture and History / Gilbert Herdt. — New York: Zone Books, 1994. — 614 p.

¹³⁵Шестаков, Д.А. Виктимизация семьи вследствие преступной составляющей катаклизмов / Д.А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2016. — № 1. — С. 13–16; Милоков, С.Ф. Глубинные истоки кризиса российской семьи: его криминологические и уголовно-правовые последствия / С.Ф. Милоков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2016. — № 1. — С. 17–20; Готчина, Л.В. Семья как фактор преступлений, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних / Л.В. Готчина // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2016. — № 1. — С. 25–29; Никуленко, А.В. О некоторых проблемах противодействия семейному насилию / А.В. Никуленко // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2016. — № 1. — С. 35–38.

¹³⁶Смирнов, Л.Б. Традиционная семья как объект посягательства со стороны глобальной олигархической власти (ГОВ) / Л.Б. Смирнов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2016. — № 1. — С. 21–24.

местно сопутствует социальной некомформности¹³⁷, что инвариантно приводит к необходимости обеспечения соответствующих правовых и организационных стандартов обращения с индивидом на различных стадиях уголовного судопроизводства.

Всеобщая декларация прав человека 1948 г., закрепляя перечень основных прав человека в целом, не дает детальных трактовок и гарантий их обеспечения, в связи с чем подобное обеспечение для разных групп может отличаться: например, для трансгендеров многое упирается в возможность официального признания их гендерной идентичности (т. е. изменения имени и гендера в документах). В 2006 г. группой экспертов ООН были разработаны и впоследствии утверждены в Джокьякарте «Принципы применения международно-правовых норм о правах человека в отношении сексуальной ориентации и гендерной идентичности» («Джокьякартские принципы»). Принципы содержат широкий перечень рекомендаций (более 25 пунктов) государствам в целом, а также отдельным инстанциям — элементам публичной власти, а также неправительственным организациям по поводу мер, которые им необходимо предпринять для того, чтобы обеспечить соблюдение тех или иных прав человека для трансгендерной личности, и в частности, среди прочих — приведение всего законодательства, включая уголовное, в соответствие с принципом универсального обладания всеми правами и свободами; обеспечение расследования и введение уголовных наказаний за преступления на почве гендерной идентичности; обеспечение гуманного содержания трансгендерных заключенных. Отметим, что Джокьякартские принципы носят рекомендательный характер, и принудительного механизма, который мог бы обязать государства безусловно следовать им, в инструментах ООН не существует.

Юридическое признание сексуальной идентичности является одним из основополагающих моментов проблемы трансгендера, поскольку именно данным фактом определяется, как личность воспринимают в официальных взаимодействиях и каковы ее гендерно-обусловленные права или ограничения (например: перечень и пределы применимых мер профилактического воздействия и уголовных наказаний; реализация альтернативных применению наказания форм уголовной ответственности и института условно-досрочного освобождения; определение вида исправительного учреждения и условий отбывания наказания; возраст выхода на пенсию или возможность работать по определенной профессии применительно к принудительной трудотерапии в рамках реализуемого уголовного наказания и т. д.).

Исторически Республика Беларусь является государством с традиционными социальными, в первую очередь семейными, ценностями.

¹³⁷Annelou L. C. de Vries. Autism Spectrum Disorders in Gender Dysphoric Children and Adolescents / Annelou L. C. de Vries, Ilse L. J. Noens, Peggy T. Cohen-Kettenis et al. // Journal of autism and Developmental Disorders. — 2010. — Vol. 40. — Issue 8. — Pp. 930–936.

Однако проблемы трансгендера обостряются как на национальном уровне в связи с расширением информированности населения на фоне укрепления института прав трансгендерной личности, так и с учетом глобализационных мировых процессов и повышения прозрачности границ, потенциальных перспектив выбора места жительства и развития миграционных процессов в странах, где право признания так называемого «третьего пола» признано на законодательном уровне с возможностью получения соответствующей отметки в документе, удостоверяющем личность (Федеративная Республика Германия, Индия, Непал, Аргентина, Дания и др.), причем как на основании интерсексуальности с проведением последующих медицинских мероприятий, так и с учетом самоопределения в рамках административных процедур, не требующих медицинского подтверждения и вмешательства¹³⁸.

В настоящее время в Республике Беларусь отсутствует четкая легальная процедура трансгендерного перехода. Ввиду того, что трансгендерность рассматривалась и рассматривается преимущественно в медицинском контексте, то и юридическое признание непосредственно обусловлено медицинскими процедурами, фактически, является их частью, начиная от постановки диагноза (это начальный и необходимый этап официализации трансгендера) и завершая хирургическим вмешательством, направленным на приведение биологического пола к соответствию гендерной идентичности¹³⁹. Однако наличие соответствующего медицинского подтверждения не гарантирует эффективного взаимодействия с органами публичной власти, и в том числе органами уголовного преследования, согласно стандартам правового статуса, установленным для фактического гендера. Еще более сложной является ситуация обеспечения адекватного уголовно-правового воздействия на трансгендера с небинарной гендерной идентичностью, когда лицо настаивает, чтобы документы отражали их идентичность, не являющуюся ни женской, ни мужской. Законодательно урегулированных процедур исполнения наказания и применения ресоциализационных механизмов в данной ситуации на уровне национального законодательства нет. На фоне очевидной актуальности поставленных проблем в настоящее время нет возможности статистического их подтверждения, поскольку в рамках официальных статистических форм подобные сведения не подлежат выяснению вообще.

Тем не менее, в ходе опроса следователей (150 чел.) было установлено, что 19,1% опрошенных встречались с трансгендерной идентично-

¹³⁸Ирискина, И. Трансгендерность от «МЖ» до «Х» / И. Ирискина, И. Лысенко [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://update.com.ua/spetcpromekt_tag987/transgender/. — Дата доступа: 25.06.2018.

¹³⁹О некоторых вопросах изменения и коррекции половой принадлежности: постановление М-ва здравоохранения Республики Беларусь от 9 дек. 2010 г. № 163 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.

стью лиц, совершивших преступление, но это не вызывало затруднений с точки зрения реализации отдельных этапов уголовной ответственности; 2,2% также встречались с трансгендерной идентичностью лиц, совершивших преступление, и это действительно вызывало затруднения с точки зрения реализации отдельных этапов уголовной ответственности.

Изучение женской/мужской преступности с учетом сексуальной идентичности будет способствовать: реализации прав и свобод человека с учетом трансгендерной идентичности; диагностике распространенности трансгендерности среди преступников, конструированию адекватного механизма уголовно-правового воздействия на трансгендерное лицо на всех стадиях осуществления мер уголовной ответственности независимо от формы ее реализации.

Включение преступности наряду с интерсекциональным в девиантологический ракурс исследования позволяет увидеть ее естественные связи с другими проявлениями разрушительной для личности и общества негативной девиантности: алкоголизм, наркотизм, проституция, порнография, суициды, гемблинг, компьютерный эскапизм, психические аномалии и т. д. Под психическими аномалиями предлагается понимать все расстройства психической деятельности, не достигшие психотического уровня и не исключающие вменяемости, но влекущие личностные изменения, которые могут привести к отклоняющемуся поведению. Причем, это не только различные психические расстройства из числа пограничных состояний, но и алкоголизм, наркомания¹⁴⁰.

Интерсекциональность усматривается в таких отраслях криминологии, как теория антиобщественного образа жизни; криминокультурология¹⁴¹; семейная криминология (криминофамилистика) — занимается исследованием бытовой преступности, влиянием семьи на преступное поведение; криминотеология — изучает преступления, совершаемые на религиозной почве, и пути их предупреждения¹⁴²; ювенология; этнокриминология¹⁴³; наркокриминология¹⁴⁴; неформальные группы в

¹⁴⁰Казарян, М.А. Содержание понятия «психических аномалий (патопсихологических нарушений), не исключающих вменяемости» в криминологии / М.А. Казарян // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2011. — № 11. — С. 106–107.

¹⁴¹Старков, О.В. Проблема создания новых направлений в современной криминологии / О.В. Старков // Актуальные проблемы экономики и права. — 2007. — № 3. — С. 177–178.

¹⁴²Старков, О.В. Криминотеология. Религиозная преступность [Электронный ресурс] / О.В. Старков, Л.Д. Башкатов. — Электрон. текстовые данные. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — 386 с.

¹⁴³Клейменов, М.П. Введение в этнокриминологию [Электронный ресурс]: монография / М.П. Клейменов. — Электрон. текстовые данные. — Омск: Омск. акад. МВД России, 2004. — 244 с.

¹⁴⁴Бычкова, А.М. Криминология наркопреступности: Общая часть: учеб. пособие / А.М. Бычкова. — Иркутск: Изд-во Байкал. гос. ун-та, 2018. — 168 с.

криминологии (преступные группы и группы, характеризующиеся девиантным поведением их участников)¹⁴⁵; преступность мигрантов¹⁴⁶; женская преступность¹⁴⁷; преступность несовершеннолетних¹⁴⁸.

Аналогичная позиция содержится в публикациях отечественных криминологов. Так, В.А. Ананич считает, что в криминологии исходными выступают социологические, статистические, психологические, демографические и иные подобные признаки, которые значительно раскрывают характер антисоциальной личности виновного, ее глубину и стойкость, факторы, способствующие формированию криминальной мотивации, дают возможность установить весь механизм и способы совершения преступления¹⁴⁹.

Изложенные положения позволяют включить в структуру личности преступника интерсекциональные признаки, учет и исследование которых позволит на более качественном уровне выявлять девиации в гендерных ролях и поведении субъектов преступлений и разрабатывать наиболее действенные меры по предупреждению и профилактике преступности. Итак, структура личности преступника включает *социально-демографические, нравственно-психологические, уголовно-правовые, физиологические* признаки.

Социально-демографические признаки. Традиционно устанавливаемые признаки: возраст, образование, материальное положение, род занятий, семейное положение (наличие малолетних детей), специальность, наличие работы, гражданство. Интерсекциональными признаками в рамках социально-демографических будут: *мигрант; национальность; этническая принадлежность; расовая принадлежность; культурный уровень/субкультура.*

О необходимости учета указанных признаков в содержательной части уголовной статистики свидетельствуют данные опроса следователей: 29,9% высказались за включение признака «мигрант»; 25,7% —

¹⁴⁵Савельев, А.И. К вопросу о понятии неформальных групп в криминологии / А.И. Савельев // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2010. — № 2(41). — С. 52; Казарян, М.А. Содержание понятия «психических аномалий (патопсихологических нарушений), не исключающих вменяемости» в криминологии / М.А. Казарян. — С. 105—107.

¹⁴⁶Криминология: учебник для вузов; под общ. ред. д. ю. н., проф. А.И. Долговой. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Норма, 2005. — С. 818.

¹⁴⁷Свило, С.М. Преступность среди женщин в Республике Беларусь: характеристика, причины, предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Свило. — Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. — 21 с.

¹⁴⁸Шаркова, Е.А. Предупреждение формирования и криминализации личности несовершеннолетнего преступника: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.А. Шаркова. — Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2016. — 24 с.

¹⁴⁹Ананич, В.А. О методологии криминологической классификации преступлений / В.А. Ананич. — Минск: Академия МВД, 2017. — С. 191.

«национальность»; 14,6% — «этническая принадлежность»; 20,1% — «расовая принадлежность»; 23,6% — «культурный уровень/субкультура». Оценки населения транслируют устоявшиеся стереотипы в обществе. Согласно им, указанные признаки могут стать причиной совершения преступлений: 15% отметили признак «национальность», 9,5% — «этническая принадлежность»; 9,5% — «расовая принадлежность»; 63,9% — «культурный уровень/субкультура».

Нравственно-психологические признаки. Подлежат исследованию такие признаки, как интеллект, способности, навыки, привычки, эмоциональные свойства, волевые свойства, установки, интересы, мотивы, ценностные ориентации, взгляды, отношения к нормам права и морали, потребности, способы удовлетворения потребностей, употребление наркотических веществ, спиртных напитков и другие аддикции.

В контексте нравственно-психологических характеристик гендера/личности преступника при использовании гендерного подхода необходимо исследовать такие гендерные признаки, как маскулинность, феминность и интерсекциональные: *отношение к религии, вероисповедание*.

За включение в уголовную статистику таких признаков, как «отношение к религии» и «вероисповедание», высказались 19,4 и 17,4% следователей соответственно. По мнению населения, «отношение к религии» и «вероисповедание» могут стать причиной совершения преступлений в 12,2 и 13,6% случаев.

В содержании **уголовно-правовых** помимо вида совершенного преступления, его категории по степени общественной опасности, мотива и цели, формы вины, множественности совершенного преступления, единичности или в составе группы, есть все основания выделить следующие интерсекциональные признаки: *роль в совершении преступления; принадлежность к преступной группе; нахождение в преступной среде*.

По мнению опрошенных следователей, есть основания для включения в уголовную статистику таких признаков, как: роль в совершении преступления — 59%; принадлежность к преступной группе — 69,4%; нахождение в преступной среде — 57,6%. Опрошенное население также считает, что указанные признаки могут стать причиной совершения преступления: принадлежность к преступной группе — 83%; нахождение в преступной среде — 83,7%.

К физиологическим признакам следует отнести: общие (здоровье, врожденные физиологические дефекты, тяжелые хронические заболевания, телосложение (физическая конституция), нормостенический тип, астенический тип, гиперстенический тип), фертильность (женскую/мужскую); интерсекциональные (*инвалидизация I, II, III группы, психические аномалии, наркотическая зависимость, алкоголизм, токсикомания, сексуальная идентичность*). Опрошенные следователи считают необходимым учитывать в уголовной статистике такие признаки, как «инвалидизация I, II, III группы» — 34%, «психические анома-

лии» — 63,9%, «наркотическая зависимость» — 68,1%, «алкоголизм» — 68,1%, «токсикомания» — 54,2%, «сексуальная идентичность» — 18,8%. По оценкам населения, указанные признаки могут выступать причинами совершения преступления: «инвалидизация I, II, III группы» — 1,4%, «психические аномалии» — 72,8%, «наркотическая зависимость» — 87,1%, «алкоголизм» — 89,1%, «токсикомания» — 67,3%, «сексуальная идентичность» — 11,6%.

Изучение гендера/мужчины и женщины/личности преступника, выявление в структуре общих, гендерных и интерсекциональных признаков требует поэтапного, но в то же время комплексного подхода, позволяющего учесть всю многогранность личности. Полагаем, что в заявленном контексте возникает необходимость классификации гендера/личности преступника. Изложенные положения позволяют выделить в содержании гендерной криминологии следующие группы для исследования: по полу (преступность мужчин и женщин); по возрасту (мужская/женская преступность несовершеннолетних, преступность молодежи); по наличию интерсекциональных признаков у мужчин и женщин (культурный уровень/субкультура; мигрант; национальность; этническая принадлежность; расовая принадлежность; отношение к религии, вероисповедание; роль в совершении преступления; принадлежность к преступной группе; нахождение в преступной среде; инвалидизация I, II, III группы, психические аномалии, наркотическая зависимость, алкоголизм, токсикомания, сексуальная идентичность).

Предложенная классификация не исключает вариативность подходов при изучении гендера/личности преступника. В рамках научных исследований из указанных выше классификационных групп могут быть взяты различные признаки и включены в объект исследования (например, предупреждение преступности среди женщин, страдающих алкоголизмом; предупреждение преступности среди мужчин, страдающих психическими аномалиями, и т. д.).

Предупреждение и профилактика преступлений на основании гендерного подхода. Разработке мер по предупреждению женской и мужской преступности на общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном уровнях предшествует исследование причины и условий женской/мужской преступности. В связи с этим необходимо устанавливать причины (социально-экономические; социально-психологические; идеологические; политические; правовые; культурно-воспитательные; организационно-управленческие; биологические; медицинские; технические), факторы (антикриминогенные; криминогенные; пьянство, алкоголизм; наркомания; экстремизм; социальная маргинальность), условия (сопутствующие, необходимые, достаточные).

Как представляется, одним из путей реализации комплексного подхода к изучению гендера/мужчины и женщины/личности преступника, выявлению факторов, влияющих на формирование девиантной

роли и девиантного поведения, определению этапов криминализации гендера/мужчины и женщины, установлению причин и условий совершения преступлений и разработки на их основе программ профилактики и предупреждения преступности через использование положений гендерного подхода является совершенствование форм статистической отчетности в рамках уголовного судопроизводства.

Есть все основания для включения в уголовную статистику указанных выше признаков и внедрение их в автоматизированные банки данных, создание на их основе специальных программных продуктов по изучению преступности, разработке индивидуальных исправительных программ осужденных и т. д. (см. приложения: Е, Ж).

Для этого созданы необходимые теоретические предпосылки в контексте представленного исследования, есть запрос со стороны правоохранительных органов. Так, данные опроса следователей (в опросе участвовали 119 чел.) по вопросам внедрения информационных технологий в расследование преступлений показал следующее: 99% рабочих мест опрошенных укомплектованы компьютерной техникой. Абсолютное большинство использует различные поисковые системы в своей работе (77,3%). Помимо компьютера, следователи пользуются планшетами (3,4%), мобильными телефонами (88,2%), ноутбуками (5%). По оценкам опрошенных, 98,3% готовы более активно использовать в своей деятельности информационные технологии, 52,1% отметили наибольшую для них привлекательность специальных информационных ресурсов для оптимизации расследования, предупреждения и профилактики преступлений.

Завершая формирование структуры и содержания гендерной криминологии, есть все основания определить ее системное окружение. Поскольку гендерная криминология — система открытого типа, она взаимодействует с другими системами, которые определяют ее содержание и содержание которых обогащается за счет нее.

Общий уровень системного окружения — науки социально-гуманитарного цикла: социология, гендерная теория, демография, культурология, психология, экономика, педагогика, психиатрия, история, биология, этнография, политология, философия, религиоведение.

Специальный уровень системного окружения — науки правовые: международное право; криминология, уголовное право, уголовно-процессуальное право, уголовно-исполнительное право.

Отраслевой уровень системного окружения — криминокультурология, криминофамилистика, криминотеология, ювенология, наркокриминология, этнокриминология и т. д.

Подводя итог, отметим следующее.

1. Гендерная криминология выступает в качестве системы, направленной на достижение целей, решение задачи, реализацию функций. В структуре целей гендерной криминологии определены общая, конеч-

ная, перспективная и ближайшая цели. Перечень задач представлен общими, теоретическими и прикладными. Их решение напрямую связано с реализацией прикладной, объяснительной, эвристической и прогностической функций гендерной криминологии.

2. Гендерная криминология относится к Особенной части криминологии и выступает в качестве ее подсистемы. Однако это не исключает наличие в ее содержании собственной структуры. На основании общих принципов системного подхода предлагается трехзвенная структура, состоящая из Общей, Особенной и Специальной частей. При этом, Общая часть содержательно наполнена посредством настоящего исследования, Особенная и Специальная части требуют разработки путем самостоятельных научных исследований.

3. При разработке Особенной части гендерной криминологии помимо устоявшихся подходов к изучению преступности есть теоретические и прикладные предпосылки для использования интерсекционального подхода, активно применяемого в гендерных исследованиях, и включения в структуру и динамику изучения преступности интерсекциональных признаков: мигрант, этническая принадлежность; национальность; расовая принадлежность; культурный уровень индивида, приверженность к субкультуре (например, интернет-сообщества, преступного сообщества); отношение к религии; вероисповедание; инвалидизация I, II, III группы; психические аномалии; наркотическая зависимость; алкоголизм; токсикомания; роль в совершении преступления, принадлежность к преступной группе; нахождение в преступной среде; сексуальная идентичность.

4. При разработке теоретических положений гендерной криминологии использована бинарная гендерная система. Однако, в содержательный контекст ее Особенной части при изучении гендера/личности преступника включен такой интерсекциональный признак, как сексуальная идентичность, исследование которого может повлечь выход за рамки традиционной гендерно-бинарной системы и возникновение такой проблемы, как трансгендерность, которую, как нами видится, следует также рассматривать в рамках гендерной криминологии.

5. В перспективе действенными инструментами по включенности интерсекциональности и гендерного измерения в изучение преступности, разработку мер по предупреждению и профилактике преступлений могут стать модели изучения женской и мужской преступности, специальные информационные ресурсы, направленные на совершенствование уголовной статистики, оптимизации расследования, предупреждения преступлений.

ГЛАВА 3. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ГЕНДЕРНОЙ КРИМИНОЛОГИИ: МОДЕЛИ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОСТИ

Криминологическая наука построена на фундаментальных моделях криминологии: научных подходах и направлениях в изучении личности преступника и предупредительного воздействия на нее. Современные криминологи исследуют многие явления, основываясь на различных моделях: контроля, медицинской, социогенной, теологической, информационной и др. Особое место среди них занимает гендерная модель изучения преступности¹⁵⁰.

К.В. Корсаков определяет, что у любой криминологической модели имеется строго ограниченный набор релевантных свойств, неповторимого понятийно-категориального аппарата, структурные элементы которого одновременно выполняют как описательно-репрезентативную, так и интегративную функции¹⁵¹.

Изначально в рамках гендерного подхода ученые обращали внимание исключительно на особенности женской преступности. Так, А. Кетле объяснял меньшую преступность женщин не только их физической слабостью, но и отрешенностью от общественной жизни, замкнутостью в кругу семейных обязанностей¹⁵². Ч. Ломброзо¹⁵³ и его последовательница в России П.Н. Тарновская связывали более низкую интенсивность женской преступности с особенностями женского организма и характера, природой женщины, ее «биологической недоразвитостью»¹⁵⁴. За рубежом гендерные исследования направлены на объяснение количественных показателей совершения преступлений различным полом.

Сегодня в гендерную модель изучения преступности исследователи включают различные компоненты. Большинство работ направлены на исследование женской преступности в различных ее аспектах. З.Н. Гуданова и Н.А. Исаев рассматривают женскую преступность в культу-

¹⁵⁰ Сачек, А.Г. Стадии и значение криминологического моделирования / А.Г. Сачек // Вестн. Московск. ун-та МВД России. — 2015. — № 8. — С. 129—133.

¹⁵¹ Корсаков, К.В. Криминологическое моделирование и язык криминологической науки / К.В. Корсаков // Вестн. Юж.-Уральск. гос. ун-та. — 2006. — №5. — С.156—157.

¹⁵² Кетле, А. Человек и развитие его способностей / А. Кетле. — СПб.: О.И. Бакст, 1865. — 228 с.

¹⁵³ Ломброзо, Ч. Женщины-преступницы и проститутки / Ч. Ломброзо, Э. Ферреро. — Киев, 1903. — 196 с.

¹⁵⁴ Тарновская, П.Н. Женщины-убийцы: антропологическое исследование / П.Н. Тарновская. — СПб.: Т-во худож. печати, 1902. — 512 с.

рально-криминологическом аспекте¹⁵⁵. Отметим, что большинство криминологов связывают гендерный подход исключительно с признаками половой принадлежности.

Исследователи отмечают, что современные модели, в том числе и гендерная, основываются на интегративной методологии криминологической науки через триангуляцию, которая предполагает совместное использование (синтез) различных количественных и качественных методов, взаимодополняющих друг друга и минимизирующих недостатки каждого¹⁵⁶. В последнее время появились работы, которые характеризуют гендерную модель изучения преступности не только с точки зрения пола. Б.Н. Хачак в своей диссертации «Гендерный подход в институте уголовного наказания: уголовно-правовые, пенитенциарные и криминологические проблемы» определяет, что гендерный подход имеет свои особенности, что является следствием своеобразия причин и условий, в свою очередь, порождающих преступления, совершаемые различающимися по гендерным признакам субъектами. Автор констатирует необходимость развития гендерного подхода в рамках укрепления правового статуса осужденных: правового положения осужденных мужчин и женщин, являющихся родителями малолетних детей, тем самым определяя социологические аспекты личности-преступника независимо от пола¹⁵⁷. Кроме того появились работы, где гендерная модель используется при изучении преступности несовершеннолетних, лиц различных профессий и другие¹⁵⁸. В настоящее время исследователи констатируют, что гендерная модель — это не только разграничение личности преступника по полу, но и характеристики, черты и признаки, которые отличают мужчину и женщину исходя из их биологического, социально-демографического, социально-ролевого, правового и психологического статусов¹⁵⁹.

¹⁵⁵Гуданова, З.Н. Гендерный подход к женской преступности, культурально-криминологический аспект / З.Н. Гуданова, Н.А. Исаев. — Режим доступа: <http://www.rusnauka.com/NIO/Pravo/gudanova%20z.n.n.doc.htm>. — Дата доступа: 19.03.2018.

¹⁵⁶Судакова, Т.М. Криминологическое исследование: теоретико-методологические основы / Т.М. Судакова // Всерос. криминологический журн. — 2017. — № 4. — С. 656—665.

¹⁵⁷Хачак, Б.Н. Гендерный подход в институте уголовного наказания: уголовно-правовые, пенитенциарные и криминологические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Б.Н. Хачак. — Краснодар, 2014. — 206 с.

¹⁵⁸Шиханцов, Г.Г. Криминология: учеб. пособие / Г.Г. Шиханцов. — Минск: Тесей, 2006. — 319 с.

¹⁵⁹Куприянова, А.В. Гендерная криминология: создание частной криминологической теории / А.В. Куприянова. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/gendernaya-kriminologiya-sozdanie-chastnoy-kriminologicheskoy-teorii>. — Дата доступа: 19.03.2018.

Таким образом, можно сделать вывод, что гендерная криминологическая модель сегодня есть комплексная система изучения личности преступника, состоящая из половых особенностей человека в контексте социально-демографического, нравственно-психологического, уголовно-правового и физиологического элементов его развития и существования, а также причин и условий совершения преступлений.

Структура гендерной модели изучения преступности личности обусловлена тем или иным субъектом совершения преступления. С.М. Свило, например, в структуре преступности женщин определяет группы характерных для этого субъекта преступлений: против жизни и здоровья, собственности, уклада семейных отношений и т. д.¹⁶⁰ Применительно к структуре преступности несовершеннолетних ученые выделяют характерность совершения преступных деяний против половой неприкосновенности и половой свободы, собственности, общественной безопасности и здоровья населения.

Проанализировав труды отечественных и зарубежных исследований, можно констатировать, что существует комплекс факторов, которые обуславливают формирование гендерной модели изучения преступности. Основополагающий фактор, на наш взгляд, — социально-демографический. Критериев, составляющих его, достаточно много. Прямое влияние на формирование данного фактора оказывает общество посредством объективных и субъективных условий. К объективным условиям относятся, например, гендерные различия в заработной плате (применительно к женской и мужской модели преступности) либо финансовый доход субъекта совершения преступления (относительно гендерной модели преступности несовершеннолетних и осужденных). Отметим, что занятость в низкооплачиваемых отраслях экономики женщин наряду с преобладанием гендерного неравенства в руководящих должностях организаций и предприятий объективно обуславливает разную специфику женской и мужской моделей преступности. Важным условием является безработица. С.М. Свило утверждает, что существует прямая зависимость преступности от роста безработицы¹⁶¹. Применительно к гендерным моделям в большей степени она относится к женской и лиц, ранее осужденных. На рынке труда существует глубокое неравенство структуры вакансий по профессиональной квалификации между мужчинами, женщинами, лицами с ограниченными возможностями, ранее судимыми и т. д. Кроме того, нередко занятость относительно последних предполагает неблагоприятные тяжелые условия труда. Все это создает условия для совершения преступлений определенной категорией лиц.

¹⁶⁰Свило, С.М. Преступность среди женщин в Республике Беларусь: характеристика, причины, предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.М. Свило. — Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. — С. 21.

¹⁶¹Там же. — С. 139.

Субъективные условия обусловлены демографическими характеристиками и нравственными аспектами личности. Важную роль играют в данном случае процессы воспитания личности в контексте принятых фундаментальных основ традиций и культуры семейного уклада и общества в целом.

Итак, моделирование — один из общенаучных методов, заключающийся в построении и изучении моделей каких-либо явлений, процессов или систем объектов для их детального исследования¹⁶². Можно сказать, что моделирование — это использование в процессе познания не объекта-оригинала, а заменяющей его модели, которая «...является средством получения информации об объекте-оригинале, заменяет его при постановке опытов и в иных познавательных процедурах»¹⁶³. Цель моделирования любой исследуемой системы и каждого ее элемента состоит в выявлении, установлении связей¹⁶⁴. На основании концепции В.А. Штоффа можно говорить о двух видах моделирования: мысленном и материально реализованном¹⁶⁵. Материальные модели воспроизводят объекты в материально фиксированном виде. Мысленные модели представляют собой систему, состоящую из мысленных компонентов, которая используется чаще всего в поисково-познавательной, научно-исследовательской деятельности.

В настоящей главе речь пойдет о мысленной модели женской/мужской преступности как эффективном инструменте научно-исследовательской деятельности при изучении преступности в рамках гендерной криминологии.

Модель изучения женской и мужской преступности включает три основных компонента: преступность как общественно опасное социально-правовое явление, личность преступника, причины и условия преступности.

В качестве определения женской/мужской преступности как общественно опасного социально-правового явления необходимо установить ее качественные и количественные показатели. К первым относятся структура и характер преступности. Количественные показатели обуславливают состояние, уровень и динамику женской/мужской преступности.

Личность женщины/мужчины-преступника включает четыре системных элемента. *Социально-демографический* элемент многоком-

¹⁶²Климова, Е.И. Фальшивомонетничество: моделирование при расследовании / Е.И. Климова. — Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. — С. 23.

¹⁶³Лузгин, И.М. Моделирование при расследовании преступлений / И.М. Лузгин. — М.: Юрид. лит., 1981. — С. 4.

¹⁶⁴Хлынов, М.Н. Криминалистическая информация и моделирование при расследовании преступлений / М.Н. Хлынов; под ред. В.Г. Власенко. — Саратов: Саратовский ун-т, 1982. — С. 71.

¹⁶⁵Штофф, В.Л. Моделирование и философия / В.Л. Штофф. — М.: Наука, 1966. — С. 23.

понентен. Полагаем, что важнейшую роль в нем играет возраст. При изучении преступности установление возраста — это первоочередная задача. Еще одним компонентом социально-демографического элемента выступает образование. Во многом оно определяет состав преступления и его квалифицирующие признаки.

Полагаем, что в структуру изучения женской/ мужской преступности (как взрослой, так и несовершеннолетних) необходимо включить признаки интерсекциональности. Целесообразно изучение такого компонента, как культурный уровень (субкультура) женщины/мужчины-преступника. Это может быть любая субкультура, в основе которой лежат определенные традиции, нормы, ритуалы, которые противостоят законопослушному обществу, отрицают принципы морали и права, оправдывают и поощряют нетрадиционный образ жизни. При изучении женской взрослой преступности интерсекциональный признак «субкультура» более выраженный, чем в модели мужской преступности. Связано это в основном с психоэмоциональными особенностями развития личности — непосредственно женщины-преступника. Они более подвергнуты к вступлению в различные сообщества, секты и т. д.

Материальное положение в структуре модели изучения женской/ мужской преступности определяется относительно доли каждого члена семьи к установленному прожиточному минимуму. Здесь же необходимо учитывать род занятий женщины/мужчины-преступника, например, работающая, безработная, домохозяйка, в отпуске по уходу за ребенком и т. д. Важную роль в структуре изучения женской/мужской преступности имеет семейное положение. Оно определяет в основном направленность преступного поведения и составы совершаемых преступных деяний. Наличие несовершеннолетних детей в обязательном порядке учитывается при реализации модели изучения женской/мужской преступности.

В классической модели изучения женской/мужской преступности выделяется такой компонент, как гражданство субъекта совершения преступления. Представляется, с позиции интерсекциональности и с учетом последних мировых тенденций вышеназванный компонент необходимо расширить. Гражданство в модели изучения женской/мужской преступности следует не только рассматривать с позиции констатации факта (например, белорусское, украинское гражданство и т. д.), но и изучать национальность, этническую, расовую принадлежность и позицию по миграции. Отметим, что при вынужденной миграции чаще преступления совершают мужчины.

Нравственно-психологический элемент в модели изучения женской/ мужской преступности включает интеллект, установки и потребности. В рамках интеллекта необходимо уделить внимание способностям, навыкам и привычкам женщины/мужчины-преступника, эмоциональным свойствам, в которые включается возбудимость, устойчивость, ригидность и др., а также волевым качествам, маскулинности и феминности.

Маскулинность в большинстве своем — характеристика мужчин. В основе маскулинности лежат биологические качества, которые на физическом уровне позволяют рассматривать мужчин как отдельную природную категорию, которая имеет свои собственные качества, присущие всем ее представителям от рождения до смерти.

Изучая установки, необходимо уделить внимание интересам и мотивации совершаемых поступков, ценностным ориентациям и взглядам, отношению к нормам права и морали, религии и вероисповеданию. Кроме того, изучая потребности, важно отметить способы их удовлетворения, включая криминальный сегмент (злоупотребление спиртными напитками, употребление наркотических либо психотропных веществ и т. д.).

Уголовно-правовой элемент в структуре модели женской/мужской преступности подлежит изучению с точки зрения вида совершенного преступления, его категории по степени общественной опасности, мотива и цели совершения преступного деяния, формы вины, рецидива и относительно количественного состава субъектов. Необходимо учитывать роль в совершении деяния женщины/мужчины-преступника, принадлежность к преступной группе и нахождение в преступной среде.

Содержательный компонент физиологического элемента включает состояние здоровья и телосложение. При изучении женской/мужской преступности необходимо уделять внимание наличию тяжелых хронических заболеваний и зависимостей (инвалидизации I, II, III группы, психическим аномалиям, наркотической зависимости, алкоголизму, токсикомании). Целесообразно учитывать женскую/мужскую фертильность (способность зачатия и рождения детей) и сексуальную идентичность как мужчин, так и женщин. Проблемы с фертильностью у мужчин могут служить основной причиной совершения сексуальных преступлений. Так, в типологизации насильников выделен такой тип, как «самоутверждающийся» — преступник, совершающий изнасилования с целью доказать свои мужские возможности¹⁶⁶.

Модель изучения женской/мужской преступности несовершеннолетних по структуре идентична модели изучения взрослой женской/мужской преступности, однако имеет ряд особенностей в ее содержательном компоненте. В рамках социально-демографического элемента при установлении образования женщины/мужчины-преступника несовершеннолетних необходимо уделить внимание уровню образования (базовое, среднее, среднее специальное), количеству оконченных классов в школе, количеству повторного обучения в одном классе. Наличие работы следует рассматривать в контексте обучения. В рамках материального положения: находится ли на иждивении родителей (опекунов) либо имеет самостоятельный заработок. Семейное положение несовершеннолетних следует определять относительно полноценности семьи.

¹⁶⁶Половников, Р.М. Уголовная ответственность за изнасилование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Р.М. Половников. — М.: Моск. гос. ун-т., 2010. — С. 110.

Отметим, что нравственно-психологический элемент при изучении женской/мужской преступности несовершеннолетних достаточно неустойчив. Например, в зависимости от возраста такие компоненты, как отношение к религии, вероисповедание, маскулинность и феминность, могут быть сформированы не в полной мере. В данном случае целесообразно их не учитывать в модели изучения вышеобозначенного сегмента преступлений. То же касается и наличия у субъекта совершения преступления специальности.

Тип телосложения (нормостенический, астенический, гиперстенический) при изучении физиологических особенностей в зависимости от возраста может варьироваться, так же, как и сексуальная идентичность (гетеросексуальность, бисексуальность, гомосексуальность). Многие сексологи утверждают, что формирование сексуальной идентичности происходит в утробе матери и в первые годы жизни после рождения¹⁶⁷. Однако данное утверждение спорно и опровергается практикой. В связи с этим, при установлении сексуальной идентичности в модели женской/мужской преступности несовершеннолетних следует для начала определить ее наличие и уровень сформированности.

Причины женской/мужской преступности в модели ее изучения необходимо разграничивать по следующим индикаторам: социально-экономические, социально-психологические, идеологические, политические, правовые, культурно-воспитательные, организационно-управленческие, биологические, медицинские и технические. К факторам совершения преступлений следует отнести криминогенные и антикриминогенные. Условия совершения преступлений при изучении женской/мужской преступности необходимо выявлять с позиции необходимости и достаточности.

Отметим, что модели изучения женской взрослой преступности, преступности несовершеннолетних, мужской преступности — это целостные комплексные системы, где элементы взаимосвязаны. Многие элементы предопределяют наличие других конкретных элементов, характеристик или свойств преступников. Таким образом, разработанные модели как целостные комплексные системы могут эффективно функционировать только при соблюдении законов системного подхода.

Итак, сформированная модель женской/мужской преступности является эффективным инструментом научно-исследовательской деятельности при изучении преступности в рамках гендерной криминологии. Она включает три основных компонента: преступность как общественно опасное социально-правовое явление, личность преступника, причины и условия преступности с включением в их содержание гендерного измерения на основании интерсекционального подхода (см. приложение Д).

¹⁶⁷ Bailey, J.M. Sexual orientation of adult sons of gay fathers / J.M. Bailey, D. Bobrow, M. Wolfe & S. Mikach // *Developmental Psychology*. — 1995. — No. 31. — P. 128.

ГЛАВА 4. ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В РАМКАХ ГЕНДЕРНОЙ МОДЕЛИ В ПРОЦЕСС ПРОФИЛАКТИКИ ПРОТИВОПРАВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ

Проблема личностного развития, социально-контролируемого поведения и функционирования человека на безопасных для общества и себя стандартах рассматривается и ставится в правовой мысли уже давно, в том числе не только с общефилософских позиций, но и с точки зрения контроля за противоправными проявлениями. Однако, как отмечает Ю.В. Голик, прежде всего затрагиваются вопросы наказания и ответственности как самые обсуждаемые и влияющие как на общественное сознание, так и на отдельных граждан независимо от их гендерной принадлежности¹⁶⁸. Между тем, еще Ш.Л. Монтескье писал: «Хороший законодатель не столько заботится о наказаниях за преступления, сколько о предупреждении преступлений; он постарается не столько карать, сколько улучшать нравы»¹⁶⁹. В трудах Ф. Листа мы находим утверждения о первостепенности реформирования системы наказания и его исполнения, поскольку общество признается состоятельным в плане возможности устранения (снижения) интенсивности противоправной мотивации и трансформации ее в мотивацию социально значимую и полезную, в том числе посредством исполнения наказания. Согласно позиции автора, «...мы не только в состоянии устранить вытекающие из общественных отношений влечения к преступлению или пытаться понизить их интенсивность, но мы можем даже угрозой наказания и самим исполнением его создать мотивы, которые будут в силах поддерживать нормальное равновесие общественных отношений»¹⁷⁰. При этом наказание, по мнению автора, не должно рассматриваться в качестве единственного либо самого совершенного средства в борьбе с преступностью, оно является лишь звеном в цепи используемых средств. Еще более радикально в этом направлении высказался И. Бентам. Он утверждал, что «...всякое наказание есть вред; всякое наказание есть само по себе зло... оно должно быть допустимо только в той степени, насколько оно обещает устранить какое-нибудь большее зло»¹⁷¹. Иными словами, применение уголовно-правового воздействия в какой бы то ни было форме допустимо в целях преодоления

¹⁶⁸Философия уголовного права; сост., ред. и вступ. ст. д-ра юрид. наук, проф. Ю.В. Голика. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. — С. 6—7.

¹⁶⁹Монтескье, Ш.Л. О духе законов / Ш.Л. Монтескье. — М.: Мысль, 1999. — С. 78.

¹⁷⁰Лист, Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Ф. Лист; сост. и предисл. В.С. Овчинского. — М.: ИНФРА-М, 2004. — 110 с.

¹⁷¹Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. — М.: РОССПЭН, 1998. — С. 221.

более значимых противоправных проявлений. Критикуя Дж. Локка, полагавшего, что в силу естественного состояния каждый обладает правом наказывать нарушения его прав в той мере, которая может воспрепятствовать повторению правонарушения¹⁷², А. Франк указывает, что истинная основа наказания состоит в сочетании государственного принуждения и предупреждения, которые необходимы для «...охранения... общественного порядка вообще, в самом обширном смысле этого слова»¹⁷³.

Ограничение прав и свобод лица, проявившего себя с точки зрения девиантного поведения, уголовно-правовыми средствами (закрепленными в уголовно-правовых нормах), возможность привития ему социально полезных навыков и качеств в рамках применения принудительных средств воздействия не являются принципиально новыми идеями не только с точки зрения философско-теоретических взглядов на проблему, но и в рамках легального отражения в действующем законодательстве. В то же время следует отметить, что возможности дифференциации подобного контролируемого воздействия на основе гендерной специфики до настоящего времени практически не рассматривались и не были отражены в действующем законодательстве Республики Беларусь.

В ракурсе проблемы реализации мер постпенального контроля с учетом гендерного измерения особое внимание следует обратить на гарантии свободы и неприкосновенности прав личности. Статья 3 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. устанавливает: «Каждый имеет право на личную неприкосновенность». Подобное положение содержат ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Раздел II Конституции Республики Беларусь закрепляет права на свободу, неприкосновенность и достоинство личности, защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь. Статья 23 Конституции гласит: «Ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц». Следовательно, ограничения правового статуса, обусловленные состоянием осуждения, призваны обеспечить режим подконтрольности в целях осуществления профилактирования и не более. Они должны быть минимальными по своему карательному и ограничительному воздействию, способствовать эффективной ресоциализации деятельности осужденного, в основном сводиться к информационному и корректирующему воздействию. Разумное применение надзора рекомендовано Стандартными минимальными правилами ООН в отношении мер, не связанных с тюремным за-

¹⁷² Локк, Дж. Сочинения в трех томах / Дж. Локк. — Т. 3. — М.: Мысль, 1988. — С. 264—268.

¹⁷³ Франк, А. Философия уголовного права в популярном изложении / А. Франк; пер. с франц. Д. Слонимского. — СПб.: Типография О.И. Бакста, 1868. — С. 74—78.

ключением (Токийскими правилами) 1990 г. Наряду с общими принципами организации надзора подчеркиваются специальные цели его осуществления. Пункт 10.1 раздела V названного документа устанавливает, что цель надзора состоит в том, чтобы «...сократить рецидивы правонарушений и содействовать такому включению правонарушителя в жизнь общества, который свел бы к минимуму вероятность повторного совершения преступлений». Далее подчеркивается (п. 10.4): «Правонарушителям должна, в случае необходимости, оказываться психологическая, социальная и материальная помощь и должны предоставляться возможности для укрепления связей с обществом и для облегчения их возвращения к нормальной жизни в обществе». Изучение процессов становления социального уголовно-правового контроля и трансформацию его задач, вопросов контроля и предупреждения преступных проявлений, а также ресоциализации преступника представляет интерес не только в рамках национальной правовой системы, но и в сравнительной плоскости ряда зарубежных государств. Обратим внимание, что в первую очередь речь идет о ресоциализационно-профилактических мерах уголовно-правового характера, реализуемых в постпенальный период в отношении лица мужского либо женского пола, подвергнутого наказанию за совершение преступления. А.Б. Антохина справедливо отмечает, что подобное воздействие широко применяется в странах романо-германской правовой системы, где в основу положена рецепция классического римского права¹⁷⁴. Так, например, в УК Греции 1950 г. наряду с наказаниями также используется система мер исправления и безопасности, в основу применения которых положена категория «опасного состояния» лица, но в связи с совершением им преступления реализуемых в рамках уголовного преследования и уголовного правосудия¹⁷⁵. Собственно и сохраняемое после отбытия наказания состояние осуждения в рамках принятой в УК Республики Беларусь концепции уголовной ответственности фиксирует нахождение осужденного определенный период в качестве криминализированного субъекта и поэтому нуждающегося в постпенальном профилактическом контроле за организацией устройства его социальной жизни. Вместе с тем, следует критически оценивать законодательную модель введения и применения мер безопасности профилактического характера при отсутствии преступления и, следовательно, оснований для применения наказания, которая не без влияния антропологической и социологической школ уголовного права по конструкции предупреждения опасного состояния предусмотрена в УК Италии (ст. 217, 223, 228 и

¹⁷⁴ Антохина, Е.Б. Постпенитенциарный надзор за лицами, отбывшими наказание / Е.Б. Антохина // Сб. тр. V науч.-практ. конф. «Современные проблемы уголовной политики» (г. Краснодар, 3 окт. 2014 г.); под ред. А.Н. Ильяшенко. — Т. II. — Краснодар: Краснодарск. ун-т МВД Российской Федерации, 2014. — С. 40.

¹⁷⁵ Уголовный кодекс Греческой Республики. — Ростов-на-Дону: Вузовская книга, 2011. — 240 с. — (Сер. «Современное законодательство Греции».)

234)¹⁷⁶ и в УК ФРГ (§63–66)¹⁷⁷. Указанные меры (включая принудительную изоляцию лица от общества на определенный срок) реализуются вне рамок уголовного преследования, применяются в отношении правонарушителей, не совершивших уголовно-наказуемых деяний¹⁷⁸.

На современном этапе развития уголовно-правовых систем защиты общества от преступных проявлений более четкого смыслового определения требует феномен уголовно-правового воздействия как специфического института социального контроля и нейтрализации деяний преступного характера, связанных с виновным или невиновным (вследствие психической или возрастной невменяемостью субъекта) их совершением. Не вдаваясь в системную дискуссию по данному вопросу, укажем, что само уголовное право представляет сложный разнородный социально-правовой инструментальный защитной публично организуемой реакции общества на поведение запретно-преступного характера в виде постулируемого применения мер воздействия, обусловленных криминальной природой совершения запретного деяния. Поэтому и само уголовное право, и исходящие из него меры воздействия на уголовно правонарушающее деяние и есть система мер (институт) уголовно-правового воздействия, призванных осуществлять профилактическую (превентивную) функцию в отношении лица, склонного к противоправному поведению. По этой причине теоретико-прикладные разработки, согласно которым любые средства воздействия на лиц, освобожденных от уголовной ответственности и наказания, независимо от уголовного права и юридических фактов действия его норм должны включаться в содержание самостоятельного компилятивного института мер безопасности и быть предметом правового регулирования практически всех отраслей права¹⁷⁹, не могут быть взяты за основу стратегии нормативной реконструкции функций уголовного закона. Более приемлемой является позиция российских авторов А.И. Чучаева и А.П. Фирсова, которые определяют функциональную и содержательную сущность уголовно-правового воздействия как ответную реакцию государства на содеянное преступником или невменяемым лицом¹⁸⁰. В свою очередь, не следует

¹⁷⁶ Уголовное право зарубежных государств. Общая часть; под ред. и с предисл. И.Д. Козочкина. — М.: Ин-т междунар. права и экономики им. А.С. Грибоедова, 2001. — С. 560–564.

¹⁷⁷ Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: науч.-практ. комментарий и перевод текста закона / П.В. Головненков. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Проспект, 2014. — С. 50–51.

¹⁷⁸ Шнайдер, Г.Й. Криминология, пер. с нем. / Г.Й. Шнайдер; под общ. ред. Л.О. Иванова. — М.: Прогресс-Универс, 1994. — С. 425.

¹⁷⁹ Щедрин, Н.В. Меры безопасности как средство предупреждения преступности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Н.В. Щедрин. — Красноярск: Красноярск. гос. ун-т, 2001. — С. 300–325.

¹⁸⁰ Чучаев, А.И. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация: монография / А.И. Чучаев, А.П. Фирсова. — М.: Проспект, 2014. — С. 54–55.

сводить внутренний смысл и содержание уголовно-правового воздействия к каре и ее применению, как это делает В.К. Дуюнов¹⁸¹, равно как и к обеспечению цели предупреждения преступлений, то есть совершения только виновных деяний преступного характера¹⁸².

Как целенаправленный и взаимообусловленный процесс осуществления принуждения и убеждения в уголовно-правовой сфере, направленный на всю совокупность общественно опасных деяний и лиц, их совершающих, независимо от гендерных особенностей, трактует механизм уголовно-правового воздействия Д.В. Шаблинская, констатируя при этом сложность теоретического осмысления целей уголовно-правового воздействия ввиду отсутствия их законодательного закрепления¹⁸³.

Как отмечает В.И. Селиверстов, «...страх перед новым уголовным наказанием может исчезнуть, а установка на ведение правопослушного образа жизни, подкрепленная неразрушенными или вновь созданными во время отбывания наказания социальными связями и ценностями, дает более продолжительный и стабильный эффект». Кроме того, «воздержание от совершения новых преступлений не по причине страха перед наказанием, а вследствие произошедших изменений в сознании человека представляет собою наиболее труднодостижимый и одновременно социально значимый и гуманный результат». По мнению автора, именно такой подход будет нацеливать законодателя на наиболее полное отражение в нормах уголовно-исполнительного законодательства «средств исправительно-предупредительного воздействия на осужденных, применение иных исправительных технологий с одновременным сдерживанием введения новых карательных правоограничений»¹⁸⁴. Разумеется, исправительные технологии, на наш взгляд, должны не только поэтапно осуществляться на протяжении всего периода реализации уголовной ответственности — как в пенальный, так и постпенальный период с учетом карательно-поражающих последствий применяемого наказания, но и учитывать гендерные особенности адресата уголовно-правового воздействия. В этом отношении систематика и

¹⁸¹Дуюнов, В.К. Механизмы уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В.К. Дуюнов. — Тольятти, 2001. — С. 27.

¹⁸²Бовсун, М.В. Методологические основы уголовно-правового воздействия: монография / М.В. Бовсун. — М.: Юрлитинформ, 2012. — С. 20.

¹⁸³Шаблинская, Д.В. Механизм уголовно-правового воздействия и его функциональное назначение / Д.В. Шаблинская // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе: сб. науч. ст. / Э.А. Саркисова [и др.]; под ред. Д.В. Шаблинской. — Вып. 2, посвящ. 80-летию проф. Э.А. Саркисовой. — Минск: Бизнесофсет, 2016. — С. 285—286.

¹⁸⁴Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретич. моделиров.; под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.И. Селиверстова. — М.: ИД «Юриспруденция», 2017. — С. 43—44.

содержание мер уголовной ответственности в национальном законодательстве более приемлема для практического разрешения задачи реадaptации осужденных в обществе после исполнения наказания в рамках продолжаемой реализации уголовной ответственности вплоть до погашения (снятия) судимости.

В большей степени это касается осужденных, освобождаемых из мест лишения свободы. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 1990 г. ранее судимые составляли 31,5% общего количества осужденных в Республике Беларусь, в 2005 г. данный показатель составил 50,5%, в 2010 г. — 60,1% (42 544 преступлений), к 2013 г. достиг 64,9% (29 307 преступлений), а к 2017 г. вновь снизился до 40,2% (23 647 преступлений) на фоне постепенной стабилизации общего количества зарегистрированных преступлений (табл. 4.1)¹⁸⁵.

Таблица 4.1. Число зарегистрированных преступлений в Республике Беларусь

Год	Количество преступлений	Год	Количество преступлений
1990	75 699	2015	96 982
2000	135 540	2016	92 943
2005	192 506	2017	86 326
2010	140 920		

В то же время, динамика преступлений в сравнении с государствами-членами СНГ говорит не в пользу Республики Беларусь. Так, по количеству зарегистрированных в 2017 г. преступлений Республика Беларусь уступает лишь Российской Федерации и Казахстану, по числу преступлений, в расчете на 100 тысяч человек населения, — Российской Федерации, Республике Молдова и Казахстану (табл. 4.2)¹⁸⁶.

Таблица 4.2. Преступления в Республике Беларусь и странах СНГ

Государство	Количество зарегистрированных преступлений							
	2012		2013		2014		2017	
	всего, тыс. случаев	на 100 тыс. чел., случаев	всего, тыс. случаев	на 100 тыс. чел., случаев	всего, тыс. случаев	на 100 тыс. чел., случаев	всего, тыс. случаев	на 100 тыс. чел., случаев
Азербайджан	21,9	236	22,4	238	24,6	258	26,1	264
Армения	15,8	522	18,3	607	17,5	582	20,3	—
Беларусь	102,1	1079	96,7	1021	93,9	991	86,3	908,6
Казахстан	287,7	1713	359,8	2112	341,3	1974	285,8	1575,5
Кыргызстан	28,8	514	27,2	476	27,1	464	27,7	443,5
Молдова	36,6	1029	38,2	1072	41,8	1175	35,6	1002
Россия	2303,2	1608	2206,2	1537	2190,6	1511	2058,5	1402,2
Таджикистан	16,6	210	18,3	227	19,4	235	22,0	251,9
Украина	—	—	563,6	1241	—	—	—	623,8
Узбекистан	—	—	—	—	—	—	74,0	225,7

¹⁸⁵ Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2018 г.: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2018. — С. 200—203.

¹⁸⁶ Правонарушения в Республике Беларусь, 2017 г.: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2018. — С. 167.

Участие общественности традиционно признавалось дополнительной гарантией правильности применения принудительных мер к освобожденным. К сожалению, практика советского периода белорусской государственности показала малоэффективность и формализацию императивного закрепления обязанностей по осуществлению профилактической и воспитательной деятельности за трудовым коллективом либо по месту жительства лица. В подобном случае ожидание высокой результативности, а равно обеспечения системности и последовательности проведения профилактических мероприятий явилось бы крайним проявлением иллюзорности, когда искаженные обыденные представления о возможностях репрессии, в том числе уголовной, могут выступить непреодолимым препятствием на пути построения эффективной системы ресоциализации. На наш взгляд, процедура вмешательства в сферу прав и свобод гражданина, в том числе в рамках реализации мер постпенального контроля, должна в первую очередь сосредотачиваться на предоставлении реальных возможностей профессионалам, специалистам, подготовленным к компетентной работе в определенной сфере (психологу, сотрудникам службы занятости при оказании помощи в ресоциализации либо членам тех общественных организаций, которые в качестве своих непосредственных целей и задач ставят перед собой оказание помощи лицам, отбывшим уголовное наказание). В то же время повышение уровня правосознания граждан, преодоление негативных последствий правового нигилизма, девиантного и антисоциального поведения вполне доступны, например, и для негосударственных учреждений здравоохранения (в форме наглядной агитации, индивидуальных бесед с пациентами). Что касается деятельности общественных объединений, организаций и союзов, целями деятельности которых являются: оказание специализированной помощи и защита прав осужденных, то данное направление также обладает огромным потенциалом. В Республике Беларусь к подобным общественным объединениям и организациям, участвующим в социальной адаптации лиц, освобождаемых из ИУ, следует отнести: Белорусскую православную церковь, общественное объединение «Белорусское общество Красного Креста», республиканское общественное объединение «Матери против наркотиков», религиозную организацию «Межконфессиональная миссия “Христианское социальное служение”», Гомельское областное общественное объединение «Социальные проекты» и др. Следует отметить, что деятельность общественных организаций, выступающих за гендерное равенство и идею равноценности каждого индивида, независимо от пола, религии, этнического происхождения, возраста, сексуальной идентичности, в настоящее время находится вне плоскости целенаправленной профилактики правонарушений либо социализации освобожденных от отбывания наказания, на что также следует обратить внимание.

Несмотря на внушительный перечень субъектов профилактики правонарушений, в ходе анализа текста Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» на предмет механизма осуществления отдельных профилактических мер нельзя не отметить тот факт, что законодатель сделал акцент на реализацию профилактической деятельности в первую очередь государственными учреждениями и организациями, в том числе в форме регистрационно-контрольной функции в обеспечении социальной адаптации (так, например, согласно ст. 19 Закона, органы внутренних дел обеспечивают контроль за прибытием граждан, освобожденных из исправительных учреждений, исправительных учреждений открытого типа, арестных домов, к избранному месту жительства, а местные исполнительные и распорядительные органы принимают меры по обеспечению указанных граждан жилыми помещениями и трудоустройству). По мнению О.И. Бажанова, каждый уровень профилактики охватывается деятельностью определенных субъектов. Так, деятельность учреждений образования, здравоохранения, органов опеки и попечительства, социальной защиты соответствует уровню ранней профилактики. При совершении преступления выполнение задач по непосредственной профилактике, наряду с названными органами, обеспечивают органы уголовной юстиции¹⁸⁷. Очевидно, что поддержание законности и правопорядка, в том числе путем осуществления профилактических и ресоциализационных мероприятий — это одно из основополагающих направлений деятельности государства посредством механизма соответствующих органов и учреждений. В то же время комплексность подразумевает охват подобным видом деятельности всех без исключения субъектов, в том числе организации независимо от форм собственности, религиозные конфессии, общественные объединения, в первую очередь специализирующиеся на правозащитной деятельности различных социально уязвимых групп населения, в том числе по гендерному признаку.

Отметим, что закрепленная действующим законодательством Республики Беларусь система профилактики правонарушений в литературе получила наименование двухуровневой, поскольку содержит меры так называемой общей и специально-криминологической, индивидуальной профилактики, осуществление которых возложено соответственно либо на систему органов власти и управления, учреждения и организации в целом, либо на подразделения специализи-

¹⁸⁷ Борьба с преступностью в Беларуси: научные основы и концептуальные решения / О.И. Бажанов [и др.]; под ред. О.И. Бажанова. — Минск: Право и экономика, 2005. — С. 345.

рованных структур, как правило, вовлеченных в правоохранительную деятельность¹⁸⁸.

Более широкое вовлечение в подобную деятельность коммерческих и общественных организаций, а также граждан, занимающих активную жизненную позицию, позволило бы стимулировать развитие трехуровневой системы профилактики. При построении каждого из уровней с известной долей допущения в основу дифференциации может быть положена точка зрения А.И. Долговой на классификацию мер предупреждения в зависимости от их масштаба¹⁸⁹. Первый уровень мер — общегосударственные, относящиеся к большим социальным группам (или меры общей профилактики и социального контроля); второй уровень — меры предупреждения, относящиеся к отдельным микрогруппам (осуществляемые отдельными организациями, объединениями, в том числе негосударственными, а также гражданами по месту жительства); третий уровень — меры индивидуальной профилактики, относящиеся персонально к отдельным гражданам, совершившим правонарушение.

Некоторые из реабилитационных мероприятий, осуществляемых после освобождения, фактически начинаются в период, когда осужденные находятся в ИУ. Особенно широкая практика в данном аспекте накоплена по программам условно-досрочного освобождения. Однако, следует заметить, что должного правового и организационного механизма взаимодействия и управления деятельностью по социальной адаптации осужденных, отбывших уголовное наказание, и в первую очередь, лишения свободы, а также его программно-планового обеспечения (сопровождения) в Республике Беларусь с учетом гендерной самоидентификации освобождаемого лица в настоящее время не создано. В указанном контексте нуждаются также в изменении и элементы режимного регулирования порядка и условий отбывания наказания в виде лишения свободы, что подтверждается анализом нормативного правового регулирования затронутого аспекта уголовно-исполнительной деятельности. Так, в УИК заложена норма, регулирующая полномочия ДИН и его структурных подразделений в вопросах оказания социально-адаптационной помощи освобожденным из мест лишения свободы. Соответствующие отношения также урегулированы рядом ведомственных инструкций, предусматривающих

¹⁸⁸Клим, А.М. Общесоциальное предупреждение взяточничества / А.М. Клим, А.А. Сосновский // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. — 2006. — № 2. — С. 88; Клим, А.М. Специальные меры предупреждения взяточничества / А.М. Клим // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр.; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. — Минск: Науч.-исслед. ин-т проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы М-ва юстиции Респ. Беларусь, 2007. — Вып. 1. — С. 48.

¹⁸⁹Криминология: учебник для юрид. вузов; под общ. ред. А.И. Долговой. — Изд. 4-е, перераб. и доп. — М.: НОРМА, 2010. — С. 340.

взаимодействие органов уголовно-исполнительной системы с местными органами власти и управления, ОВД по месту предполагаемого жительства осужденного, с подразделениями службы занятости¹⁹⁰. Однако предметно-целевой механизм управления социальной адаптацией лиц, освобождаемых из ИУ, особенно к контексте гендерного измерения, указанными правовыми документами не устанавливается и не предусматривается.

С целью оказания социально-адаптационной помощи осужденным администрация ИУ действительно взаимодействует с ОВД и органами по труду, занятости и социальной защите, местными исполнительными и распорядительными органами по вопросам, относящимся к их компетенции. Некоторые мероприятия разъяснительного характера по подготовке осужденных к освобождению начинаются с момента их прибытия в ИУ, но они лишены целевой ясности и предметности. Согласно ст. 192 УИК, работа администрации ИУ по подготовке осужденного к освобождению начинается не менее чем за три месяца до освобождения путем обмена информацией с ОВД и органами по труду, занятости и социальной защите о необходимости оказания помощи осужденному в трудовом и бытовом устройстве и контроле за его прибытием. Что касается прибывших для отбывания наказания, то с ними на протяжении всего периода изоляции от общества в основном проводится разъяснительная работа, в том числе по тематике, направленной на формирование перспектив дальнейшего жизнеустройства после освобождения. Кроме того, выясняется их образ жизни до осуждения, осуществляется вовлечение в образовательную, трудовую деятельность в рамках тех возможностей, которые имеются в ИУ. По замечаниям В.Б. Шабанова, осужденный, прибывший в ИУ, обнаруживает, как правило, признаки социальной дезадаптации (не умеет строить отношения с людьми, определять линию поведения

¹⁹⁰ Инструкция о порядке оказания администрацией учреждения уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь помощи осужденным к ограничению свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа или к лишению свободы в трудовом и бытовом устройстве: утв. постановлением М-ва внутренних дел Респ. Беларусь от 15 янв. 2014 г. № 15 // Управление внутренних дел Гомельского облисполкома. — Гомель, 2019; Инструкция о порядке взаимодействия органов по труду, занятости и социальной защите, территориальных центров социального обслуживания, территориальных органов внутренних дел и администраций исправительных учреждений по трудовой и социальной реабилитации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы: утв. постановлением М-ва труда и социальной защиты Респ. Беларусь, М-ва внутренних дел Республики Беларусь от 30 мар. 2012 г. № 47/93 // Управление внутренних дел Гомельского облисполкома. — Гомель, 2019; Инструкция о порядке организации и проведения воспитательной работы с осужденными в виде ареста и лишения свободы: утв. приказом Министра внутренних дел Респ. Беларусь от 30 дек. 2013 г. № 572 // Управление внутренних дел Гомельского облисполкома. — Гомель, 2019.

в обществе, обеспечивать свои физические и духовные потребности, соблюдая общепринятые правовые и нравственные нормы)¹⁹¹.

При этом лица, допустившие рецидив преступлений и составляющие наиболее сложную с точки зрения ресоциализации и создания позитивного компенсаторного механизма категорию осужденных, неоднородны по своим личностным характеристикам (гендерная идентичность, гендер, интерсекциональные признаки: возраст, вероисповедание, этническая принадлежность и др.). В соответствии с этим исправительное воздействие на них должно быть максимально индивидуальным, а при разработке мер предупреждения рецидива и планировании индивидуальной воспитательной работы в ИУ необходимо учитывать типологию рассматриваемой категории преступников (например, антисоциальный активный, неустойчивый, асоциальный пассивный криминогенные типы) с учетом вышеуказанных личностных характеристик¹⁹². С.Ю. Часнок подчеркивает также, что немаловажную роль в предупреждении рецидивной преступности играют и применяемые после освобождения превентивный надзор и профилактическое наблюдение как воздействие, продолжаемое в рамках исправительной программы¹⁹³.

С целью освещения условий жизни после освобождения, определения путей разрешения возможных трудностей и закрепления результатов исправительного воздействия в ИУ организованы и проводятся групповые занятия с освобождаемыми осужденными в форме «школы подготовки к освобождению (реадаптации) осужденных», которые представляют собой специфическую форму групповых занятий с осужденными на социально-ориентированные темы. В данной работе также максимально используются средства информационного воздействия на осужденных: информационные стенды с размещением разъяснений по вопросам регистрации по месту жительства, жилищного законодательства, адресов, где можно получить ту или иную социальную помощь, центров для бывших осужденных, тематические видеоматериалы и др. Дополнительно в целях правового просвещения осужденных в ИУ созданы и функциони-

¹⁹¹ Шабанов, В.Б. Правовые и психологические проблемы социальной реабилитации осужденных к лишению свободы / В.Б. Шабанов // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения: сб. науч. тр.; редкол.: А.В. Барков [и др.]. — Минск: БГУФК, 2010. — С. 237.

¹⁹² Ананич, В.А. Предупреждение рецидивной преступности / В.А. Ананич, С.Ю. Часнок. — Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. — С. 80; Пропостин, А.А. Постпенитенциарный административный надзор / А.А. Пропостин, А.Д. Никитин; под ред. В.А. Уткина. — М.: Юрлитинформ, 2016. — С. 74–78; Стуканов, В.Г. Содержательно-целевая направленность формирования правосознания личности осужденного / В.Г. Стуканов // Закон и право. — 2015. — № 10. — С. 42–43.

¹⁹³ Часнок, С.Ю. Роль превентивного надзора и профилактического наблюдения в предупреждении рецидивной преступности / С.Ю. Часнок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. — 2005. — № 1. — С. 100–103.

руют центры эталонной правовой информации, в рамках которых осужденный может в распечатанном виде получить актуальную правовую информацию по интересующему его вопросу.

Повышение профессионального уровня осужденных осуществляется в ПТУ, расположенных на территории ИУ. Однако вопрос о том, как профессиональная подготовка увязана с намерениями осужденных найти востребованную работу по месту жительства после освобождения с учетом региональных потребностей в рабочих ресурсах, остается открытым и не совсем ясным в контексте успешной трудовой адаптации освобождаемых осужденных.

Безусловно, освещенные выше моменты несут позитивную нагрузку в плане ресоциализации осужденных, но в то же время комплексных целевых мероприятий, направленных на реальную социальную адаптацию лица после его освобождения, в деятельности ИУ не просматривается либо они сводятся к обобщенному информационно-воспитательному воздействию и общей ориентационной помощи. Не сделан также акцент на гендерные особенности освобождаемых лиц. ИУ не обеспечивают и не задают необходимой, обладающей реальным функциональным потенциалом, программы социальной адаптации осужденных, покидающих места изоляции от общества. Во многом по указанной причине в отношении освобожденных осуществляются контрольно-регистрационные процедуры и стандартизированные мероприятия общего характера по оказанию необходимой материальной помощи, а также помощь в трудоустройстве, как правило, без предварительного учета социальной ориентации осужденного на определенное место жительства и получение необходимой работы с учетом квалификации. Работа предлагается на основе имеющихся вакантных рабочих мест в избранном для проживания регионе. Вследствие этого осужденные в большинстве случаев отказываются от услуг по трудоустройству, получают установленный пакет материальной помощи и прекращают всякое контролируемое сотрудничество с уполномоченными органами, если они не относятся к той категории осужденных, за которыми осуществляется превентивный надзор или профилактическое наблюдение. Обусловлено подобное во многом тем, что профессиональная подготовка осужденного не ориентирована на его желание работать по определенной профессии с учетом планируемого места жительства после освобождения, равно как и на потребности данного региона в соответствующих трудовых ресурсах.

В большинстве стран, выстраивающих более или менее четкую концепцию деятельности по социальной адаптации, уже с момента прибытия осужденного в пенитенциарное учреждение четко формируется программа психологической, в том числе с учетом гендерной социализации, воспитательной, образовательной и трудовой терапии на принципах реальной потребности того региона, куда осужденный намерен вернуться, и его психофизиологических возможностей. Именно в данном направлении корректируется образовательная и профессиональ-

ная подготовка осужденного в местах изоляции от общества. Поэтому, в основном, уже на момент освобождения осужденного из пенитенциарного учреждения определены конкретные параметры по организации личной (семейной), трудовой, бытовой жизни по избранному месту проживания освобожденного. Обычно указанная информация содержится в заключении, которое готовится на каждого индивида и направляется в соответствующий орган уголовно-исполнительной системы — как правило, в службу пробации, в свою очередь организующей учетный, профилактический и социально-адаптационный контроль за выполнением осужденным установленных стандартов социальной адаптации. Осужденному гарантируется унифицированный пакет помощи в социальной адаптации на условиях соглашения, заключаемого между уполномоченным органом по социальной адаптации и осужденным. Подобные соглашения заключаются, как правило, лишь при наличии выраженного согласия осужденного. При этом уполномоченный орган, осуществляющий социальную адаптацию осужденных после отбытия ими наказания, функционирует в режиме постоянного взаимодействия на персонифицированной основе с администрацией пенитенциарного учреждения, где соответствующий осужденный отбывает наказание в виде лишения свободы, с учетом его предполагаемого места жительства после освобождения. Пока подобный уровень координационного управления системой социальной адаптации в Республике Беларусь не создан, можно говорить лишь о наличии отдельных фрагментов этой деятельности, осуществляемой на ситуационной основе.

Отметим также, что для органичного включения в социальную среду важное значение имеет соответствующее образование. Согласно ст. 79 Кодекса Республики Беларусь об образовании, при вступлении в законную силу приговора суда, которым обучающийся подвергнут наказанию, исключающему продолжение получения образования, образовательные отношения подлежат досрочному прекращению. Получение (продолжение) среднего образования в рамках уголовно-исполнительной системы совершеннолетними осужденными возможно только в ИУ «Исправительная колония № 4 УДИН по Гомельской области», в которой отбывают наказание женщины, а также ИУ «Воспитательная колония № 2 УДИН по Могилевской области», где содержатся некоторые осужденные после достижения ими 18-летнего возраста. Решением Бобруйского горисполкома от 17 июля 2013 г. ликвидировано УО «Вечерняя школа № 9» в ИУ № 2 УДИН по Могилевской области, Оршанским райисполкомом с 1 сентября 2013 г. ликвидировано УО «Вечерняя школа № 3 г. Орши» в ИУ № 8 УДИН по Витебской области. Ликвидация названных учреждений образования осуществлена без учета требований ст. 21 Кодекса об образовании, которая обязывает принимать подобные решения на основании оценки последствий такой ликвидации с учетом количества лиц, подлежащих обучению на уровне общего среднего образования на территории соответствующей административно-территориальной единицы, и количества государствен-

ных учреждений на этой территории. Приведенные данные свидетельствуют о необеспечении в настоящее время в полном объеме осужденным доступа к общему среднему образованию. Решением проблемы может стать более широкое внедрение дистанционных образовательных технологий. Первый в Республике Беларусь центр дистанционного доступа к электронной образовательной среде для осужденных открылся в ИУ «Исправительная колония № 4 УДИН по Гомельской области» в 2015 г. благодаря поддержке международного проекта «Образование открывает двери», реализуемого ДИН и обществом «Deutscher Volkshochschul-Verband e.V.» (ФРГ). Получение профессионально-технического образования в настоящее время обеспечивается 14-тью ПТУ и их филиалами, расположенными в ИУ, где ежегодно получают рабочую специальность около 2,5 тыс. осужденных. На производстве, организованном в учреждениях уголовно-исполнительной системы, непрерывное профессиональное обучение ежегодно получают более 3 тыс. осужденных. В то же время только около 30% освобождаемых из ИУ осужденных связывают свою трудовую деятельность с полученной в ИУ профессиональной подготовкой. К сожалению, проведенный выборочный обзор мероприятий со стороны государственных органов и общественных организаций свидетельствует об их реализации, в основном, на базе персональных инициатив, вне должного программно-правового регулирования, что сводит упомянутые мероприятия скорее к пожеланиям и эпизодическому положительному опыту, но не к реальной социальной практике. При отсутствии эффективного менеджмента социальной адаптации осужденных все начинания завершаются, как правило, на стадии инициативного обсуждения либо принимают форму семинаров-совещаний. Взаимодействие между ИУ, ОВД, подразделениями УНИД и другими организациями по вопросам постпенальной адаптации можно признать удовлетворительным только в аспекте выполнения формализованных требований нормативных актов, но далеко не в формате фактической результативности деятельности по социальной адаптации осужденных. ДИН ограничивает свои мероприятия (функции) по социальной адаптации информационным разъяснением порядка получения осужденным социальной поддержки после освобождения и информационным извещением ОВД по месту жительства осужденного.

Именно сложившаяся ситуация позволяет обобщить мнение, что исправление как привитие социально полезных качеств в рамках уголовно-исполнительной системы носит весьма ограниченный характер¹⁹⁴.

¹⁹⁴Комлев, Л. К осужденному по-человечески / Л. Комлев // Судовы весн. — 1993. — № 1. — С. 43; Хомич, В.М. Правовая концепция реформирования уголовно-исполнительной системы / В.М. Хомич // Реформирование пенитенциарной системы: материалы междунар. конф. — Минск: ФилСерв плюс, 1998. — С. 93; Хомич, В.М. Реформа уголовно-исполнительной системы в Республике Беларусь / В.М. Хомич // Юстиция Беларуси. — 1998. — № 2. — С. 18—19; Хомич, В.М. Реформирование уголовно-исполнительной системы на принципах уголовно-исполнительного Кодекса Респ. Беларусь 2000 г. / В.М. Хомич // Проблемы законности и правопорядка в Респ. Беларусь: материалы науч.-практ. конф. (г. Новополоцк, 25—26 мая 2000 г.); гл. ред. А.А. Головки. — Новополоцк: Полоцк. гос. ун-т, 2000. — С. 331—332.

Дифференцированный учет гендерных характеристик в плоскости формирования замкнутой системы профилактики и ресоциализации — и вовсе не реализуемый пока проект. Деятельность национальной уголовно-исполнительной системы фактически прекращается с отбытием осужденным наказания, в том числе после отбытия лишения свободы. Фактор пребывания лица в статусе осужденного (в режиме осуждения), который собственно и предназначен для того, чтобы обеспечить закрепление результатов карательного воздействия, но уже в условиях свободы от правоограничений наказания, не работает в полной мере. Учет половой принадлежности или самоидентификации осуществляется лишь с точки зрения распределения по различным видам исправительных учреждений. Решение этой проблемы возможно в более или менее позитивном русле, если поведение осужденного будет подконтрольно и в постпенальный период в той или иной мере, в зависимости от достигнутых (либо вовсе не достигнутых) исправительных результатов в период отбывания наказания. Значимость контрольных свойств и средств уголовной ответственности в постпенальный период очевидна. К сожалению, несмотря на реализацию всего объема предусмотренных законом и индивидуализированных в приговоре суда средств уголовной ответственности, добиться устойчиво-сознательного правопослушного поведения и преодоления отрицательной социально-нравственной установки социопативной личности путем применения наказания удается далеко не всегда. В этой связи уголовная ответственность не должна терять своего профилактического и предупредительного потенциала в постпенальный период ее реализации. В подобных случаях дополнительное контролирующее воздействие, например, на лиц, освобожденных из мест лишения свободы, представляет собой «...своего рода переходное звено от условий исправительного учреждения к нормальным условиям жизни»¹⁹⁵, точнее к условиям, когда осужденный продолжает нести реально ощущаемое бремя возложенной на него уголовной ответственности, но в условиях свободы. Тем более важно, если комплекс применяемых мер воздействия будет в большей степени ориентирован на гендерные особенности подконтрольного лица.

Представляется, что подобное утверждение верно и при применении мер постпенального контроля также в случаях после отбывания любого вида наказания, не связанного с изоляцией от общества. При освобождении от более мягких видов наказаний профилактическое наблюдение (ст. 81 УК) способно оказывать, на наш взгляд, определенный дисциплинирующий эффект, когда осужденный будет сознавать, что продолжает находиться в режиме осуждения и в связи с этим в подконтрольном состоянии хотя бы в части своего поведения на пути стабилизации условий социальной устроенности жизни.

¹⁹⁵Блувштейн, Ю.Д. Профилактика преступлений / Ю.Д. Блувштейн, М.И. Зырин, В.В. Романов. — Минск: Университетское, 1986. — С. 202.

Как отмечает Е.В. Наумов, существует разница в идеологии, религиозных воззрениях, социально-экономическом и политическом развитии каждого государства, иных национальных особенностях различных стран, что не может не сказаться на многих аспектах жизни как населения в целом, так и лиц, отбывающих уголовные наказания. Вместе с тем, автор подчеркивает, что для преобладающего количества отрицательных последствий наказания в виде лишения свободы не существует государственных границ, они, по сути, «интернациональны», поэтому необходимо изучение и сравнение положительных аспектов, касающихся вопросов социальной адаптации лиц, освобождающихся от отбывания наказания из пенитенциарных учреждений различных государств, в том числе на основе особенностей программ социальной адаптации с учетом половой принадлежности либо самоосознания¹⁹⁶.

Начиная с 80-х гг. XX в. во многих странах предпринимаются и реализуются (в различных формах и в разной степени) программы социальной реинтеграции осужденных, освобожденных из мест лишения свободы. Наличие достаточных материальных средств и мобилизуемые социальные организационные ресурсы создают предпосылки для системной правовой регламентации и эффективного управленческого воздействия на процесс социальной реинтеграции преступника, выступая существенным компонентом уголовно-исполнительной деятельности и уголовного судопроизводства. В государствах и обществах, характеризующихся малым и средним доходом, социальные программы реинтеграции сложнее воспринимаются населением и, соответственно, развиты слабее. Тем не менее, многие государства признают важность рассматриваемого фундаментального аспекта предупреждения преступности и продолжают направлять финансовые и социальные средства в развитие функции реинтеграции преступника как обязательного компонента системы правосудия¹⁹⁷. Так, ст. 107 Европейских пенитенциарных правил 2006 г. закрепляет, что «...заблаговременно до их освобождения заключенным должно оказываться содействие в виде процедур и специальных программ, обеспечивающих переход от жизни в пенитенциарном учреждении к законопослушной жизни в обществе... Эта цель может быть достигнута программой мероприятий, предшествующих освобождению, или частичным либо условным освобождением под надзором в сочетании с действенной социальной поддержкой».

Институционально в Республике Беларусь построена достаточно сбалансированная и функционально ориентированная система под-

¹⁹⁶Наумов, Е.В. Контроль и надзор предупреждения рецидива преступлений по законодательству зарубежных стран / Е.В. Наумов // Вестн. Кузбасск. ин-та. — 2014. — № 2(19). — С. 166; Наумов, Е.В. Постпенитенциарный контроль и надзор в странах СНГ / Е.В. Наумов // Уголовно-исполнительное право. — 2013. — № 1. — С. 94.

¹⁹⁷Introductory Handbook on the Recidivism and Social Reintegration of Offenders / Criminal justice handbook series United Nations. — New York, 2012. — p. 48.

институтов правового регулирования и форм реализации уголовной ответственности, позволяющая при должной организационной мобилизации имеющихся ресурсов государственных органов, учреждений и организаций, а также общественных объединений существенно повысить эффективность процесса социальной адаптации лиц, освобождаемых от наказания. Следующим этапом развития должно стать смещение вектора профилактики на более детальный учет особенностей осужденных лиц, в том числе гендерных. В.М. Хомич указывает на преобладающую роль ориентации исполнения наказания в виде лишения свободы не на исправление, а на ресоциализацию и/или дополнительную социализацию в формате свободного общества и установленного правопорядка¹⁹⁸. Последнее возможно, в первую очередь, лишь при условии признания социальной реинтеграции целью и составной частью уголовного судопроизводства. Подобное крайне важно, поскольку уровень уголовно-правового рецидива в республике остается высоким (в пределах 40%). Однозначно напрашивается вывод о невысокой эффективности социально-адаптационных мероприятий либо об их отсутствии, как в процессе отбывания наказания, так и после их отбытия. Сказанное касается не только организации исполнения таких потенциально карательных видов наказания, как лишение свободы и арест, но и наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, где доля пенального и постпенального рецидива в среднем также превышает 40%. Есть предпосылки к тому, чтобы искать инновационные направления профилактического воздействия на лиц, отбывающих и отбывших наказание. Одним из подобных инновационных направлений представляется формирование условий, ориентированных на учет гендерных характеристик осужденного независимо от назначенного ему наказания. Кроме того, подобное воздействие с ожидаемым и прогнозируемым ресоциализирующим эффектом должно оказываться на осужденного с самого начала реализации уголовной ответственности в одной из предусмотренных УК форм.

Нельзя отрицать тот факт, что функция социальной реинтеграции является частью уголовного правосудия и его целью в отношении индивида, чьи основные жизненные установки, уверенность в себе, самооффективность, взаимодействие с обществом были нарушены, а при отбывании длительных сроков лишения свободы — глубоко деформированы периодом изоляции от общества. Чем длительнее процесс заключения, тем более интенсивно протекают процессы самоидентификации с преступными ценностями и ослабления традиционных семейных и общественных отношений, эскалации конфликтного поведения, и как резуль-

¹⁹⁸Хомич, В.М. Совершенствование уголовной ответственности невозможно без оптимизации системы видов наказания / В.М. Хомич // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения: сб. науч. тр.; редкол.: А.В. Барков [и др.]. — Минск: БГУФК, 2010. — С. 89—90.

тат — возрастают трудности при возвращении к сообществу. При этом научные исследования и практические изыскания, направленные на дифференцированное изучение подобных негативных процессов в зависимости от гендерной принадлежности, фактически не проводятся.

По мнению экспертов, момент начала реинтеграционного воздействия весьма важен и чем раньше он наступает, тем более эффективен в итоге весь процесс реинтеграции. Существует вариативная система практических инструментариев, разработанных и применяемых Управлением ООН по наркотикам и преступности (UNODC), основное предназначение которых — помощь государствам с различным уровнем социального развития в актуализации и повышении эффективности реализации функций социальной реинтеграции преступников в системе уголовного судопроизводства¹⁹⁹.

В связи с вышеуказанным, с учетом имеющейся инфраструктуры органов и учреждений, вовлеченных в данный процесс, а также ограниченного ресурса инвестирования в программное обеспечение ресоциализации осужденных, пути разрешения проблем социальной адаптации лиц, отбывших уголовное наказание, целесообразно в первую очередь увязать с компонентом управления социальной реинтеграцией осужденных в общество на основе более глубокого учета гендерных характеристик лица в контексте международных стандартов, рассматривающих успешную реинтерацию преступников в общество как основную цель процесса уголовного судопроизводства. Управленческая деятельность в данной сфере должна стать неотъемлемой частью всесторонней стратегии предупреждения преступности и, что не менее важно, быть совместимой с международными стандартами, рассматривающими успешную реинтеграцию преступников в общество как основную цель процесса уголовного судопроизводства.

По мнению К.Т. Айтбаева, практика противодействия преступности в большинстве зарубежных стран основана на двух направлениях предупреждения преступности: социальном и ситуативном²⁰⁰. Социальное направление охватывает меры воспитательного характера в отношении несовершеннолетних лиц, других категорий населения, являющихся наиболее уязвимыми с точки зрения возможного совершения преступлений: лиц, злоупотребляющих алкогольными напитками, наркотическими, токсическими и психотропными веществами, не имеющих работы, а также лиц, страдающих психическими отклонениями. Однако основной акцент делается на совершенствовании форм работы мест-

¹⁹⁹Criminal justice reform / Crime prevention and criminal justice // United Nations Office on Drugs and Crime [Electronic resource]. — Access of mode: www.unodc.org/unodc/en/justice-and-prison-reform/index.html?ref=menuaside. — Access of date: 30.03.2018.

²⁰⁰Айтбаев, К.Т. Применение зарубежного опыта предупреждения преступности в Республике Казахстан / К.Т. Айтбаев // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 10(53). — С. 95—97.

ных общин, образуемых по месту жительства населения, и усилении их роли в реализации задач по предупреждению преступности. Подобное обусловлено активной работой, проводимой среди всего населения, повышением уровня массового правосознания, усилением роли и авторитета закона во всех сферах общественной и государственной деятельности, взаимовлиянием сфер борьбы с преступностью с другими сферами социальной деятельности.

Ситуативное направление заключается в создании условий, позволяющих предотвратить совершение преступлений или не допустить возможности реализации преступных намерений (формирование соответствующей правовой базы, организационных основ, экономических, информационных, технических и методических механизмов противодействия совершению преступлений)²⁰¹. Интересно, что используются и достаточно неожиданные средства уменьшения преступных проявлений. Так, по инициативе общественной организации «Граждане за округ Колумбия без преступности» в Вашингтоне специалисты-йоги проводили групповые сеансы медитации в целях удержания от преступлений и конфликтов. В выводах эксперимента утверждается, что технология трансцендентальной медитации приводит к уменьшению преступных проявлений, снижению социального стресса, укреплению позитивных тенденций в обществе²⁰². Именно США считается родной стратегией «нулевой терпимости», получившей популярность в качестве одного из эффективных направлений профилактики преступлений. Традиционно принцип «нулевой терпимости» понимается как полное неприятие совершения правонарушений со стороны окружающих и применение к виновным со стороны органов, осуществляющих правоохранительную деятельность, наиболее жестких мер воздействия без учета конкретных обстоятельств правонарушения, что в итоге позволит предотвратить совершение более серьезных деликтов. При этом ведущая роль в профилактическом процессе отводится, как правило, представителям государственных структур, поскольку именно они уполномочены реализовать меры установленной законодательством ответственности. Однако такая позиция представляется несколько односторонней, не учитывает тот факт, что влияние со стороны общества также может оказывать немаловажный позитивный эффект. В литературе результаты ее внедрения оцениваются неоднозначно²⁰³. Кроме того, результативность любой профилактической работы находится в прямой зависимости от того, насколько успешно удалось (или не уда-

²⁰¹ Айтбаев, К.Т. Применение зарубежного опыта предупреждения преступности в Республике Казахстан / К.Т. Айтбаев // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 10(53). — С. 95—97.

²⁰² Нетрадиционные формы борьбы с преступностью // Борьба с преступностью за рубежом. — 1993. — № 9. — С. 11—12.

²⁰³ Сысоев, А.М. Реализация стратегии «нулевой терпимости» в США: плюсы и минусы / А.М. Сысоев // Уголовно-исполнительное право. — 2012. — № 2. — С. 32—35.

лось) скорректировать поведение девиантной личности, совершившей правонарушение (преступление). Иными словами, важна персонифицированная ориентация на сомововлечение правонарушителя (осужденного) в процесс позитивной социальной реинтеграции в сообщество с учетом его заинтересованности и самоответственности за достигнутые результаты. В подобной работе важно верно определить мотивацию и социальные ориентиры лица, что, на наш взгляд, невозможно без учета особенностей гендерного восприятия. Очевидно, что есть и будет определенная часть преступников, для которых криминальная субкультура их образа жизни не ориентирована на социальную реинтеграцию в сообщество на принципах добропорядочного поведения и правопорядка. Для данной категории осужденных должны предусматриваться стандартизированные меры социальной адаптации и помощи, основанные на системе жесткого постпенального контроля, включающей принудительную трудоустроенность и обеспечение минимальными социальными стандартами для проживания в условиях свободы. Можно говорить лишь о системе более жесткого вмешательства в комплекс ограничений для таких лиц, направленной на предупреждение совершения новых преступлений и исключения криминализирующих факторов социального окружения. Однако и в подобном случае психофизиологические особенности гендера играют немаловажную роль.

Российские ученые обращают внимание на недостаточную вовлеченность в процессы профилактики, обеспечения правопорядка и ресоциализации представителей общественности. Так, Д.З. Зиядова указывает, что «...в развивающемся законодательстве России институт привлечения населения к участию в борьбе с преступностью не находит должного отражения. Правовая база в этой сфере нуждается в развитии и совершенствовании»²⁰⁴. А.Я. Сухарев высказывает суждение, что «...государство, если бы даже оно было более стабильным и богатым, не в состоянии обеспечить действенный социальный контроль без опоры на общественность»²⁰⁵. Изучение отечественного законодательства, действующего в сфере правового регулирования местного управления и самоуправления, показывает, что потенциал созданных на местном уровне структур в плоскости оказания помощи в ресоциализации, а также в наблюдении за поведением социопативно проявивших себя индивидов и участии в уголовном судопроизводстве фактически используется не в полной мере. В уголовном процессе деятельность представителей общественности ограничивается ролью народных заседателей по некоторым категориям уголовных дел. Согласно положениям Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», полномочия

²⁰⁴Зиядова, Д.З. Социальный контроль и профилактика преступлений / Д.З. Зиядова // Российский следователь. — 2008. — № 5. — С. 38.

²⁰⁵Сухарев, А.Я. Проблемы научно-методического обеспечения системы профилактики / А.Я. Сухарев // Уголовное право. — 1999. — № 4. — С. 100—103.

по охране общественного порядка (совместно с правоохранительными органами), осуществлению деятельности по профилактике правонарушений и участию в борьбе с коррупцией, противодействию экстремизму, в том числе терроризму, закреплены лишь за исполнительными и распорядительными органами на уровне местных администраций (ст. 41, 45). Советы депутатов, исполнительные комитеты областного, базового, первичного уровней, а также структуры, относящиеся к иным формам местного самоуправления (органы территориального общественного самоуправления и др.) в подобную деятельность, исходя из положений закона, в настоящее время не вовлечены, как и не предусмотрена возможность реализации представителями общественности медиативных функций при разрешении уголовно-правовых конфликтов. На наш взгляд, возможность оказания положительного воздействия со стороны общественности на лиц, допускающих девиантное поведение, несколько недооценивается. Очевидно, что закрепление за органами местного самоуправления широких полномочий в сфере профилактики правонарушений, ресоциализации и посредничества в уголовном процессе нецелесообразно, поскольку может привести к формализму. В то же время, внедрение рычагов воздействия на правонарушителя со стороны общественных формирований, в том числе по месту жительства, на наш взгляд, способно принести определенные положительные результаты, стимулировать становление активной жизненной позиции и усилить чувство гражданской ответственности. В ряде случаев не кто иной, как соседи, наблюдают длительный дегенеративный процесс, завершающийся совершением преступления. Значительная нагрузка на представителей органов, осуществляющих правоохранительную деятельность, в частности, участкового инспектора ОВД, не всегда дает возможность вовремя выявить и предпринять соответствующие меры, способные пресечь негативный процесс нравственной деградации «в зародыше», на начальной его стадии, когда осознание того, что окружающим подобное асоциальное поведение безразлично и может спровоцировать определенные меры общественного воздействия, еще способно остановить потенциального правонарушителя. С учетом того, что вмешательство в противоправное поведение и активная жизненная позиция являются не обязанностью отдельного гражданина, а его правом, представляется нелогичным устанавливать в сфере местного самоуправления какие-либо императивные обязанности в плане воздействия на правонарушителей. Тем не менее, закрепить механизм реализации указанного права для тех, кто желает им воспользоваться, является весьма важным. В качестве подобных мер воздействия на местном уровне могут выступать представление либо коллективное обращение в правоохранительные органы о применении мер административного взыскания к правонарушителю (например, на основании протокола собрания граждан по месту жительства по вопросу нарушения общественного порядка и признания правонарушителем своей вины).

Кроме того, в ст. 36 Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» предусмотрена возможность проведения по решению местного собрания или органа территориального общественного самоуправления на территории города районного подчинения, поселка городского типа, сельсовета сбора средств на финансирование и (или) возмещение расходов соответствующего местного бюджета на цели, определенные местным собранием или органом территориального общественного самоуправления (средства самообложения), то есть на решение определенных финансовых вопросов. Представляется, что указанные органы территориального общественного самоуправления при расширении их полномочий могли бы также выносить решения о наложении материальных (денежных) взысканий в виде штрафа в отношении граждан, проживающих на данной территории и нарушающих общественный порядок. Фактически органы территориального общественного самоуправления целесообразно наделить полномочиями рассмотрения административных правонарушений по аналогии с полномочиями в рассматриваемой сфере сельского, поселкового исполнительного комитета; административной комиссии районного (городского) исполнительного комитета или администрации района в городе; районной (городской), районной в городе комиссии по делам несовершеннолетних, которые также являются органами управления на местном уровне (ст. 3.1 ПИКоАП). Представители местных органов самоуправления также могли бы выполнять функцию посредника между потерпевшим и обвиняемым при совершении преступлений, не представляющих большой общественной опасности.

В качестве мер воздействия может выступать также общественное порицание девиантного поведения, незаслуженно преданное забвению в силу формального отношения к последнему в советский период развития белорусской государственности. Д.В. Шаблинская, рассматривая механизм уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее общественно опасное, в том числе преступное, деяние, высказывает возможность трансформации осуждения без назначения наказания в доведение приговора до публичного сведения с возможным переводом из форм реализации уголовной ответственности в меры уголовно-правового воздействия²⁰⁶. В условиях современного информационного пространства придание общественному порицанию публичности позволит психологически превентивно воздействовать на правонарушителя, сведения о делинквентности которого приобретут общедоступный статус, а также снизит виктимность потенциальных жертв в силу осведомленности о предшествующем асоциальном поведении лица. В

²⁰⁶Шаблинская, Д.В. Механизм уголовно-правового воздействия и его функциональное назначение / Д.В. Шаблинская // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе: сб. науч. ст. / Э.А. Саркисова [и др.]; под ред. Д.В. Шаблинской. — Вып. 2, посвящ. 80-летию проф. Э.А. Саркисовой. — Минск: Бизнесофсет, 2016. — С. 290.

перспективе создание, в том числе в целях использования на условиях возмездности, электронных общедоступных баз данных о лицах, совершивших определенные категории преступлений, в течение соответствующего судимости периода времени, способно оказать аналогичный эффект в масштабах государства и общества в целом, повышая уровень ответственности каждого за свое поведение на фоне признания развития государственной системы информатизации одним из актуальных направлений правовой политики современного белорусского государства²⁰⁷ и утверждения Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016—2020 годы. Доводы о тайне частной жизни как элементе неприкосновенности личности в подобных случаях навряд ли можно признать корректными в плоскости гарантий обеспечения государством общественной безопасности и права каждого на достоверную информацию, которые также закреплены в Конституции Республики Беларусь (ст. 23, 34).

На наш взгляд, подобный прецедент уже создан в отечественном законодательстве. Так, согласно Закону Республики Беларусь «О коммерческой тайне», не могут составлять коммерческую тайну сведения о нарушениях законодательства и фактах привлечения к ответственности за совершение этих нарушений (ст. 6). Логично возникает вопрос: «можно ли признать тайной частной жизни соответствующую действительности информацию о совершении преступлений отдельным индивидом, потенциально представляющим угрозу для окружающих ввиду тяжести совершенного преступления, рецидивных проявлений и криминального менталитета?». Представляется, что в условиях информированности о наличии подобной потенциальной опасности угроза причинения вреда существенно снижается.

Проведенный опрос общественного мнения в целом свидетельствует о заинтересованности граждан в подобной информации (см. приложение И). Кроме того, анализ имеющихся данных свидетельствует, что в большей степени влиянию со стороны общественности и зависимость от мнения окружающих в силу различных факторов демонстрируют участники опроса женского пола, что, безусловно, следует более активно использовать при конструировании специфических моделей профилактики правонарушений по гендерному принципу. Так, из ста опрошенных проявили восприимчивость к мерам общественного воздействия 63% женщин и 42% мужчин (см. приложение И, табл. 3.1).

²⁰⁷Коваленко, Е.И. Развитие государственной системы правовой информации — актуальное направление правовой политики суверенной Беларуси / Е.И. Коваленко // Право.by. — 2015. — № 6(38). — С. 5—11; Правовая информатизация в Республике Беларусь: становление и перспективы развития / Н.Н. Радиванович [и др.]; под общ. ред. Н.Н. Радивановича. — Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2007. — С. 158—219; Сидорчук, И.П. Национальная правовая система: проблемы и пути их решения / И.П. Сидорчук // Право.by. — 2015. — № 2(34). — С. 19—23.

Интересно отметить, что первые шаги в данном направлении сделаны: на официальном Интернет-портале Государственной автоинспекции Брестской области в онлайн-режиме можно ознакомиться со сведениями о лицах, лишенных права управления транспортными средствами (в результате привлечения к ответственности либо по медицинским показаниям)²⁰⁸. Официальный сайт МВД Республики Беларусь предоставляет подобную возможность владельцам транспортных средств для получения информации о наличии фактов превышения установленной скорости движения, зафиксированных работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи на транспортном средстве, зарегистрированном в Республике Беларусь²⁰⁹. Отметим, что в УК Голландии предусмотрен такой вид дополнительного наказания, как опубликование приговора (ст. 9 раздела II книги 1), порядок которого определяется судьей, как и сумма затрат на указанную публикацию (ст. 36 раздела II книги 1)²¹⁰.

Проблема применения мер постпенального контроля и иных моделей профилактики преступлений в процессе реинтеграции осужденных, отбывших наказание, в общество, в национальной практике правоприменительной деятельности и в рамках международно-правовых стандартов ставится и рассматривается, как правило, в отношении осужденных к лишению свободы как наиболее криминогенно опасной категории лиц, находящихся под бременем уголовной ответственности. Криминологическая характеристика состава осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, по срокам наказания (табл. 4.3) и возрастному составу (табл. 4.4) свидетельствует о необходимости серьезно отнестись к проблеме организационного обеспечения системы осуществления социально-адаптационных мероприятий осужденных, освобождаемых из мест лишения свободы.

²⁰⁸Сведения о лицах, лишенных права управления транспортными средствами / Официальный Интернет-портал ГАИ Брестской области [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://gaibrest.by/?page_id=410. — Дата доступа: 10.03.2018.

²⁰⁹Проверка наличия фактов превышения установленной скорости движения / Официальный Интернет-портал МВД Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=15791>. — Дата доступа: 10.03.2018.

²¹⁰Уголовный кодекс Голландии; науч. ред. д-р юрид. наук, засл. деятель науки РФ, проф. Б.В. Волженкин; пер. с англ. И.В. Мироновой. — 2-е изд. — СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. — С. 109, 154.

Таблица 4.3. Сроки осуждения

Длительность наказания	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Всего (по сост. на 1 янв.), чел.	30 740	23 685	22 399
До 1 года	545	262	406
Свыше 1 года до 3 лет	10 964	7 760	7 424
Свыше 3 до 5 лет	4 318	3 170	2 842
Свыше 5 до 10 лет	9 383	7 294	6 757
Свыше 10 до 15 лет	3 121	2 816	2 635
Свыше 15 до 20 лет	1 547	1 499	1 465
Свыше 20 лет	721	739	723
Пожизненное заключение	141	145	147

Таблица 4.4. Возраст осужденных, отбывающих лишение свободы

Категории осужденных	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Всего (по сост. на 1 янв.), чел.	30 740	23 685	22 399
Свыше 14 до 16 лет	8	27	32
Свыше 16 до 18 лет	123	64	46
Свыше 18 до 20 лет	1 122	930	514
Свыше 20 до 30 лет	10 962	8 044	7 504
Свыше 30 до 40 лет	10 146	7 810	7 757
Свыше 40 до 50 лет	5 484	4 297	4 123
Свыше 50 до 55 лет, женщины	229	156	46
Свыше 50 до 60 лет	2 114	1 891	1 848
Свыше 55 лет, женщины	96	37	76
Свыше 60 лет	461	425	455

Подавляющее число осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, по срокам данного наказания относятся к так называемым зонам пороговых рисков, связанных как с позитивным, так и с негативным влиянием факта изоляции на социальные установки выбора постпенального (постпенитенциарного) поведения. Более 30% — это лица, осужденные на срок свыше одного года до трех лет, преимущественно за менее тяжкие преступления корыстного и насильственно-корыстного характера. Они составляют также основную массу осужденных в системе постпенитенциарного рецидива, не получая надлежащей социально-адаптационной подготовки и контролируемой ориентации на ее осуществление после освобождения. В свою очередь, за непродолжительный период пребывания в условиях изоляции они приобретают навыки криминальной субкультуры, которая становится преобладающей в мотивации образа их жизни после выхода из мест лишения свободы. Аналогичная криминологическая ситуация характерна для группы лиц, осужденных к лишению свободы на срок от трех до пяти лет, с той лишь особенностью, что для данной группы осужденных характерен более высокий уровень их отторжения от обычных условий социальной организации жизни в условиях свободы. Поэтому именно в отношении указанных групп осужденных должны в первую очередь предусматриваться индивидуально-дифференцированные программы включения их в систему социально-адаптационных мероприятий в период пребывания

в местах лишения свободы и контролируемой их реализации после отбытия наказания (в полном объеме либо при условно-досрочном освобождении). В связи с этим, например, профилактическому наблюдению должны подвергаться в течение срока судимости также лица, осуждаемые к лишению свободы за менее тяжкие преступления, хотя бы в случае, когда их поведение в местах лишения свободы свидетельствует о нежелании становиться на путь исправления (по смыслу ст. 116 УИК, это лица, не принявшие письменное обязательство о правопослушном поведении, имеющие взыскания, недобросовестно относящиеся к труду или учебе, выполнению работ по коллективному самообслуживанию, уборке и благоустройству ИУ и прилегающих к ним территорий и не проявляющие полезную инициативу в иной общественно полезной деятельности, а также не погасившие ущерб, причиненный преступлением).

Что касается групп осужденных к лишению свободы на сроки свыше пяти и до десяти лет, а также свыше десяти лет, то для данной категории характерен высокий уровень поражения тех факторов социализации, которые определяли их социальный статус до осуждения (как негативный, так и позитивный). Одновременно криминальная социосубкультура осваивается ими как установка «оправдания», и восстановление утраченного социального статуса осуществляется преимущественно на этой основе (в подобном случае очень силен временной фактор восстановления статуса, который, как правило, достигается нелегальным путем — так называемый синдром дефицита социальной адаптации). Поэтому указанные осужденные в основной массе скептически относятся к установленному формату социальной адаптации, но открыто не возражают против него. Большинство осужденных из числа указанной группы подлежит профилактическому наблюдению, а также относится к той категории лиц, за которыми устанавливается либо может быть установлен превентивный надзор (ст. 80 УК), что составляет около 12% от указанной группы.

Более 75% лиц, отбывающих лишение свободы, пребывают в физически активном (трудоспособном) возрасте, и их включение в трудовую деятельность должно стать важнейшим элементом мероприятий по их социальной адаптации и предупреждению рецидива²¹¹. На важность привлечения различных категорий населения к общественно полезному труду и востребованность подобной меры в различных зарубежных государствах обращает внимание Г.А. Василевич²¹². Феномен принудительного вовлечения в трудовую деятельность, в том числе уголовно-правовыми средствами воздействия, и его результативность являются предметом ряда

²¹¹Статистические сведения о количестве лиц, освобождаемых из исправительных учреждений Республики Беларусь // Гос. учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь». — Минск, 2017.

²¹²Василевич, Г.А. Труд добровольный и труд принудительный / Г.А. Василевич // Промышленно-торговое право. — 2011. — № 2. — С. 21—24.

научных исследований²¹³. В то же время на необходимость дифференциации применяемого трудового воздействия по критериям гендерных признаков в данных исследованиях внимание не обращается. Основной акцент ставится на принудительное трудовое воздействие на осужденных мужского пола, в то время как анализ данных статистики свидетельствует, что удельный вес осужденных женщин также достаточно велик (табл. 4.5).

Таблица 4.5. Гендерный состав лиц, содержащихся в ИУ для совершеннолетних

Категории осужденных	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Мужчины	28 845	27 313	21 119	19 869	20 627	23 046	25 111
Женщины	2 988	2 670	1 940	1 986	2 232	2 611	2 848

При выстраивании социально-адаптационных программ и мероприятий по гендерному принципу следует обратить внимание на крайне высокий уровень бытового, досугового пьянства и злоупотребления спиртными напитками на рабочем месте и (или) в рабочее время, которые буду сопровождать осужденного после освобождения.

По данным, представленным ДИН, в течение 2014 г. принудительному лечению от алкоголизма (наркомании) по приговору суда было подвергнуто 4 116 осужденных, которые состояли на учете у психиатра-нарколога ИУ. Более 50% осужденных, содержащихся в ИУ, ранее отбывали лишение свободы и не смогли успешно reintegrироваться в общество, вновь совершив преступление. Более 40% лиц ранее осуждались и отбывали наказание, не связанное с лишением свободы (табл. 4.6)²¹⁴.

Таблица 4.6. Рецидив преступлений среди лиц, отбывающих лишение свободы

Категории осужденных	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Всего	30 740	23 685	22 399
Впервые отбывающие лишение свободы	14 284 46,5%	11 270 47,6%	10 521 46,9%
Ранее судимые и отбывавшие наказание в виде лишения свободы	16 756	12 415	11 878

²¹³ Буш, В.В. Принудительные работы как вид наказания в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.В. Буш. — Краснодар: Сев.-Кавказ. федеральный ун-т, 2015. — 22 с.; Алиева, Ф.Т. Принудительные работы — новый вид наказания в уголовном законодательстве России / Ф.Т. Алиева // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. победителей V междунар. науч.-практ. конф. В 4 ч. Ч. 2; отв. ред. Г.Ю. Гуляев. — Пенза: Наука и просвещение, 2017. — С. 24—26; Яхшибекян, Э.Н. Характеристика ювенального наказания в виде обязательных работ в зарубежном уголовном законодательстве / Э.Н. Яхшибекян // Вестн. Московск. ун-та МВД России. — 2008. — № 10. — С. 128—130.

²¹⁴ Статистические сведения о количестве лиц, освобождаемых из исправительных учреждений Республики Беларусь // Гос. учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь». — Минск, 2017.

В течение ряда лет подавляющее большинство лиц, осужденных к лишению свободы, освобождается ежегодно по отбытии срока данного наказания. В их числе 60—65% — лица, которые не подлежат каким-либо мерам постпенального контроля (профилактическому наблюдению и превентивному надзору), без учета лиц, которым неотбытая часть наказания в виде лишения свободы была заменена более мягким наказанием. Около 18—20% составляют лица, которые подлежат профилактическому наблюдению (без учета лиц, которым неотбытая часть лишения свободы заменена на более мягкое наказание). От 9 до 13% составляют лица, за которыми может быть установлен превентивный надзор. Снизился, но сохраняется относительно высокий уровень рецидива преступлений в течение неотбытой части наказания и срока судимости при условно-досрочном освобождении (в среднем 8,9%).

Анализ социально-демографической характеристики осужденных по состоянию на 1 января 2015 г. также позволил установить следующее: 1) по месту жительства: до осуждения проживали в сельской местности, небольших городах, районных центрах 14 691 осужденный, в крупных городах, областных центрах, г. Минске — 9 386 чел.; 2) по профессиональному образованию: до осуждения имели профессию 15 593 чел., не имели — 8 484 чел.; 3) по семейному положению: состоят в браке 6 478 чел., не состоят в браке 17 626 осужденных; 4) имеют социально полезные связи (семья, дети, родители) 21 924 чел.; 5) по обеспеченности жилыми помещениями: имеют жилье 23 078 чел., не имеют жилья 899 чел.

В целях изучения причин и условий, способствующих совершению повторных преступлений после освобождения из мест лишения свободы, ДИН периодически проводит анкетирование среди осужденных, освобожденных из мест лишения свободы, и вновь совершивших преступления в течение года после освобождения. Так, анализ опросных листов показал следующие тенденции. Основная масса опрошенных — это осужденные, которые уже отбывали наказание в местах лишения свободы (один раз — от 23 до 40% респондентов, три раза и более — от 33 до 85%). Подавляющее большинство опрошенных лиц (более 65%) осуждались к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, в том числе несколько раз. Абсолютное большинство (91%) указали, что в период отбывания предыдущего наказания в виде лишения свободы им разъясняли порядок решения социальных и других вопросов, возникающих после освобождения, и 9% ответили отрицательно. По прибытии к месту жительства 82% стали на учет в ОВД и 18% указанного не сделали. Устроились на работу не более 60% освобожденных лиц, из них основная масса работала в сфере строительства и промышленности, в организациях частной формы собственности, в сельском и коммунальном хозяйстве, торговле в качестве обслуживающего персонала. Не предпринимали вообще никаких мер и усилий для трудоустройства, в том числе в форме самозанятости, около 20% опрошенных. По мнению самих опрошенных,

основными причинами совершения преступления являются: злоупотребление алкоголем и потребление наркотических средств — 37%; недостаточность денежных средств, доходов, необходимых для удовлетворения своих потребностей, и желание их быстро получить — 33%; неправомерное поведение в конфликтных ситуациях (состояние агрессии, в том числе по корыстной мотивации) — 11%; негативное влияние ранее судимых лиц из числа близкого окружения — 4%²¹⁵. К числу не указанных респондентами причин рецидива можно также отнести социальную отверженность, изоляцию со стороны общества (особенно в отношении лиц, неоднократно отбывавших наказание в местах лишения свободы), а также высокую степень криминальной зараженности определенной части освобождаемых лиц, философия иждивенчества, полное нежелание реализовать себя в какой-либо сфере профессиональной деятельности.

Анализ представленных данных, которые были изначально отражены в обобщенных статистических сведениях, показал, что вообще не изучаются показатели в разрезе гендерных характеристик. Есть основания полагать, что статистические формы отчетности и состояние аналитической работы в национальной уголовно-исполнительной системе являются не только недостаточно ориентированными на эффективное осуществление функции социальной адаптации осужденных, отбывших уголовное наказание, но и в целом не отвечают современным вызовам, уровню развития прогрессивных идей и социума и, следовательно, нуждаются в реформировании.

Учитывая вышесказанное, целесообразно осуществить следующие мероприятия правового и организационного характера:

- ресоциализация лица как интегральный многокомпонентный процесс, объединяющий в себе комплекс государственно-правовых, организационно-практических и иных мер по восстановлению утраченных или ослабленных в результате осуждения воспринимаемых и поддерживаемых социальных связей, обусловленных системой мер, реализуемых в рамках возложенной уголовной ответственности, требует совершенствования с точки зрения учета гендерных особенностей и гендерной самоидентификации освобождаемого лица;

- деятельность, связанная с ресоциализацией осужденного, должна быть унифицирована и осуществляться на основе базовой компьютерной программы, содержащей не только анкетные данные об осужденном, но и комплекс сведений об индивидуальных характеристиках личности, позволяющих осуществить криминологическое прогнозирование;

- для осужденных, освобождаемых из ИУ, целесообразно установить и обеспечить обязательную трудозанятость с учетом их гендерных характеристик;

²¹⁵ Статистические сведения о количестве лиц, освобождаемых из исправительных учреждений Республики Беларусь // Гос. учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь». — Минск, 2017.

- совершенствование государственной функции социальной адаптации осужденных, отбывших уголовное наказание, требует реформирования статистических форм отчетности и направлений аналитической работы в плоскости их ориентации на эффективное выявление лиц, нуждающихся в применении мер постпенального контроля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении отметим следующее. На протяжении многовековой истории криминологии назывались и исследовались десятки криминогенных факторов: экономические, политические, демографические, этнические, религиозные. В то же время философия и генезис противоправных проявлений с точки зрения гендерной специфики практически не разрабатывались и не разрабатываются с современных концептуальных позиций. Гендерная криминология рассматривается не как самостоятельная отрасль криминологического знания, а, скорее, как частнонаучная проблема. Вместе с тем, отечественная теория преступности и национальное законодательство криминального цикла уже находится на том рубеже, когда реально эффективное продвижение в практике противодействия преступности возможно только при надлежащем использовании элементов изучения преступности и механизмов социально-адаптационного характера с учетом гендерной принадлежности лица. Проходя определенные цивилизационные этапы развития общества, мобильность отдельных социальных групп, в том числе формирующихся на основе гендерных характеристик, растет зависимость от социальной, гендерной принадлежности. С учетом складывающихся столетиями гендерных стереотипов и их проявлений стартовые возможности, связанные с некриминальными вариантами самореализации, в различных социальных группах неодинаковы, исходя из этого и научно-теоретические концепции противодействия преступности должны строиться на основе оценок гендерных факторов.

Отвечая на гендерно-криминологические вопросы, поставленные в методологии, хотелось бы акцентировать внимание на том, что результаты проделанной работы показали, что основания для формирования частной криминологической теории — «Гендерная криминология» есть. На сегодняшний день существуют теоретические и прикладные предпосылки для разработки данного направления в криминологии, которые позволили в рамках представленного исследования сформировать понятие, роль, объект, цели, задачи, структуру, содержание гендерной криминологии.

Также есть все основания для выделения женской и мужской преступности и иных гендерных групп, включения в систему гендерной криминологии интерсекциональных признаков, которые в настоящее время исследуются недостаточно либо вовсе не включены. На них необходимо обратить внимание при разработке положений Особенной части гендерной криминологии.

Помимо устоявшихся подходов к изучению преступности, есть теоретические и прикладные предпосылки для использования интерсекционного подхода, активно применяемого в гендерных исследованиях, и включения в структуру и динамику изучения преступности признаков: мигрант, этническая принадлежность; национальность; расовая принадлежность; культурный уровень индивида, приверженность к субкультуре (например, интернет-сообщества, преступного сообщества); отношение к религии; вероисповедание; инвалидизация I, II, III группы; психические аномалии; наркотическая зависимость; алкоголизм; токсикомания; роль в совершении преступления, принадлежность к преступной группе; нахождение в преступной среде; сексуальная идентичность. Предлагаемый подход существенно расширит рамки традиционной бинарной гендерной системы изучения преступности, позволит исследовать указанные признаки и такую проблему, как трансгендерность, что отвечает реалиям сегодняшнего дня, находит свое подтверждение в научных исследованиях, мнениях и оценках населения и специалистов.

В прикладном аспекте указанный выше подход позволил сформировать модель женской/мужской преступности как эффективный инструмент научной и прикладной деятельности в рамках гендерной криминологии.

Следуя логике проведенного исследования, считаем целесообразной замену в научном обороте, правотворческой и правоприменительной практике термина «борьба с преступностью» терминами «противодействие преступности», «социальный контроль преступности», «управление преступностью» как наиболее соответствующих принципу интеграции прав человека и признания индивида наивысшей ценностью общества и государства.

На наш взгляд, в рамках процедур восстановительного (реституционного) правосудия и медиации как формы компромисса между государственными и общественными интересами представляется актуальным введение в уголовно-правовой сфере альтернативной «восстановительной» юстиции, действующей вне рамок государственного уголовного правосудия в зависимости от гендера с учетом теории интерсекциональности (возраст, этническая принадлежность, пол, физиологически или психически ограниченные возможности, конфессиональные предпочтения и т. д.).

Считаем, что гендерные различия в преступности могут послужить основой для разработки мер профилактики преступности и социальной адаптации осужденных. В связи с этим деятельность, связанная с ресоциализацией осужденного, должна быть унифицирована и осуществляться на основе базовой компьютерной программы, содержащей не только анкетные данные об осужденном, но и комплекс сведений об индивидуальных характеристиках личности с учетом гендерных измерений, позволяющих осуществить криминологическое прогнозирование в части предупреждения и профилактики преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аббасов, Ф.Н. Семья и корыстная преступность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ф.Н. Аббасов. — СПб.: Санкт-Петербургск. юрид. ин-т, 1996. — 22 с.
2. Айтбаев, К.Т. Применение зарубежного опыта предупреждения преступности в Республике Казахстан / К.Т. Айтбаев // Евразийск. юрид. журн. — 2012. — № 10(53). — С. 95–97.
3. Акулич, М.М. Гендерные роли в классических и постклассических социологических теориях / М.М. Акулич, И.А. Левенских // Вестн. Тюменск. гос. ун-та. — 2010. — № 4. — С. 14–19.
4. Алауханов, Е.О. Развитие казахской криминологии / Е.О. Алауханов // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. — 2008. — С. 70–73.
5. Алиева, Ф.Т. Принудительные работы — новый вид наказания в уголовном законодательстве России / Ф.Т. Алиева // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. победителей V междунар. науч.-практ. конф. В 4 ч. Ч. 2; отв. ред. Г.Ю. Гуляев. — Пенза: Наука и просвещение, 2017. — С. 24–26.
6. Ананич, В.А. О методологии криминологической классификации преступлений / В.А. Ананич // Актуальные вопросы уголовно-исполнительного права и криминологии: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 мая 2017 г.); редкол.: В.А. Ананич (отв. ред.) [и др.]. — Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2017. — С. 186–192.
7. Ананич, В.А. Организация криминологических исследований преступности в Республике Беларусь / В.А. Ананич // Академическая мысль. — 2017. — № 1. — С. 21–25.
8. Ананич, В.А. Предупреждение рецидивной преступности / В.А. Ананич, С.Ю. Часнок. — Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. — 99 с.
9. Андреев, Л.Г. Жан-Поль Сартр. Свободное сознание и XX век / Л.Г. Андреев. — М.: Гелеос, 2004. — 416 с.
10. Антонян, Ю.М. Криминология будущего: междисциплинарные научные связи / Ю.М. Антонян // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2014. — № 4(30). — С. 67–75.
11. Антонян, Ю.М. О предмете криминологии / Ю.М. Антонян // Вестн. МГОУ. Сер. «Юриспруденция». — 2016. — № 2 — С. 63–69.
12. Антонян, Ю.М. Предмет и сфера интересов криминологии / Ю.М. Антонян // Общество и право. — 2016. — № 2(56). — С. 185–188.
13. Антохина, Е.Б. Постпенитенциарный надзор за лицами, отбывшими наказание / Е.Б. Антохина // Сб. тр. V науч.-практ. конф. «Современные проблемы уголовной политики (г. Краснодар, 3 окт. 2014 г.)»; под ред. А.Н. Ильяшенко. — Т. II. — Краснодар: Краснодарск. ун-т МВД Российской Федерации, 2014. — С. 36–44.
14. Асланова, Г.М. Криминологическая и психологическая характеристика женской преступности / Г.М. Асланова // Вектор науки ТГУ. Сер. «Педагогика, психология». — 2014. — № 1(16). — С. 23–27.
15. Ахмедханова, Сам. Т. Основные направления предупреждения преступлений, совершаемых женщинами в обществе / Сам.Т. Ахмедханова, Саб.Т. Ахмедханова // Вестн. Санкт-Петербургск. ун-та МВД России. — 2017. — № 3(75). — С. 71–73.
16. Бараева, Н.Б. Организованная преступность как социальный институт: дис. ... канд. социологич. наук: 22.00.04 / Н.Б. Бараева. — СПб.: Социологич. ин-т Рос. Акад. наук, 2002. — 220 с.

17. Белл, Керрин Е. Насилие в местах лишения свободы и интерсекциональность факторов расы/национальности и пола / Керрин Е. Белл // Актуальные проблемы экономики и права. — 2018. — Т. 12. — № 1. — С. 132–148.
18. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. — М.: РОССПЭН, 1998. — 416 с.
19. Блувштейн, Ю.Д. Профилактика преступлений / Ю.Д. Блувштейн, М.И. Зырин, В.В. Романов. — Минск: Университетское, 1986. — 287 с.
20. Бовсун, М.В. Методологические основы уголовно-правового воздействия: монография / М.В. Бовсун. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 200 с.
21. Богомолов, А.С. Критика субъективно-идеалистической философии Д. Беркли: Лекция / А.С. Богомолов. — М.: Изд-во Московск. ун-та, 1959. — 54 с.
22. Борьба с преступностью в Беларуси: научные основы и концептуальные решения / О.И. Бажанов [и др.]; под ред. О.И. Бажанова. — Минск: Право и экономика, 2005. — 403 с.
23. Бычкова, А.М. Криминология наркопреступности: Общая часть: учеб. пособие / А.М. Бычкова. — Иркутск: Изд-во Байкал. гос. ун-та, 2018. — 168 с.
24. Буш, В.В. Принудительные работы как вид наказания в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.В. Буш. — Краснодар: Сев.-Кавказс. федеральный ун-т, 2015. — 22 с.
25. Василевич, Г.А. Труд добровольный и труд принудительный / Г.А. Василевич // Промышленно-торговое право. — 2011. — № 2. — С. 21–24.
26. Васильева, И.Б. Гендер как социальная категория и ее характеристики / И.Б. Васильева // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. — 2007. — Вып. 2. Философские науки. — С. 70–76.
27. Венгеров, А.Б. Синергетика, юридические науки, право / А.Б. Венгеров // Советск. гос. и право. — 1986. — № 10. — С. 36–45.
28. Вершинина, Д.Б. Политическая культура и идеология в странах Запада: гендерный аспект. Программа спецкурса / Д.Б. Вершинина // Вестн. Пермск. ун-та. — 2009. — № 4(11). — С. 148–156.
29. Воронина, О.А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе / О.А. Воронина // Общественные науки и современность. — 2000. — № 4. — С. 9–20.
30. Гегель, Г. Феноменология духа / Г. Гегель, пер. с нем. Г.Г. Шпета; коммент. Ю.Р. Селиванова. — М.: Академический Проект, 2008. — 767 с. — (Философские технологии: философия.)
31. Генрих, Н.В. Проблема предмета в современной криминологии / Н.В. Генрих // Виктимология. — 2018. — № 1(15). — С. 25–29.
32. Гилинский, Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. Гилинский. — 3-е изд. — СПб.: Алеф-Пресс, 2013. — 634 с.
33. Гилинский, Я.И. «Исклоненность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций / Я.И. Гилинский // Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна: сб. ст. — СПб.: Алетей, 2017. — С. 22–34.
34. Гилинский, Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я.И. Гилинский. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — СПб.: Алеф-Пресс, 2014. — 574 с.
35. Гилинский, Я.И. Некоторые тенденции мировой криминологии / Я.И. Гилинский // Российский Ежегодник уголовного права. — СПб.: Санкт-Петербургс. гос. ун-т. — 2013. — № 6. — С. 8–31.
36. Гилинский, Я.И. Понятие преступности в современной криминологии // Предупреждение преступности. Криминологический журн. — 2003. — № 1. — С. 61.

37. *Гилинский, Я.И.* Современные тенденции мировой криминологии / Я.И. Гилинский // Всерос. криминолог. журн. — 2012. — № 3(21). — С. 5—14.
38. *Гилинский, Я.И.* Что же делать с преступностью? / Я.И. Гилинский // Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна: сб. ст. — СПб.: Алетейя, 2017. — С. 56—74.
39. *Гомонов, Н.Д.* О предмете современной криминологической науки / Н.Д. Гомонов // Вестн. МГТУ. — 2014. — Т. 7. — № 1. — С. 118—120.
40. *Готчина, Л.В.* Семья как фактор преступлений, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних / Л.В. Готчина // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2016. — № 1. — С. 25—29.
41. *Гуданова, З.Н.* Гендерный подход к женской преступности, культурально-криминологический аспект / З.Н. Гуданова, Н.А. Исаев. — Режим доступа: <http://www.rusnauka.com/NIO/Pravo/gudanova%20z.n..doc.htm>. — Дата доступа: 19.03.2018.
42. Гуманистическая наука по Лейбницу и назначение академий; под ред.: В. Кальтенбахера, А.А. Россиуса, пер. А.А. Россиуса. — Москва—Неаполь: Сесом, 2010. — 114 с.
43. *Гюльалиева, Р.А.* Понятие гендерного подхода в уголовном праве / Р.А. Гюльалиева // Юридические науки и образование. — 2017. — № 52. — С. 126—141.
44. *Дагель, П.С.* Избранные труды / П.С. Дагель; науч. ред. А.И. Коробева. — Владивосток: Изд-во Дальневосточн. ун-та, 2009. — 352 с.
45. *Демидова-Петрова, Е.В.* Исследование преступности несовершеннолетних в истории Российской криминологической науки / Е.В. Демидова-Петрова // Мониторинг правоприменения. — 2016. — № 1(18). — С. 31—34.
46. *Дзюман, Е.М.* Особенности гендерной идентичности несовершеннолетних, обвиняемых в совершении сексуальных деликтов / Е.М. Дзюман. — Сев.-Кавказ. психол. вестн. — 2011. — № 9/4. — С. 50—54.
47. *Досина, Н.В.* Гендерные исследования в социологии / Н.В. Досина. — Ярославль: Ярославск. гос. ун-т, 2010. — 148 с.
48. *Дриль, Д.А.* Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / Д.А. Дриль; сост. и предисл. В.С. Овчинского. — М.: ИНФРА-М, 2009. — VI, 770 с.
49. *Дуюнов, В.К.* Механизмы уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В.К. Дуюнов. — Тольятти, 2001. — 512 с.
50. *Дядюн, К.В.* Гендерный подход в уголовном праве: история и современность спецкурса / К.В. Дядюн // Вестн. Пермск. ун-та. — 2011. — № 1(15). — С. 27—32.
51. *Евсеев, А.В.* Теоретико-методологические и методические предпосылки организации криминологического обеспечения предупреждения преступности / А.В. Евсеев, Н.Е. Лошаков // Вестн. Всерос. ин-та повыш. квалиф. сотрудников МВД России. — 2014. — № 2(30). — С. 58—63.
52. *Жмуров, Д.В.* Некоторые проблемы современной криминологии / Д.В. Жмуров // Преступность в России: проблемы реализации закона и правоприменения: сб. науч. тр. — Иркутск: БГУЭП, 2015. — С. 111—113.
53. *Закалюк, А.П.* Курс сучасної української кримінології: теорія і практика. У 3 кн. Кн. 1 / А.П. Закалюк. — Киев: Издательский дом «Ири Юре», 2007. — 424 с.
54. *Здравомыслова, Е.* Социальная конструкция гендера и гендерная система в России / Е. Здравомыслова, А. Темкина // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период: сб. науч. ст.; под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. — Вып. 4. — СПб.: ЦНСИ, 1996. — С. 115—121.

55. Зиядова, Д.З. Социальный контроль и профилактика преступлений / Д.З. Зиядова // Российский следователь. — 2008. — № 5. — С. 28—30.
56. Идобаева, О.А. Методологические принципы развития системы профилактики правонарушений несовершеннолетних / О.А. Идобаева // Образованье личности. — 2014. — № 4. — С. 8—14.
57. Ильченко, О.Ю. Криминологическая характеристика женской преступности / О.Ю. Ильченко, А.А. Хорошилова // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2012. — № 3(26). — С. 67—70.
58. Инструкция о порядке оказания администрацией учреждения уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь помощи осужденным к ограничению свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа или к лишению свободы в трудовом и бытовом устройстве: утв. постановлением М-ва внутренних дел Республики Беларусь от 15 янв. 2014 г. № 15 // Управление внутренних дел Гомельского облисполкома. — Гомель, 2019.
59. Инструкция о порядке взаимодействия органов по труду, занятости и социальной защите, территориальных центров социального обслуживания, территориальных органов внутренних дел и администраций исправительных учреждений по трудовой и социальной реабилитации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы: утв. постановлением М-ва труда и социальной защиты Республики Беларусь, М-ва внутренних дел Республики Беларусь от 30 мар. 2012 г. № 47/93 // Управление внутр. дел Гомельского облисполкома. — Гомель, 2019.
60. Инструкция о порядке организации и проведения воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде ареста и лишения свободы: утв. приказом Министра внутренних дел Республики Беларусь от 30 дек. 2013 г. № 572 // Управление внутренних дел Гомельского облисполкома. — Гомель, 2019.
61. Ирискина, И. Трансгендерность от «МЖ» до «Х» / И. Ирискина, И. Лысенко // Свободная психология [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://update.com.ua/spetcprom-ekt_tag987/transgender/. — Дата доступа: 25.06.2018.
62. Казарян, М.А. Содержание понятия «психических аномалий (патопсихологических нарушений), не исключающих вменяемости» в криминологии / М.А. Казарян // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2011. — № 11. — С. 105—107.
63. Казютинский, В.В. Спонтанность и детерминизм / В.В. Казютинский, Е.А. Мамчур, Ю.В. Сачков [и др.]. — Ин-т философии РАН. — М.: Наука, 2006. — 323 с.
64. Карпова, О.В. Причины и условия рецидивной преступности женщин: особенности региональной характеристики / О.В. Карпова // Актуальные проблемы экономики и права. — 2014. — № 1 — С. 261—266.
65. Качалов, В.В. Терминология криминологии: проблемы и перспективы развития / В.В. Качалов // Вестн. Московск. ун-та МВД России. — 2014. — № 10. — С. 82—84.
66. Кашина, М.А. Женщина в российской пенитенциарной системе: к вопросу о необходимости гендерной юстиции / М.А. Кашина // Управленческое консультирование. — 2007. — № 4. — С. 99—111.
67. Кашина, М. О политических следствиях амбивалентности в определении предмета и методологии гендерных исследований / М. Кашина // Власть. — 2011. — № 4. — С. 101—104.
68. Кетле, А. Человек и развитие его способностей / А. Кетле. — СПб.: О.И. Бакст, 1865. — 228 с.
69. Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. — М., 1999. — 155 с.

70. *Клейменов, М.П.* Введение в этнокриминологию [Электронный ресурс]: монография / М.П. Клейменов. — Электрон. текстовые данные. — Омск: Омск. акад. МВД России, 2004. — 244 с.
71. *Клейменов, И.М.* Криминология в Великобритании и США / И.М. Клейменов // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Право». — 2011. — № 4(29). — С. 147–152.
72. *Клейменов, И.М.* Криминология в Китае и Японии / И.М. Клейменов // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Право». — 2012. — № 3(32). — С. 233–237.
73. *Клим, А.М.* Общесоциальное предупреждение взяточничества / А.М. Клим, А.А. Сосновский // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. — 2006. — № 2. — С. 88–91.
74. *Клим, А.М.* Специальные меры предупреждения взяточничества / А.М. Клим // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр.; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. — Минск: Науч.-исслед. ин-т проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы М-ва юстиции Респ. Беларусь, 2007. — Вып. 1. — С. 48–52.
75. *Климова, Е.И.* Фальшивомонетничество: моделирование при расследовании / Е.И. Климова. — Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. — 175 с.
76. *Коваленко, Е.И.* Развитие государственной системы правовой информации — актуальное направление правовой политики суверенной Беларуси / Е.И. Коваленко // Право.by. — 2015. — № 6(38). — С. 5–11.
77. *Комлев, Л.* К осужденному по-человечески / Л. Комлев // Судовы весн. — 1993. — № 1. — С. 42–43.
78. *Корсаков, К.В.* Криминологическое моделирование и язык криминологической науки / К.В. Корсаков // Вестн. Юж.-Уральск. гос. ун-та. — 2006. — № 5. — С. 156–157.
79. *Краснобаева, Л.А.* Рекомендации по интеграции гендерного измерения в юридические исследования / Л.А. Краснобаева [и др.]; под общ. ред. Т.В. Лисовской. — Минск: Юнипак, 2018. — 44 с.
80. Криминология: пер. с англ.; под ред. Дж.Ф. Шели. — СПб.: Питер, 2003. — 864 с.
81. Криминология в США и странах Западной Европы: учеб. пособие. — Томск: Томск. фил. Рос. ин-та повыш. квалиф. сотрудников МВД РФ, 1997. — С. 9–17.
82. Криминология: вчера, сегодня, завтра // Журн. Санкт-Петербургск. междунар. криминологического клуба [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.criminologyclub.ru/criminologyyesterdaytodaytomorrow.html>. — Дата доступа: 06.05.2018.
83. Криминология. Конспект лекций / Э.Ф. Мичулис, Д.В. Шаблинская, А.А. Примаченок; под ред. Э.Ф. Мичулиса. — Минск: Изд-во Минск. ин-та управления, 2005. — 99 с.
84. Криминология: учебник для вузов; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Долговой. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Норма, 2005. — 912 с.
85. Криминология: учебник для юрид. вузов; под общ. ред. А.И. Долговой. — Изд. 4-е, перераб. и доп. — М.: НОРМА, 2010. — 912 с.
86. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов [и др.]. — Изд. 5-е, перераб. и доп. — М.: ЮНИТА-ДАНА, 2010. — 575 с.
87. Криминология: учеб. пособие / С.В. Максимов [и др.]; под ред. А.В. Павлинова. — Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. — М., 2014. — 372 с.
88. Криминология: учеб. пособие для бакалавров / С.Л. Алексеев, Р.Р. Салимзянова; под ред. А.Ю. Епихина. — Казань: ЧОУ ВПО «Академия социального образования», 2013. — 212 с.

89. Криминология: учеб. пособие для студентов вузов / А.В. Боков [и др.]; под ред. проф. С.М. Иншакова. — М.: ЮНИТА-ДАНА, 2005. — 222 с.
90. *Кудрявцев, В.Н.* Социальные деформации (причины, механизмы и пути преодоления) / В.Н. Кудрявцев. — М.: Изд-во ИГиП РАН, 1992. — 133 с.
91. *Кудрявцев, В.Н.* Стратегии борьбы с преступностью / В.Н. Кудрявцев. — М.: Юрист, 2003. — 349 с.
92. *Куликова, С.Г.* Женская преступность как социальный фактор российской модернизации (вторая половина XIX — начало XX веков) / С.Г. Куликова. — Гагарин: Типография «Полимир», 2011. — 174 с.
93. *Куприянова, А.В.* Гендерная криминология: создание частной криминологической теории / А.В. Куприянова // Вестн. Читинск. гос. ун-та. — 2008. — № 6. — С. 187—191.
94. *Куприянова, А.В.* Женская преступность несовершеннолетних как объект исследования гендерной криминологии / А.В. Куприянова // Изв. Иркутск. гос. экон. акад. — 2007. — № 1(51). — С. 57—60.
95. *Куприянова, А.В.* Криминологическая характеристика женской преступности несовершеннолетних в Восточно-Сибирском регионе и ее предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Куприянова. — Иркутск, 2008. — 237 с.
96. *Лазарев, В.В.* Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда / В.В. Лазарев // Журн. российского права. — 2017. — № 7. — С. 5—18.
97. *Лист, Ф.* Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Ф. Лист; сост. и предисл. В.С. Овчинского. — М.: ИНФРА-М, 2004. — 110 с.
98. *Локк, Дж.* Сочинения в трех томах / Дж. Локк. — Т. 3. — М.: Мысль, 1988. — 668 с.
99. *Ломброзо, Ч.* Женщины-преступницы и проститутки / Ч. Ломброзо, Э. Ферреро. — Киев, 1903. — 196 с.
100. *Ломброзо, Ч.* Женщина преступница и проститутка. Любовь у помешанных / Ч. Ломброзо. — М.: Азбука, 2017. — 352 с.
101. *Лузгин, И.М.* Моделирование при расследовании преступлений / И.М. Лузгин. — М.: Юрид. лит., 1981. — 152 с.
102. *Лунеев, В.В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — 870 с.
103. *Милоков, С.Ф.* Глубинные истоки кризиса российской семьи: его криминологические и уголовно-правовые последствия / С.Ф. Милоков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2016. — № 1. — С. 17—20.
104. *Монтескье, Ш.Л.* О духе законов / Ш.Л. Монтескье. — М.: Мысль, 1999. — 674 с.
105. *Наумов, Е.В.* Контроль и надзор предупреждения рецидива преступлений по законодательству зарубежных стран / Е.В. Наумов // Вестн. Кузбасск. ин-та. — 2014. — № 2 (19). — С. 166—173.
106. *Наумов, Е.В.* Постпенитенциарный контроль и надзор в странах СНГ / Е.В. Наумов // Уголовно-исполнительное право. — 2013. — № 1. — С. 94—97.
107. Нетрадиционные формы борьбы с преступностью // Борьба с преступностью за рубежом. — 1993. — № 9. — С. 11—12.
108. *Никуленко, А.В.* О некоторых проблемах противодействия семейному насилию / А.В. Никуленко // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2016. — № 1. — С. 35—38.

109. *Оболонец, В.Ф.* Новые криминологические теории и перспективы развития криминологии в Украине / В.Ф. Оболонец // Проблемы законности. — 2012. — № 120. — С. 203–215.
110. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования; под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.И. Селиверстова. — М.: ИД «Юриспруденция», 2017. — 328 с.
111. О некоторых вопросах изменения и коррекции половой принадлежности: постановление М-ва здравоохранения Республики Беларусь от 9 дек. 2010 г. № 163 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
112. *Осипов, П.П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций: Аксиологические аспекты / П.П. Осипов. — Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1976. — 136 с.
113. *Платон.* Собрание сочинений: в 4 т.; под общ. ред.: А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; примеч. А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи; Ин-т философии РАН. — Т. 2. — М.: Мысль, 1993. — 527 с.
114. *Половников, Р.М.* Уголовная ответственность за изнасилование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Р.М. Половников. — М.: Моск. гос. ун-т, 2010. — 193 с.
115. Пособие для разработки законодательства по вопросам насилия в отношении женщин. — Нью-Йорк: ООН, 2010. — 72 с.
116. *Поттер, Х.* Интерсекциональная криминология / Х. Поттер [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://books.google.by/books?id=b5RhCQAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbg_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false. — Дата доступа: 18.07.2018.
117. Правовая информатизация в Республике Беларусь: становление и перспективы развития / Н.Н. Радиванович [и др.]; под общ. ред. Н.Н. Радивановича. — Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2007. — 400 с.
118. Правонарушения в Республике Беларусь, 2017 г.: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2018. — 175 с.
119. *Пропостин, А.А.* Постпенитенциарный административный надзор / А.А. Пропостин, А.Д. Никитин; под ред. В.А. Уткина. — М.: Юрлитинформ, 2016. — 192 с.
120. *Радочина, Т.Н.* О женской пенитенциарной преступности / Т.Н. Радочина // Человек: преступление и наказание. — 2009. — № 4(67). — С. 87–91.
121. *Рахманинова, М.Д.* Генезис интерсекционального подхода к анализу власти и дискриминаций: между гендером и классом // Исторические, философские, юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 2(52). — Ч. 1. — С. 153–158.
122. Рекомендации по повышению качества юридических исследований по правам человека. — Минск: БГУ, 2016.
123. Рекомендации по повышению качества юридических исследований по правам человека [Электронный ресурс]: Центр по правам человека при факультете международных отношений Белорус. гос. ун-та. — Минск, 2018. — Режим доступа: <https://fir.bsu.by/ru/faculty/centres/human-rights/hr%D1%81-docs>. — Дата доступа: 01.02.2019.
124. *Романова, Н.М.* Социально-психологические детерминанты преступного поведения: субъект криминального деликта и гендер / Н.М. Романова // Изв. Саратовск. ун-та. — 2009. — № 3. — С. 64–68.
125. *Рузавин, Г.И.* Методы научного исследования / Г.И. Рузавин. — М.: Мысль, 1975. — 237 с.

126. *Русецкий, О.В.* Профилактика потребления наркотиков в системе предупреждения преступности несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.В. Русецкий. — Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. — 25 с.
127. *Савельев, А.И.* К вопросу о понятии неформальных групп в криминологии / А.И. Савельев // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2010. — № 2(41). — С. 50—52.
128. *Сарычева, Н.В.* Особенности социально-экономических детерминант преступного поведения женщин / Н.В. Сарычева // Общ-во и право. — 2009. — № 4(26). — С. 222—224.
129. *Сачек, А.Г.* Стадии и значение криминологического моделирования / А.Г. Сачек // Вестн. Московск. ун-та МВД России. — 2015. — № 8. — С. 129—133.
130. *Селятыцкий, Ю.И.* Предупреждение преступности среди молодежи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ю.И. Селятыцкий. — Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2014. — 23 с.
131. *Синьков, Д.В.* Преступность женщин: современные тенденции развития и практика назначения наказания / Д.В. Синьков // Общество & человек. — 2011. — № 1(2). — С. 88—89.
132. *Свило, С.М.* К вопросу о формировании гендерной криминологии / С.М. Свило // Борьба с преступностью: теория и практика: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Могилев, 2 апр., 2018 г.). — Могилев: Могилевский ин-т МВД Респ. Беларусь, 2018. — С. 207—210.
133. *Свило, С.М.* Общесоциальное предупреждение преступности женщин в Республике Беларусь: проблемы и пути решения / С.М. Свило // Вестн. Нижегород. академии МВД России. — 2014. — № 3(27). — С. 151—156.
134. *Свило, С.М.* Преступность среди женщин в Республике Беларусь: характеристика, причины, предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.М. Свило. — Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. — 21 с.
135. *Свило, С.М.* Совершенствование правовых основ предупреждения преступности женщин / С.М. Свило // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. — 2016. — № 2(40). — С. 42—46.
136. *Свило, С.М.* Преступность среди женщин в Республике Беларусь: характеристика, причины, предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.М. Свило. — Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. — 21 с.
137. *Свило, С.М.* Преступность среди женщин в Республике Беларусь: характеристика, причины, предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.М. Свило. — Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. — 139 с.
138. *Севелова, М.А.* Маскулинность и фемининность как ключевые категории гендерной теории / М.А. Севелова // Вестн. Костромск. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова — 2011. — № 5—6. — С. 43—47.
139. *Селин, Б.Н.* Генезис теоретических оснований прикладной криминологии за рубежом / Б.Н. Селин // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2014. — № 3. — С. 78—82.
140. *Сергиевский, Н.Д.* Русское уголовное право. Часть общая: Пособие к лекциям / Н.Д. Сергиевский. — 3-е изд. — СПб.: тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1896. — 378 с.
141. *Сидорчук, И.П.* Национальная правовая система: проблемы и пути их решения / И.П. Сидорчук // Право.by. — 2015. — № 2(34). — С. 19—23.
142. *Смирнов, Л.Б.* Традиционная семья как объект посягательства со стороны глобальной олигархической власти (ГОВ) / Л.Б. Смирнов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2016. — № 1. — С. 21—24.

143. *Сморгунова, А.Л.* Критическое направление в современной англо-американской криминологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Л. Сморгунова; науч. рук. Я. И. Гилинский. — СПб., 2004. — 25 с.
144. *Соколинская, С.А.* Распределение детской преступности по возрастам в Москве / С.А. Соколинская // Дети-преступники: сб. ст. с предисл.; под ред. М.Н. Гернета. — М.: Книгоиздательство «В.И. Знаменский и К°», 1912. — 550 с.
145. *Спиноза, Б.* Сочинения в двух томах / Б. Спиноза; вступ. ст. К.А. Сергеева. — 2-е изд. — Т. 1. — СПб.: Наука, 1999. — 489 с.
146. *Старков, О.В.* Криминология. Религиозная преступность [Электронный ресурс] / О.В. Старков, Л.Д. Башкатов. — Электрон. текстовые данные. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — 386 с.
147. *Старков, О.В.* Проблема создания новых направлений современной криминологии / О.В. Старков // Актуальные проблемы экономики и права — 2007. — № 3. — С. 175—178.
148. Статистические сведения о количестве лиц, освобождаемых из исправительных учреждений Республики Беларусь // Гос. учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь». — Минск, 2017.
149. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2018 г.: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2018. — 489 с.
150. *Стуканов, В.Г.* Содержательно-целевая направленность формирования правосознания личности осужденного / В.Г. Стуканов // Закон и право. — 2015. — № 10. — С. 42—43.
151. *Судакова, Т.М.* Криминологическое исследование: теоретико-методологические основы / Т.М. Судакова // Всерос. криминологический журн. — 2017. — № 4. — С. 656—665.
152. *Сутурин, М.А.* К вопросу о прогнозе преступности (по материалам некоторых регионов Восточной Сибири) / М.А. Сутурин // Вестн. Читинск. гос. ун-та. — 2009. — № 1(52). — С. 185—188.
153. *Сутурин, М.А.* Преступность и социальный контроль / М.А. Сутурин // Сибирск. юрид. вестн. — 2002. — № 4. — С. 57—59.
154. *Сутурин, М.А.* Профилактика преступности: модель региональной программы / М.А. Сутурин // Сибирск. юрид. вестн. — 2004. — № 1. — С. 38—39.
155. *Сухарев, А.Я.* Проблемы научно-методического обеспечения системы профилактики / А.Я. Сухарев // Уголовное право. — 1999. — № 4. — С. 100—103.
156. *Сысоев, А.М.* Реализация стратегии «нулевой терпимости» в США: плюсы и минусы / А.М. Сысоев // Уголовно-исполнительное право. — 2012. — № 2. — С. 32—35.
157. *Тард, Г.* Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы: сб. / Г. Тард. — М.: Инфра-М, 2004. — 397 с.
158. *Тарновская, П.Н.* Женщины-убийцы: антропологическое исследование / Т.Н. Тарновская. — СПб.: Т-во худож. печати, 1902. — 512 с.
159. *Темкина, А.* Гендер, секс и феминизм: взгляд социолога / А. Темкина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://arzamas.academy/materials/959>. — Дата доступа: 01.09.2018.
160. *Темкина, А.А.* Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях / А.А. Темкина, Е.А. Здравомыслова // Журн. социологии и социальной антропологии. — 2017. — № 20(5). — С. 15—38.
161. *Тихомирова, Л.В.* Юридическая энциклопедия / Л.В. Тихомирова; под ред. М.Ю. Тихомирова. — Изд. 5-е, перераб. и доп. — М., 2006. — 972 с.

162. *Тугельбаева, Б.Г.* Учеб. пособие для преподавания курса «Криминология. Проблемы предупреждения домашнего (семейного) насилия» / Б.Г. Тугельбаева, А.Д. Хамзаева. — Бишкек, 2010. — 134 с.

163. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть; под ред. и с предисл. И.Д. Козочкина. — М.: Ин-т междунар. права и экономики им. А.С. Грибоедова, 2001. — 576 с.

164. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: науч.-практ. комментарий и перевод текста закона / П.В. Головненков. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Проспект, 2014. — 312 с.

165. Уголовный кодекс Голландии; науч. ред. д-р юрид. наук, засл. деятель науки РФ, проф. Б.В. Волженкин; пер. с англ. И.В. Мироновой. — 2-е изд. — СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. — 510 с.

166. Уголовный кодекс Греческой Республики. — Ростов-на-Дону: Вузовская книга, 2011. — 240 с. — (Сер. «Современное законодательство Греции».)

167. *Ферри, Э.* Уголовная социология / Э. Ферри; сост. и предисл. В.С. Овчинского. — М.: ИНФРА-М, 2009. — VIII, 658 с.

168. Философия уголовного права; сост., ред. и вступ. статья д-ра юрид. наук, проф. Ю.В. Голика. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. — 348 с.

169. Философский словарь; под ред. И.Т. Фролова. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1986. — 590 с.

170. *Флория, В.* Наука криминология в Республике Молдова / В. Флория // Закон и жизнь. — 2010. — № 4. — С. 28—33.

171. *Франк, А.* Философия уголовного права в популярном изложении / А. Франк; пер. с франц. Д. Слонимского. — СПб.: Типография О.И. Бакста, 1868. — 444 с.

172. *Хачак, Б.Н.* Особенности гендерного подхода и его значение при разработке мер борьбы с преступностью / Б.Н. Хачак // Вестн. Адыгейск. гос. ун-та. Сер. 1 «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». — 2008. — № 2(30). — С. 192—197.

173. *Хачак, Б.Н.* Совершенствование теории и практики борьбы с преступностью путем применения гендерного подхода / Б.Н. Хачак // Общ-во и право. — 2007. — № 4(18). — С. 209—211.

174. *Хачак, Б.Н.* Гендерный подход в институте уголовного наказания: уголовно-правовые, пенитенциарные и криминологические проблемы : дис. ... к-та юрид. наук: 12.00.08 / Б.Н. Хачак. — Краснодар, 2014. — 206 с.

175. *Хлынцов, М.Н.* Криминалистическая информация и моделирование при расследовании преступлений / М.Н. Хлынцов; под ред. В.Г. Власенко. — Саратов: Саратовский ун-т, 1982. — 159 с.

176. *Хомич, В.М.* Правовая концепция реформирования уголовно-исполнительной системы / В.М. Хомич // Реформирование пенитенциарной системы: материалы междунар. конф. — Минск: ФилСерв плюс, 1998. — 132 с.

177. *Хомич, В.М.* Реформа уголовно-исполнительной системы в Республике Беларусь / В.М. Хомич // Юстиция Беларуси. — 1998. — № 2. — С. 16—19.

178. *Хомич, В.М.* Реформирование уголовно-исполнительной системы на принципах Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь 2000 г. / В.М. Хомич // Проблемы законности и правопорядка в Республике Беларусь: материалы науч.-практ. конф. (г. Новополоцк, 25—26 мая 2000 г.); гл. ред. А.А. Головки. — Новополоцк: Полоцк. гос. ун-т, 2000. — С. 331—332.

179. *Хомич, В.М.* Совершенствование уголовной ответственности невозможно без оптимизации системы видов наказания / В.М. Хомич // Правосу-

дие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения: сб. науч. тр.; редкол.: А.В. Барков [и др.]. — Минск: БГУФК, 2010. — С. 85—100.

180. Часнок, С.Ю. Роль превентивного надзора и профилактического наблюдения в предупреждении рецидивной преступности / С.Ю. Часнок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. — 2005. — № 1. — С. 100—103.

181. Чекалина, А.А. Гендерное самосознание личности: на примере учителя начальных классов : автореф. дис. ... д-ра психол. наук.: 19.00.01 / А.А. Чекалина. — М., 2013. — 48 с.

182. Честнов, И.Л. Теоретико-методологическое введение в криминологию: учеб. пособие / И.Л. Честнов. — СПб., 2004. — 96 с.

183. Чучаев, А.И. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация: монография / А.И. Чучаев, А.П. Фирсова. — М.: Проспект, 2014. — 318 с.

184. Шабанов, В.Б. Правовые и психологические проблемы социальной реабилитации осужденных к лишению свободы / В.Б. Шабанов // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения: сб. науч. тр.; редкол.: А.В. Барков [и др.]. — Минск: БГУФК, 2010. — С. 236—241.

185. Шаблинская, Д.В. Механизм уголовно-правового воздействия и его функциональное назначение / Д.В. Шаблинская // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе: сб. науч. ст. / Э.А. Саркисова [и др.]; под ред. Д.В. Шаблинской. — Вып. 2, посвящ. 80-летию проф. Э.А. Саркисовой. — Минск: Бизнесофсет, 2016. — С. 280—294.

186. Шаркова, Е.А. Предупреждение формирования и криминализации личности несовершеннолетнего преступника: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.А. Шаркова. — Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2016. — 24 с.

187. Шевченко, Л.А. Личность преступника в гендерном измерении / Л.А. Шевченко // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по материалам LXXI междунар. науч.-практ. конф. — Новосибирск: СибАК, 2016. — С. 33—41.

188. Шестак, В.А. Теория предупреждения преступности в России и за рубежом: история и современность / В.А. Шестак // Lex Russica. — 2008. — № 2. — С. 411—422.

189. Шестаков, Д.А. Виктимизация семьи вследствие преступной составляющей катаклизмов / Д.А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2016. — № 1. — С. 13—16.

190. Шестков, Д.А. Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс / Д.А. Шестаков // СПб.: Изд-во «Лань» Санкт-Петербургск. ун-та, 2001. — 264 с.

191. Шестаков, Д.А. Преступность политики. Размышления кримиолога / Д.А. Шестаков. — СПб.: Алеф-Пресс, 2013. — 224 с.

192. Шиханцов, Г.Г. Криминология: учеб. пособие / Г.Г. Шиханцов. — Минск: Тесей, 2006. — 319 с.

193. Шнайдер, Г.Й. Криминология: пер. с нем. / Г.Й. Шнайдер; под общ. ред. Л.О. Иванова. — М.: Прогресс-Универс, 1994. — 504 с.

194. Шоткинов, С.А. Криминальная культурология. Ч. 2. Теория гендера / А.С. Шоткинов // Сибирск. юрид. вестн. — 2003. — № 3. — С. 67—73.

195. Штофф, В.Л. Моделирование и философия / В.Л. Штофф. — М.: Наука, 1966. — 301 с.

196. *Щедрин, Н.В.* Меры безопасности как средство предупреждения преступности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Н.В. Щедрин. — Красноярск: Красноярск. гос. ун-т, 2001. — 348 с.
197. *Щербакова, Л.М.* Некоторые методологические вопросы криминологического исследования преступности / Л.М. Щербакова, Д.Р. Губжокова, А.С. Панченко // Общество и право. — 2016. — № 3(57). — С. 69—75.
198. *Эминов, В.Е.* История науки криминологии / В.Е. Эминов // Lex Russica. — 2009. — № 1. — С. 72—82.
199. *Яхшибекян, Э.Н.* Характеристика ювенального наказания в виде обязательных работ в зарубежном уголовном законодательстве / Э.Н. Яхшибекян // Вестн. Московск. ун-та МВД России. — 2008. — № 10. — С. 128—130.
200. *Annelou L. C. de Vries.* Autism Spectrum Disorders in Gender Dysphoric Children and Adolescents / Annelou L. C. de Vries, Ilse L. J. Noens, Peggy T. Cohen-Kettenis, et al. // Journal of autism and Developmental Disorders. — 2010. — Vol. 40. — Issue 8. — Pp. 930—936.
201. *Bailey, J.M.* Sexual orientation of adult sons of gay fathers / J.M. Bailey, D. Bobrow, M. Wolfe & S. Mikach // Developmental Psychology. — 1995. — No. 31. — P. 128.
202. Barak Gregg Class, Race, and Gender in Criminology and Criminal Justice: Ways of Seeing Difference [Electronic resource]. — Access of mode: <http://critcrim.org/barak.htm>. — Access of date: 01.09.2018.
203. Criminal justice reform / Crime prevention and criminal justice // United Nations Office on Drugs and Crime [Electronic resource]. — Access of mode: www.unodc.org/unodc/en/justice-and-prison-reform/index.html?ref=menuaside. — Access of date: 30.03.2018.
204. *Eckert, P.* The whole woman: sex and gender differences in variation / P. Eckert // Sociolinguistics / N. Coupland, A. Jaworski. Eds. Macmillan Press. — 1997. — P. 214.
205. Heidensohn Frances Gender and crime [Electronic resource]. — Access of mode: <https://www.crimeandjustice.org.uk/sites/crimeandjustice.org.uk/files/09627259508552614.pdf>. — Access of date: 01.09.2018.
206. *Herd, G.* Third Sex/Third Gender: Beyond Sexual Dimorphism In Culture and History / Gilbert Herdt. — New York: Zone Books, 1994. — 614 p.
207. Introductory Handbook on the Recidivism and Social Reintegration of Offenders / Criminal justice handbook series United Nations. — New York, 2012. — 160 p.
208. Meda Chesney-Lind and Nicholas Chagnon. Criminology, Gender, and Race: A Case Study of Privilege in the Academy [Electronic resource]. — Access of mode: http://users.soc.umn.edu/~uggen/ChesneyLind_Chagnon_16_FemCrim.pdf. — Access of date: 01.09.2018.
209. *Marx, K.* Uberdie Liebe / K. Marx, F. Engels. — Berlin: Dietz, 1986. — 243 p.
210. *Unger, R.* Toward a redefinition of sex and gender / R. Unger // American Psychoiologist. — 1979. — No. 3. — Pp. 224—225.

Результаты обработки анкетирования взрослого населения о преступности и влиянии на ее динамику гендерно-чувствительных характеристик

1. Сведения об осведомленности респондентов о понятиях «гендер», «гендерно-чувствительные характеристики».

Таблица А 1.1. Результаты осведомленности респондентов о понятиях «гендер», «гендерно-чувствительные характеристики»

Знакомы ли вам понятия «гендер», «гендерно-чувствительные характеристики»?	
Не знакомы	26 (17,7%)
Знакомы, но не могу точно охарактеризовать их содержание	67 (45,6%)
Точно знаю, о чем идет речь	56 (36,1%)
Ваш вариант ответа	1 (0,7%)
Получено ответов	147

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

2. Сведения об осведомленности респондентов о масштабах преступности в Республике Беларусь и их подверженности преступным посягательствам.

Таблица А 2.1. Результаты осведомленности респондентов о масштабах преступности

Какими, на ваш взгляд, являются масштабы преступности в Республике Беларусь?	
Очень значительными	5 (3,4%)
Значительными	34 (23,1%)
Средними	83 (56,5%)
Незначительными	16 (10,9%)
Затрудняюсь ответить	9 (6,1%)
Ваш вариант ответа	—
Получено ответов	147

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица А 2.2. Результаты опроса респондентов об уровне безопасности

Ощущаете ли вы себя в безопасности, проживая в Республике Беларусь?	
Да	39 (26,7%)
Нет	7 (4,8%)
Считаю свою безопасность относительной, в зависимости от обстоятельств	86 (58,9%)
Иногда человек своим поведением и условиями жизни провоцирует совершение преступления в отношении себя	12 (8,2%)
Ваш вариант ответа	2 (0,14%)
Получено ответов	146

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица А 2.3. Результаты опроса респондентов о подверженности преступным посягательствам

За последний год подвергались ли вы лично преступным посягательствам?	
Да, подвергался(-лась)	19 (13,3%)
Нет, не подвергался(-лась)	124 (86,7%)
Получено ответов	143

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица А 2.4. Результаты опроса респондентов о видах преступных посягательств

Какое посягательство было совершено в отношении вас? (Допускается несколько ответов)	
Умышленное причинение тяжкого, менее тяжкого телесного повреждения	5 (6,4%)
Кража	33 (42,3%)
Мошенничество	14 (17,9%)
Грабеж (разбой)	3 (3,8%)
Вымогательство	1 (1,3%)
Хулиганство	14 (17,9%)
Изнасилование либо насильственные действия сексуального характера	—
Не подвергался(-лась)	8
Получено ответов	78

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

3. Сведения о влиянии гендерно-чувствительных характеристик на девиантные проявления со стороны лиц, обладающих такими характеристиками.

Таблица А 3.1. Влияние гендерно-чувствительных характеристик на девиантные проявления

Считаете ли вы, что такие характеристики, как пол, возраст, наличие ребенка, вероисповедание, этническая принадлежность (национальность), ограниченные возможности (инвалидность), влияют на противоправное поведение лиц, обладающих такими признаками?	
Нет	42 (28,8%)
Указанные факторы могут влиять в зависимости от конкретной ситуации	81 (55,5%)
Ваш вариант ответа	—
Получено ответов	146

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица А 3.2. Результаты опроса о преступном поведении

Как вы считаете, для кого преступное поведение характерно в большей степени? (Ответов может быть несколько)	
Мужчин	90 (63,4%)
Женщин	15 (10,6%)
Несовершеннолетних женского пола	8 (5,6%)
Несовершеннолетних мужского пола	29 (20,4%)
Мужчин в возрасте от 18 до 31 года	32 (22,5%)
Женщин в возрасте от 18 до 31 года	9 (6,3%)
Затрудняюсь ответить	12 (8,4%)
Получено ответов	142

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица А 3.3. Результаты опроса о преступности среди женщин

Почему, на ваш взгляд, преступность среди женщин достаточно распространена?	
В современном обществе права мужчин и женщин равны	26 (18,7%)
В современном обществе права мужчин и женщин не равны	8 (5,8%)
Женщину совершать преступления вынуждают жизненные обстоятельства и зависимое от мужчины положение	50 (36%)
Как правило, женщина совершает преступления, защищаясь	37 (26,6%)
Ваш вариант ответа	—
Влияет социально-экономическое положение, алкогольная и наркотическая зависимости	6 (4,2%)
Причины преступности не зависят от гендера	1 (0,7%)
Указанные причины имеют место, выделить одну из них достаточно сложно	11 (7,9%)
Получено ответов	139

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица А 3.4. Результаты опроса о причинах преступного поведения

Как вы считаете, какие из указанных ниже характеристик могут стать причиной преступного поведения лица? (Ответов может быть несколько)	
Этническая принадлежность	14 (9,5%)
Национальность	22 (15%)
Расовая принадлежность	14 (9,5%)
Культурный уровень индивида, приверженность к субкультуре (например, интернет-сообщества, преступного сообщества)	94 (63,9%)
Отношение к религии	18 (12,2%)
Вероисповедание	20 (13,6)
Инвалидизация I, II, III группы	2 (1,4%)
Психические аномалии	107 (72,8%)
Наркотическая зависимость	128 (87,1%)

Окончание табл. А 3.4

Алкоголизм	131 (89,1%)
Токсикомания	99 (67,3%)
Принадлежность к преступной группе	122 (83%)
Нахождение в преступной среде	123 (83,7%)
Сексуальная идентичность	17 (11,6%)
Получено ответов	147

Примечание. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица А 3.5. Результаты опроса респондентов о необходимости учета в профилактике и предупреждении преступлений гендерно-чувствительных характеристик

Как вы считаете, необходимо ли учитывать характеристики, указанные в таблице А 3.4, для профилактики и предупреждения преступлений?	
Да	137 (93,2%)
Нет	9 (6,1%)
Ваш вариант ответа	1 (0,7%)
Получено ответов	147

Примечание. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

4. Результаты опроса, индивидуализирующие респондента.

Таблица А 4.1. Структура респондентов по гендерному составу

Пол	Количество ответов	Удельный вес, %
Мужской	56	38,1
Женский	91	61,9
Итого	147	100

Примечание. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса

Таблица А 4.2. Структура респондентов по возрасту

Возраст, лет	Количество ответов	Удельный вес, %
До 18 лет	8	5,4
18—24 года	44	29,9
25—29 лет	14	9,5
30—39 лет	34	23,1
40—49 лет	35	23,8
50 лет и старше	12	8,2
Итого	147	100

Примечание. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица А 4.3. Структура респондентов по сфере занятости

Сфера занятости	Количество ответов	Удельный вес, %
Работник производственной сферы	37	25,2
Работник непроизводственной сферы	29	19,7
Служащий	16	10,9
Сотрудник правоохранительных органов	5	3,4
Военнослужащий	—	—
Предприниматель	8	5,4
Учащийся вуза, техникума, колледжа, школы	42	28,6
Адвокат	1	0,7
Домохозяйка	1	0,7
Неработающий пенсионер	3	2
Безработный	5	3,4

Пр и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица А 4.4. Структура респондентов по уровню образования

Уровень образования	Количество ответов	Удельный вес, %
Неполное среднее	—	—
Среднее общее	31	21,1
Среднее специальное	7	4,8
Среднее профессиональное	7	4,8
Высшее	97	66
Ученая степень	5	3,4

Пр и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица А 4.5. Структура респондентов по месту жительства

Место жительства	Количество ответов	Удельный вес, %
Областной центр	103	70,1
Город областного подчинения	30	20,4
Город районного подчинения	7	4,8
Сельская местность (деревня, село и т. п.)	7	4,8

Пр и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Приложение Б

Результаты обработки анкетирования осужденных о преступности и влиянии на ее динамику гендерно-чувствительных характеристик

1. Сведения об осведомленности респондентов о понятиях «гендер», «гендерно-чувствительные характеристики».

Таблица Б 1.1. Результаты осведомленности респондентов о понятиях «гендер», «гендерно-чувствительные характеристики»

Знакомы ли вам понятия «гендер», «гендерно-чувствительные характеристики»?	
Не знакомы	26 (53,1%)
Знакомы, но не могу точно охарактеризовать их содержание	13 (26,5%)
Точно знаю, о чем идет речь	8 (16,3%)
Ваш вариант ответа	2 (4,1%)
Получено ответов	49

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

2. Сведения, касающиеся привлечения респондента к ответственности.

Таблица Б 2.1. Результаты опроса респондентов о привлечении к уголовной ответственности

Какое уголовно наказуемое посягательство вы совершили? (Допускается несколько ответов)	
Корыстное	20 (54,1%)
Насильственное	10 (27%)
Корыстно-насильственное	1 (2,7%)
Насильственные действия сексуального характера	—
Преступление, связанное с распространением наркотических средств	—
Убийство	2 (5,4%)
Необходимая оборона	2 (5,4%)
Мошенничество	1 (2,7%)
Выполнение распоряжения руководителя	1 (2,7%)
Получено ответов	37

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

3. Сведения о влиянии гендера и гендерно-чувствительных характеристик на различных этапах привлечения респондентов к уголовной ответственности.

Таблица Б 3.1. Отличительные признаки, характеризующие респондентов

Какими из перечисленных ниже характеристик вы отличаетесь от окружающего вас большинства? (Ответов может быть несколько)	
Этническая принадлежность	1 (2,1%)
Национальность	1 (2,1%)
Расовая принадлежность	—
Культурный уровень, приверженность к субкультуре (например, интернет-сообщества, преступного сообщества)	6 (12,5%)
Отношение к религии	2 (4,2%)

Какими из перечисленных ниже характеристик вы отличаетесь от окружающего вас большинства? (Ответов может быть несколько)	
Вероисповедание	1 (2,1%)
Инвалидизация I, II, III группы	1 (2,1%)
Психические аномалии	—
Наркотическая зависимость	1 (2,1%)
Алкоголизм	2 (4,2%)
Токсикомания	1 (2,1%)
Принадлежность к преступной группе	—
Нахождение в преступной среде	2 (4,2%)
Сексуальная идентичность	—
Я не отличаюсь указанными признаками от окружающего большинства	34 (70,8%)
Получено ответов	48

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица Б 3.2. Характеристики, повлиявшие на совершение преступления респондентами

Какие из перечисленных ниже характеристик повлияли на ваше противоправное поведение? (Ответов может быть несколько)	
Этническая принадлежность	—
Национальность	—
Расовая принадлежность	—
Культурный уровень, приверженность к субкультуре (например, интернет-сообщества, преступного сообщества)	—
Отношение к религии	—
Вероисповедание	—
Инвалидизация I, II, III группы	1 (2%)
Психические аномалии	4 (8,2%)
Наркотическая зависимость	—
Алкоголизм	8 (16,3%)
Токсикомания	—
Принадлежность к преступной группе	—
Нахождение в преступной среде	—
Указанные факторы не повлияли на совершение мной преступления	38 (77,6%)
Получено ответов	49

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица Б 3.3. Характеристики, повлиявшие негативно в период привлечения к уголовной ответственности

Какие из перечисленных ниже характеристик повлияли, на ваш взгляд, негативно на отношение к вам со стороны представителей власти? (Ответов может быть несколько)	
Этническая принадлежность	1 (2,1%)
Национальность	—

Расовая принадлежность	—
Культурный уровень, приверженность к субкультуре (например, интернет-сообщества, преступного сообщества)	2 (4,3%)
Отношение к религии	—
Вероисповедание	—
Инвалидизация I, II, III группы	1 (2,1%)
Психические аномалии	1 (2,1%)
Наркотическая зависимость	—
Алкоголизм	3 (6,4%)
Токсикомания	—
Принадлежность к преступной группе	2 (4,3%)
Нахождение в преступной среде	3 (6,4%)
Указанные факторы не повлияли на совершение мной преступления	36 (76,6%)
Получено ответов	47

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица Б 3.4. Характеристики, повлиявшие на определенных стадиях развития уголовного дела негативно

Если указанные характеристики негативно повлияли на отношение к вам со стороны представителей власти, на какой из стадий развития уголовного дела подобное проявлялось наиболее открыто?	
На стадии задержания	3 (10,3%)
В процессе расследования	13 (44,8%)
При общении с представителями прокуратуры	1 (3,4%)
В ходе рассмотрения дела в суде	8 (27,8%)
В ходе отбывания наказания	3 (10,3%)
Не было негативных факторов	1 (3,4%)
Получено ответов	29

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица Б 3.5. Характеристики, повлиявшие на определенных стадиях развития уголовного дела позитивно

Какие из перечисленных ниже характеристик позитивно повлияли, на ваш взгляд, позитивно на отношение к вам со стороны представителей власти? (Ответов может быть несколько)	
Этническая принадлежность	—
Национальность	—
Расовая принадлежность	—
Культурный уровень, приверженность к субкультуре (например, интернет-сообщества, преступного сообщества)	2 (4,3%)
Отношение к религии	—
Вероисповедание	—
Инвалидизация I, II, III группы	2 (4,3%)
Психические аномалии	2 (4,3%)

Какие из перечисленных ниже характеристик позитивно повлияли, на ваш взгляд, позитивно на отношение к вам со стороны представителей власти? (Ответов может быть несколько)	
Наркотическая зависимость	—
Алкоголизм	1 (2,1%)
Токсикомания	—
Принадлежность к преступной группе	—
Нахождение в преступной среде	1 (2,1%)
Указанные факторы не повлияли на совершение мной преступления	41 (87,2%)
Получено ответов	47

Примечание. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица Б 3.6. Характеристики, повлиявшие на определенных стадиях развития уголовного дела позитивно

Если указанные характеристики повлияли позитивно на отношение к вам со стороны представителей власти, на какой из стадий развития уголовного дела подобное проявлялось наиболее открыто?	
На стадии задержания	2 (13,3%)
В процессе расследования	2 (13,3%)
При общении с представителями прокуратуры	—
В ходе рассмотрения дела в суде	2 (13,3%)
В ходе отбывания наказания	6 (40%)
Не было позитивных факторов	3 (20,1%)
Получено ответов	15

Примечание. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица Б 3.7. Характеристики, которые могут быть учтены при разработке индивидуальных исправительных программ

Какие из перечисленных ниже характеристик, на ваш взгляд, должны учитываться при разработке индивидуальных исправительных программ? (Ответов может быть несколько)	
Этническая принадлежность	2 (4,7%)
Национальность	1 (2,3%)
Расовая принадлежность	1 (2,3%)
Культурный уровень, приверженность к субкультуре (например, интернет-сообщества, преступного сообщества)	9 (20,9%)
Отношение к религии	3 (7%)
Вероисповедание	3 (7%)
Инвалидизация I, II, III группы	6 (14%)
Психические аномалии	17 (39,5%)
Наркотическая зависимость	8 (18,6%)
Алкоголизм	12 (27,9%)
Токсикомания	5 (11,6%)
Принадлежность к преступной группе	5 (11,6%)

Нахождение в преступной среде	3 (7%)
Сексуальная идентичность	2 (4,7%)
Указанные факторы не повлияли на совершение мной преступления	14 (32,6%)
Получено ответов	43

Примечание. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

4. Результаты опроса, индивидуализирующие респондента.

Таблица Б 4.1. Структура респондентов по гендерному составу

Пол	Количество ответов	Удельный вес, %
Мужской	0	0
Женский	49	100
Итого	49	100

Примечание. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица Б 4.2. Структура респондентов по возрасту

Возраст, лет	Количество ответов	Удельный вес, %
До 18 лет	1	2
18–24 года	4	8,2
25–29 лет	9	18,4
30–39 лет	18	36,7
40–49 лет	10	20,4
50 лет и старше	7	14,3
Итого	49	100

Примечание. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица Б 4.3. Структура респондентов по сфере занятости

Сфера занятости	Количество ответов	Удельный вес, %
Работник производственной сферы	17	34,7
Работник непроизводственной сферы	16	32,7
Служащий	2	4,1
Сотрудник правоохранительных органов	—	—
Военнослужащий	—	—
Предприниматель	11	22,4
Учащийся вуза, техникума, колледжа, школы	2	4,1
Адвокат	—	—
Домохозяйка	1	2
Неработающий пенсионер	—	—
Безработный	—	—

Примечание. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица Б 4.4. Структура респондентов по уровню образования

Уровень образования	Количество ответов	Удельный вес, %
Неполное среднее	2	4,1
Среднее общее	4	8,2
Среднее специальное	18	36,6
Среднее профессиональное	4	8,2
Высшее	21	42,9
Ученая степень	—	—

Пр и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица Б 4.5. Структура респондентов по месту жительства

Место жительства	Количество ответов	Удельный вес, %
Областной центр	21	42,9
Город областного подчинения	15	30,6
Город районного подчинения	10	20,4
Сельская местность (деревня, село и т. п.)	3	6,1

Пр и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Приложение В

Результаты обработки анкетирования об учете гендерно-чувствительных характеристик в сфере правоохранительной деятельности

1. Сведения об осведомленности респондентов о понятиях «гендер», «гендерно-чувствительные характеристики».

Таблица В 1.1. Результаты осведомленности респондентов о понятиях «гендер», «гендерно-чувствительные характеристики»

Знакомы ли вам понятия «гендер», «гендерно-чувствительные характеристики»?	
Не знакомы	45 (30,2%)
Знакомы, но не могу точно охарактеризовать их содержание	79 (53%)
Точно знаю, о чем идет речь	25 (16,8%)
Ваш вариант ответа	—
Получено ответов	149

Пр и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица В 1.2. Частота встречаемости с гендерным измерением в правоприменительной деятельности

Сталкиваетесь ли вы с какими-либо элементами гендерного измерения в своей повседневной работе?	
Не сталкиваюсь	100 (68%)
Вопросы гендерного измерения время от времени возникают	35 (23,8%)
Сталкиваюсь ежедневно	11 (7,5)
Затрудняюсь ответить	1 (0,7%)
Получено ответов	147

Пр и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

2. Сведения о влиянии гендерно-чувствительных характеристик на девиантные проявления со стороны лиц, обладающих такими признаками.

Таблица В 2.1. Влияние гендерно-чувствительных характеристик на девиантные проявления

Считаете ли вы, что гендерно-чувствительные характеристики (приводятся ниже) влияют на девиантные проявления со стороны лиц, обладающих такими признаками?	
Нет	48 (32,9%)
В зависимости от ситуации указанные факторы могут влиять на наличие девиантных проявлений	83 (56,8%)
Да, влияют всегда	10 (6,8%)
Затрудняюсь ответить	5 (3,4%)
Получено ответов	146

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица В 2.2. Влияние гендерно-чувствительных характеристик на девиантные проявления

Получено ответов	По 5-балльной шкале оцените влияние на девиантные проявления каждой из характеристик					
	Шкала баллов	1	2	3	4	5
130	Мигрант	27 (20,8%)	31 (23,8%)	38 (29,2%)	26 (20,0%)	8 (6,2%)
125	Национальность	28 (22,4%)	37 (29,6%)	28 (22,4%)	19 (15,2%)	13 (10,4%)
126	Этническая принадлежность	35 (27,8%)	35 (27,8%)	26 (20,6%)	19 (15,1%)	11 (8,7%)
124	Расовая принадлежность	38 (30,6%)	34 (27,4%)	24 (19,4%)	20 (16,1%)	8 (6,5%)
131	Культурный уровень/ субкультура	18 (13,7%)	28 (21,4%)	28 (21,4%)	21 (16%)	36 (25,5%)
125	Отношение к религии	32 (25,6%)	25 (20%)	31 (24,8%)	23 (18,4%)	14 (11,2%)
121	Вероисповедание	26 (21,5%)	32 (26,4%)	28 (23,1%)	28 (23,1%)	7 (5,8%)
126	Сексуальная идентичность	27 (21,4%)	29 (23%)	33 (26,2%)	18 (14,3%)	19 (15,1%)
130	Роль в совершении преступления	29 (22,3%)	16 (12,3%)	24 (20,8%)	35 (26,9%)	23 (17,7%)
132	Принадлежность к преступной группе	16 (12,1%)	24 (18,2%)	23 (17,4%)	28 (21,2%)	41 (31,1%)
133	Нахождение в преступной среде	16 (12%)	20 (15%)	21 (15,8%)	36 (27,1%)	40 (30,1%)
118	Инвалидизация I, II, III группы	39 (33,1%)	27 (22,9%)	29 (24,6%)	14 (11,9%)	9 (7,6%)
131	Психические аномалии	13 (9,9%)	19 (14,5%)	32 (24,4%)	29 (22,1%)	38 (29,0%)

Получено ответов	По 5-балльной шкале оцените влияние на девиантные проявления каждой из характеристик					
	Шкала баллов	1	2	3	4	5
130	Наркотическая зависимость	14 (10,8%)	16 (12,3%)	20 (15,4%)	25 (19,2%)	55 (42,3%)
128	Алкоголизм	17 (13,3%)	11 (8,6%)	16 (12,5%)	28 (21,9%)	56 (43,8%)
129	Токсикомания	20 (15,5%)	16 (12,4%)	23 (17,8%)	27 (20,9%)	43 (33,3%)

Пр и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица В 2.3. Влияние гендерно-чувствительных характеристик на принятие решений на каком-либо из этапов реализации уголовной ответственности

Получено ответов	Оцените по 5-балльной шкале, какие из нижеперечисленных характеристик могут оказать влияние при принятии вами решения в отношении лица, совершившего преступление и находящегося на каком-либо из этапов реализации уголовной ответственности (досудебное производство по делу, судебное разбирательство, исполнение наказания либо иной меры уголовной ответственности)					
	Шкала баллов	1	2	3	4	5
107	Мигрант	40 (37,4%)	22 (20,6%)	24 (22,4%)	12 (11,2%)	9 (8,4%)
105	Национальность	47 (44,8%)	23 (21,9%)	21 (20%)	12 (11,4%)	1 (1,9%)
104	Этническая принадлежность	49 (47,1%)	20 (19,2%)	22 (21,2%)	9 (8,7%)	4 (3,8%)
101	Расовая принадлежность	51 (50,5%)	22 (21,8%)	15 (14,9%)	10 (9,9%)	3 (3%)
101	Культурный уровень/ субкультура	36 (34,3%)	17 (16,2%)	33 (31,4%)	14 (13,3%)	5 (4,8%)
101	Отношение к религии	46 (45,5%)	20 (19,8%)	11 (10,9%)	17 (16,8%)	7 (6,9%)
99	Вероисповедание	46 (46,5%)	20 (20,2%)	12 (12,1%)	16 (16,2%)	5 (5,1%)
104	Сексуальная идентичность	44 (42,3%)	22 (21,2%)	23 (22,1%)	12 (11,5%)	3 (2,9%)
117	Роль в совершении преступления	12 (10,3%)	12 (10,3%)	27 (23,1%)	27 (23,1%)	39 (33,3%)
118	Принадлежность к преступной группе	16 (13,6%)	13 (11%)	25 (21,2%)	28 (23,7%)	36 (30,5%)
120	Нахождение в преступной среде	22 (18,3%)	12 (10,05%)	27 (22,5%)	30 (25%)	29 (24,2%)
111	Психические аномалии	27 (24,3%)	13 (11,7%)	24 (21,6%)	27 (24,3%)	20 (18,05%)
115	Наркотическая зависимость	17 (14,8%)	14 (12,2%)	30 (26,1%)	15 (13%)	39 (33,9%)

Окончание табл. В 2.3

107	Инвалидизация I, II, III группы	35 (32,7%)	17 (15,9%)	25 (23,4%)	20 (18,7%)	10 (9,3%)
114	Алкоголизм	19 (16,7%)	10 (8,8%)	27 (23,7%)	22 (19,3%)	35 (31,6%)
114	Токсикомания	24 (21,1%)	15 (13,2%)	24 (21,1%)	20 (17,5%)	31 (27,2%)

Примечание. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

3. Сведения об учете гендерно-чувствительных характеристик в законодательстве, уголовной статистике, индивидуальных исправительных программах.

Таблица В 3.1. Об учете гендерно-чувствительных характеристик в законодательстве

Какие из нижеперечисленных характеристик должны быть учтены в законодательстве по противодействию преступности, поскольку говорят об уязвимости индивида, обладающего указанным признаком? (Ответов может быть несколько)	
Мигрант	49 (35,5%)
Национальность	45 (32,6%)
Этническая принадлежность	38 (27,5%)
Расовая принадлежность	48 (34,8%)
Культурный уровень индивида, приверженность к субкультуре (например, интернет-сообщества, преступного сообщества)	46 (33,35)
Отношение к религии	43 (31,2%)
Вероисповедание	41 (29,7%)
Сексуальная идентичность	46 (33,3%)
Роль в совершении преступления	83 (60,1%)
Принадлежность к преступной группе	88 (63,8%)
Нахождение в преступной среде	83 (60,1%)
Инвалидизация I, II, III группы	67 (48,6%)
Психические аномалии	101 (73,2%)
Наркотическая зависимость	84 (60,9%)
Алкоголизм	86 (62,3%)
Токсикомания	75 (54,3%)
Получено ответов	138

Примечание. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица В 3.2. Об учете трансгендерности в правоприменительной деятельности

Встречались ли в вашей практической деятельности лица, характеризующие свою идентичность как трансгендерную, и влекло ли это какие-либо затруднения с точки зрения правоприменения?	
Нет, не встречался в работе с лицами, имеющими трансгендерную идентичность	105 (77,2%)

Встречались ли в вашей практической деятельности лица, характеризующие свою идентичность как трансгендерную, и влекло ли это какие-либо затруднения с точки зрения правоприменения?	
Встречался с трансгендерной идентичностью лиц, совершивших преступление, но это не вызывало затруднений с точки зрения реализации отдельных этапов уголовной ответственности	26 (19,1%)
Встречался с трансгендерной идентичностью лиц, совершивших преступление, и это действительно вызывало затруднения с точки зрения реализации отдельных этапов уголовной ответственности	3 (2,2%)
Нет ответа	2 (1,5%)
Получено ответов	136

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица В 3.3. Об учете гендерно-чувствительных характеристик в уголовной статистике

Какие из нижеперечисленных признаков целесообразно учитывать в уголовной статистике? (Ответов может быть несколько)	
Мигрант	43 (29,9%)
Национальность	21 (14,6%)
Этническая принадлежность	37 (25,7%)
Расовая принадлежность	29 (20,1%)
Культурный уровень индивида, приверженность к субкультуре (например, интернет-сообщества, преступного сообщества)	34 (23,6%)
Отношение к религии	28 (19,45%)
Вероисповедание	25 (17,4%)
Сексуальная идентичность	27 (18,8%)
Роль в совершении преступления	85 (59,9%)
Принадлежность к преступной группе	100 (69,4%)
Нахождение в преступной среде	83 (57,6%)
Инвалидизация I, II, III группы	49 (34,9%)
Психические аномалии	92 (63,95%)
Наркотическая зависимость	98 (68,1%)
Алкоголизм	98 (68,1%)
Токсикомания	78 (54,2%)
Получено ответов	144

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица В 3.4. Об учете гендерно-чувствительных характеристик в индивидуальных исправительных программах

Какие из нижеперечисленных характеристик должны оказывать влияние на формирование индивидуальных исправительных программ лиц, подвергшихся мерам уголовной ответственности?	
Мигрант	32 (22,2%)
Национальность	37 (25,7%)
Этническая принадлежность	35 (24,3%)
Расовая принадлежность	29 (20,1%)

Окончание табл. В 3.4

Культурный уровень индивида, приверженность к субкультуре (например, интернет-сообщества, преступного сообщества)	52 (36,1%)
Отношение к религии	34 (23,6%)
Вероисповедание	35 (24,3%)
Сексуальная идентичность	29 (20,1%)
Роль в совершении преступления	62 (43,1%)
Принадлежность к преступной группе	76 (52,8%)
Нахождение в преступной среде	76 (52,8%)
Инвалидизация I, II, III группы	42 (29,2%)
Психические аномалии	84 (58,3%)
Наркотическая зависимость	87 (60,4%)
Алкоголизм	86 (59,7%)
Токсикомания	72 (50%)
Получено ответов	144

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

4. Результаты опроса, индивидуализирующие респондента.

Таблица В 4.1. Структура респондентов по гендерному составу

Пол	Количество ответов	Удельный вес, %
Мужской	95	63,3
Женский	55	36,7
Итого	150	100

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица В 4.2. Структура респондентов по возрасту

Возраст	Количество ответов	Удельный вес, %
18–25 лет	21	14
25–35 лет	71	47
35–45 лет	54	36
45 лет и старше	5	3

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица В 4.3. Структура респондентов по уровню образования

Возраст	Количество ответов	Удельный вес, %
Высшее и наличие ученой степени	—	—
Высшее	149	99,3
Среднее профессиональное	1	0,7

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица В 4.4. Структура респондентов по сфере деятельности

Сфера деятельности	Количество ответов	Удельный вес, %
Дознание (проверка заявлений и сообщений о преступлениях)	—	—
Следователь	150	100
Судья	—	—
Правоохранительная деятельность на стадии исполнения приговора суда	—	—

Пр и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица В 4.5. Структура респондентов по стажу службы

Стаж службы	Количество ответов	Удельный вес, %
До 5 лет	37	24,7
От 5 до 10 лет	50	33,3
От 10 до 20 лет	50	33,3
Свыше 20 лет	13	8,7

Пр и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Приложение Г

Результаты обработки анкетирования о перспективах использования информационных технологий в правоохранительной деятельности

1. Сведения об обеспеченности компьютерной и иной техникой.

Таблица Г 1.1. Сведения об обеспеченности рабочим местом

Обеспечение рабочим местом	
Имею отдельный кабинет	21 (18%)
Делю кабинет с коллегой	98 (82%)
Получено ответов	119

Пр и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица Г 1.2. Сведения об обеспеченности компьютерной и иной техникой

Оснащение компьютерной и иной техникой	
Мое рабочее место оснащено компьютером	118 (99%)
Мое рабочее место оснащено принтером	98 (82%)
Имею служебный мобильный телефон	9 (7,6%)
Имею служебный планшет	—
Использую личный ноутбук для работы	6 (5%)
Использую личный мобильный телефон для работы	105 (88,2%)
Использую личный планшет для работы	4 (3,4%)
С рабочего компьютера имею доступ в сеть Интернет	14 (11,8%)
С рабочего компьютера не имею доступа в сеть Интернет	96 (80,6%)
Получено ответов	119

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

2. Сведения об использовании информационных ресурсов в правоохранительной деятельности.

Таблица Г 2.1. Сведения об использовании правовых систем в правоохранительной деятельности

Какие правовые системы вы используете? (Ответов может быть несколько)	
Консультант плюс	72 (60,5%)
Нормативка.by	4 (3,7%)
Бизнес-инфо	3 (2,5%)
Pravo.by	92 (77,3%)
Другие системы просим указать	—
Получено ответов	119

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица Г 2.2. Сведения об использовании поисковых систем в правоохранительной деятельности

Какие правовые системы вы используете?	
Google	72 (60,5%)
Yndex	28 (23,5%)
tyt.by	16 (13,4%)
Другие системы (просим указать)	—
Получено ответов	116

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

3. Сведения об использовании информационных технологий в правоприменительной деятельности.

Таблица Г 3.1. Сведения о подключенности в единую внутреннюю сеть

Подключен ли ваш рабочий компьютер в единую внутреннюю сеть следственного отдела?		
Да	Нет	Получено ответов
76 (63,9%)	43 (36,1%)	119

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица Г 3.2. Сведения о локальных сетях

Имеете ли вы возможность обмена информацией, файлами, сообщениями внутри сети?		
Да	Нет	Получено ответов
76 (63,9%)	43 (36,1%)	119

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица Г 3.3. Сведения о готовности использовать в правоохранительной деятельности информационные технологии

Готовы ли вы более активно использовать в своей деятельности информационные технологии?		
Да	Нет	Получено ответов
117 (63,9%)	2 (1,7%)	119

Пр и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица Г 3.4. Сведения об информационных технологиях, которые наиболее предпочтительны

Какие информационные технологии являются для вас более привлекательными? (Ответов может быть несколько)	
Специальные программы для ЭВМ по расследованию конкретных преступлений	62 (52,1%)
Специализированные мобильные приложения для мобильных устройств	23 (19,3%)
Автоматизированное рабочее место следователя	68 (57,1%)
Электронное уголовное дело с доступом в него, в том числе и из мобильных устройств	33 (27,7%)
Средства телекоммуникации	32 (26,9%)
Отметить другое	—
Получено ответов	119

Пр и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

4. Результаты опроса, индивидуализирующие респондента.

Таблица Г 4.1. Структура респондентов по гендерному составу

Пол	Количество ответов	Удельный вес, %
Мужской	75	63
Женский	44	37
Итого	119	100

Пр и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица Г 4.2. Структура респондентов по уровню образования

Возраст	Количество ответов	Удельный вес, %
Высшее и наличие ученой степени	—	—
Высшее	119	100
Среднее профессиональное	—	—

Пр и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица Г 4.3. Структура респондентов по занимаемой должности

Сфера деятельности	Количество ответов	Удельный вес, %
Следователь	64	53,8
Старший следователь	52	43,7
Следователь по особо важным делам	2	1,7
Начальник следственного подразделения	2	0,8

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица Г 4.4. Структура респондентов по стажу службы

Стаж службы	Количество ответов	Удельный вес, %
До 1 года	9	7,6
От 1 до 5 лет	47	39,5
От 6 до 11 лет	46	38,6
С 12 до 17 лет	15	12,6
От 18 до 25 лет	2	1,7

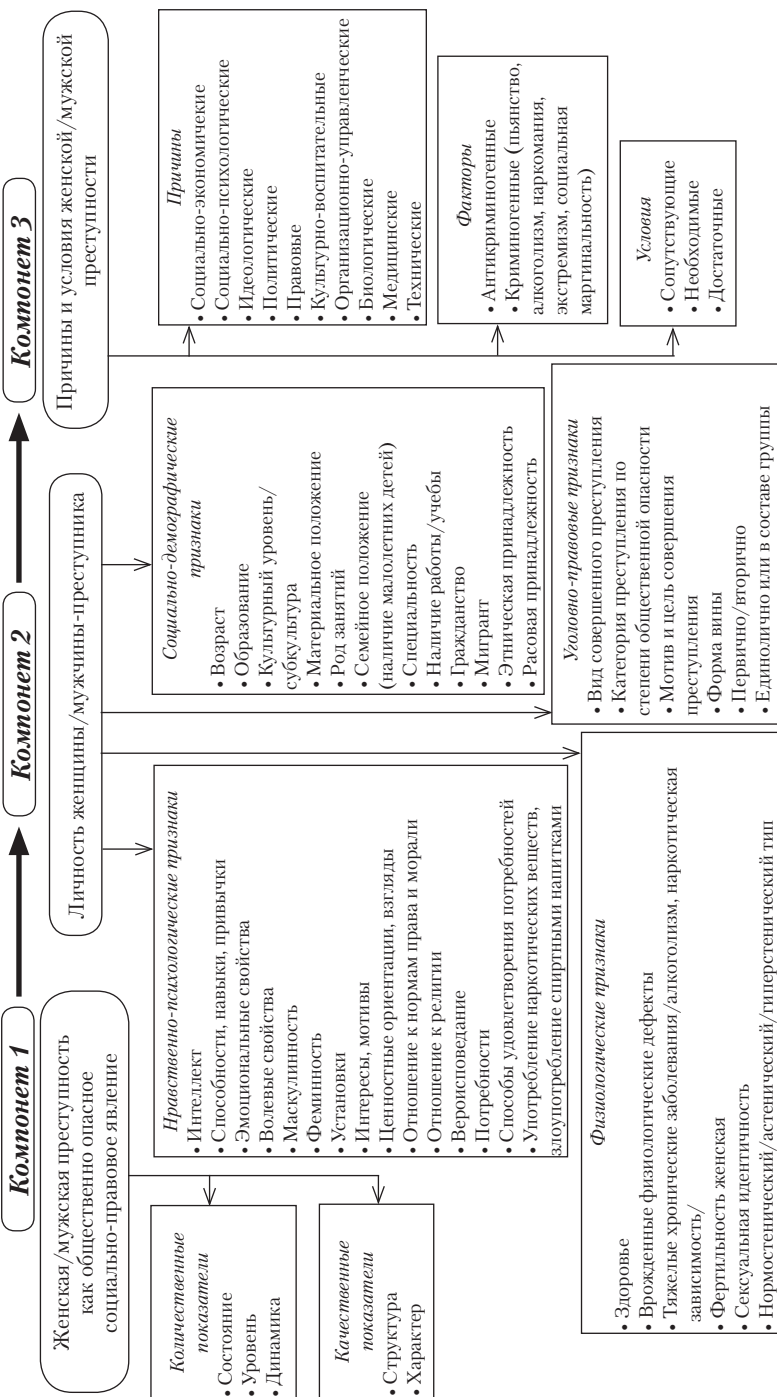
П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица Г 4.5. Структура респондентов по месту службы

Место службы	Количество ответов	Удельный вес, %
Буда-Кошелевский РОСК	8	6,7
1-е Гомельское ГОСК	16	13,4
Гомельский РОСК	18	15,1
Добрушский РОСК	11	9,2
Ельский РОСК	3	2,5
Житковичский РОСК	12	10,1
Жлобинский РОСК	17	14,3
Лельчицкий РОСК	4	3,4
Лоевский РОСК	3	2,5
Октябрьский РОСК	4	3,4
Рогачевский РОСК	14	11,8
Хойницкий РОСК	5	4,2
Чечерский РОСК	4	3,4

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

МОДЕЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ЖЕНСКОЙ/МУЖСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

**Справка о результатах анализа статистических данных
о динамике преступности в Республике Беларусь
и учете гендерно-чувствительных характеристик**

Инновационные подходы к противодействию преступным проявлениям требуют, в первую очередь, реформирования сложившегося порядка ведения статистической отчетности. В рамках представленного исследования нами были подвергнуты анализу данные статистики по формам, ведущимся Прокуратурой Республики Беларусь, Министерством внутренних дел Республики Беларусь, а также органами национальной судебной системы. В ходе исследования нами были изучены данные более 30-ти ведомственных форм статистической отчетности.

Сведения, обобщаемые *Прокуратурой Республики Беларусь*, касаются направлений деятельности прокуратуры согласно действующему законодательству (например, надзор за исполнением законодательства в ходе досудебного производства, надзор за соответствием закону судебных решений, надзор за соответствием закону судебных решений по гражданским и экономическим делам, предъявленные прокурором иски и протесты, рассмотрение обращений, показатели деятельности следователей и другие) и фактически не учитывают каких-либо данных, непосредственно касающихся личности, совершившего преступление*.

Наиболее информативно в плоскости учета гендерно-чувствительных характеристик выглядит *статистика Министерства внутренних дел Республики Беларусь*. В частности, при обобщении имеющихся данных публикуются сведения об уровне преступности на 100 тыс. населения по регионам, данные о регистрации преступлений в целом и их отдельных видов, сведения о раскрытых преступлениях, об удельном весе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, о зарегистрированных преступлениях, совершенных в сельской местности, в общественных местах, о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, группой лиц, в состоянии алкогольного опьянения, лицами, имеющими судимость. Проводится также анализ количества граждан, погибших в результате преступлений; показатели розыска лиц, совершивших преступления, без вести исчезнувших лиц и некоторые другие**.

Из представленных данных с точки зрения учета гендерно-чувствительных характеристик представляют интерес лишь некоторые. Так,

*Отчеты по формам 1Е, 2Е и П / Прокуратура Республики Беларусь. — Минск, 2018.

**Сведения о совершенных правонарушениях на территории Республики Беларусь за январь—декабрь 2017 г. / М-во внутренних дел Респ. Беларусь. — Минск, 2018. — 34 с.

уровень преступности по регионам Республики Беларусь представлен в табл. Ж 1.

Таблица Ж 1. Удельный вес преступности на 100 тыс. населения по регионам

Регионы	Уровень преступности	
	2016 г.	2017 г.
Беларусь	979	909
Брестская обл.	825	774
Витебская обл.	908	866
Гомельская обл.	1 017	947
Гродненская обл.	878	802
Минская обл.	1 210	1 160
Могилевская обл.	1 013	960
г. Минск	976	849

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Сведения о лицах, совершивших преступление, носят весьма ограниченный характер и учитывают признаки: мужчина/женщина/несовершеннолетнее лицо; состояние алкогольного опьянения; совершение преступления неработающим и необучающимся; лицом, имеющим судимость; в составе группы лиц и гражданами иностранных государств (см. приложение Е). Анализ данных сведений по Республике Беларусь в целом показывает, что удельный вес лиц женского пола по отношению к общему количеству лиц, в отношении которых имеются зарегистрированные факты совершения противоправных уголовно наказуемых деяний, составляет 17,1% (8 145 случаев); несовершеннолетних — 3,6% (1 716 случаев); неработающих и необучающихся — 60,6% (28 902 случая); имеющих судимость — 36,3% (17 312 случаев); в составе группы — 11,4% (5 456 случаев); гражданами иностранных государств — 2,5% (1 183 случая)**.

Определенные сведения содержит **статистика судов общей юрисдикции*****. Так, учитывается общее количество осужденных по различным статьям УК, в том числе с обобщением по видам назначенных наказаний (иных мер уголовной ответственности). Аналогичные сведения приводятся применительно к осужденным женского пола и несовершеннолетним. Сведения о составе осужденных, месте и времени совершения преступления позволяют выделить информацию о гражданстве указанных лиц, жителях городов либо сельской местности, женщинах, лицах, совершивших преступление в составе алкогольного либо наркотического (токсического) опьянения, в составе группы (в том числе организованной преступной группы и преступной организации), а также возрастную категорию (14—17 лет, 18—24, 25—29, 30—49 лет).

***Сведения о результатах работы судов / М-во юстиции Респ. Беларусь. — Минск, 2018.

Кроме того, обобщаются данные об образовании осужденных (начальное, неполное среднее, среднее, среднее специальное, высшее и незаконченное высшее), занятие осужденных в период совершения преступления (рабочие, служащие, предприниматели, студенты, неработающие и необучающиеся). Обобщаются сведения о предыдущих судимостях осужденного (неснятая и непогашенная судимость, ранее судимые за преступления против жизни и здоровья, собственности, против порядка осуществления экономической деятельности, хулиганство), число осужденных, совершивших преступление в период отбывания определенного вида наказания либо будучи освобожденным условно досрочно, по амнистии. Применительно к осужденным несовершеннолетним более подробно обобщаются такие факторы, как возраст (14–15 лет, 16–17 лет), пол, проживание в сельской местности, неполной семье либо вне семьи, форма вовлечения в образовательную деятельность, состояние алкогольного (наркотического) опьянения.

Несмотря на широкий перечень охватываемых сведений, имеющиеся по результатам деятельности судов данные не позволяют говорить о формировании всесторонней модели изучения женской/мужской преступности, позволяющей предпринимать адекватные выводы о состоянии преступности в Республике Беларусь и принимать эффективные решения в сфере профилактики и противодействия, в том числе на программном уровне.

Таблица Ж 2. Сведения о работе судов с учетом гендерно-чувствительных характеристик в Республике Беларусь в 2016–2017 гг. , человек

Фактор	2016 г.	2017 г.
Общее количество осужденных	44 770	43 135
Женщины	6 245	6 658
Несовершеннолетние	1 341	1 198
Лица без гражданства, граждане иностранного государства, в том числе стран СНГ	1 242	1 244
В состоянии алкогольного опьянения	16 318	15 299
В состоянии наркотического (токсического) опьянения	1 761	1 535
Совершившие преступление в группе	6 758	6 222
В зависимости от возраста, в том числе:		
14–17 лет	1 341	1 198
18–24 года	8 506	7 366
25–29 лет	7 907	7 276
30–49 лет	22 367	22 211
В зависимости от образования, в том числе:		
начальное и неполное среднее	7 200	6 222
среднее	20 403	18 889
среднее специальное	14 096	14 557
высшее и незаконченное высшее	2 914	3 317

В зависимости от рода занятий, в том числе:		
рабочие	10 181	10 573
служащие	506	475
работники с/х производства	2 457	2 446
предприниматели	891	839
учащиеся	628	537
студенты	870	870
иные занятия	5 812	5 812
неработающие и не обучающиеся	21 583	21 583
Наличие неснятой, непогашенной судимости, в том числе:		
одна	6 934	6 883
две и более	11 197	10 440

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных Министерства юстиции Республики Беларусь.

Приложение И

Результаты обработки анкетирования о желании (нежелании) осведомленности о судимости гражданина

1. Сведения, касающиеся привлечения респондента к ответственности.

Таблица И 1.1. Определение весомости факта привлечения к ответственности

Не привлекались к ответственности	Привлекались к ответственности					
	дисциплинарной		административной		уголовной	
	1 раз	2 раза и более	1 раз	2 раза и более	1 раз	2 раза и более
86	1	—	5	7	1	—

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица И 1.2. Определение весомости факторов осведомленности о наличии судимости

Факт судимости является компрометирующим			Заинтересованность в доступности сведений о судимости граждан для общественности		Заинтересованность в сокрытии факта судимости от окружающих	
Да	Да, при осуждении за тяжкое (особо тяжкое) преступление	Нет	Да	Нет	Да	Нет
54	38	8	62	38	58	42

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица И 1.3. Факторы макро- и микросреды, определяющие причины желаний (нежелания) осведомленности о фактах привлечения граждан к ответственности

Фактор	Респондент желает знать о судимости лиц, входящих в круг его знакомых	Респондент не желает знать о судимости лиц, входящих в круг его знакомых	Без аргументации
В ходе отбытия наказания осужденный исправился, нет оснований доставлять ему дополнительные страдания		6	33
Осведомленность позволит составить общее представление о человеке и выработать тактику общения с ним	23	7	
Осведомленность имеет значение при наличии непосредственной угрозы, в том числе для близких, позволит отградиться от опасности	12	2	
Сведения о факте судимости являются тайной частной жизни и могут разглашаться только по желанию самого лица		2	
Осведомленность о наличии судимости доставит психологические страдания близким		2	
Наличие судимости не характеризует человека с отрицательной стороны, каждый имеет право на ошибку и заслуживает шанс на исправление		4	
Подобные сведения не имеют значения, поскольку в круг моих знакомых не входят лица, имеющие судимость		3	
Осведомленность о наличии судимости создает социальный вакуум, предвзятость, отталкивает близких и знакомых, затрудняет социальную адаптацию	2	4	

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

2. Результаты опроса, индивидуализирующие респондента.

Таблица И 2.1. Структура респондентов по возрасту

Возраст, лет	Количество ответов	Удельный вес, %
От 18 до 25	54	54
От 25 до 35	28	28
От 35 до 45	16	16
Свыше 45	2	2

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица И 2.2. Структура респондентов по сфере занятости

Сфера занятости	Количество ответов	Удельный вес, %
Руководители	11	11
Специалисты	45	45
Рабочие	14	14
Неработающие	7	7
Студенты	19	19
Сотрудники правоохранительных органов	4	4

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Таблица И 2.3. Структура респондентов по гендерному составу

Пол	Количество ответов	Удельный вес, %	Итого
Мужской	24	24	100
Женский	76	76	100

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

3. Результаты опроса, иллюстрирующие восприимчивость к мерам общественного воздействия в зависимости от гендерных характеристик.

Таблица И 3.1. Восприимчивость к мерам общественного воздействия по гендерному составу

Пол	Восприимчивы к мерам общественного воздействия		Невосприимчивы к мерам общественного воздействия		Итого
	Итого	Удельный вес, %	Итого	Удельный вес, %	
Мужской	10	42	14	58	24
Женский	48	63	28	27	76

П р и м е ч а н и е. Источник: собственная разработка на основании данных социологического опроса.

Научное издание

Афонченко Татьяна Петровна
Набатова Анна Эдуардовна
Пасовец Елена Юрьевна
Синица Ирина Михайловна

**ГЕНДЕРНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ:
ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ**

Компьютерная верстка *Н.А. Красковской*
Дизайн обложки *Н.А. Красковская*
Корректор *И.В. Счеснюк*

Подписано в печать 16.12.2019. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,54. Уч.-изд. л. 7,12. Тираж 100 экз. Заказ .

Издательское частное унитарное предприятие «Экоперспектива».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя
и распространителя печатных изданий № 1/199 от 20.02.2014.
Ул. Станиславского, 23, оф. 13, 220033, г. Минск.

Общество с ограниченной ответственностью «Типография Фидрик».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя
и распространителя печатных изданий № 2/193 от 03.02.2017.
Ул. Стебенева, 12а, пом. 13, 220024, г. Минск.